

Бамбер Гасконе

Краткая
история
династий Китая

ЕВРАЗИЯ

Annotation

Гасконе Бамбер.

Краткая история династий Китая. / Пер. с англ, под ред. Кия Е. А. — СПб.: Евразия, 2009. — 336 с.

Протяженная граница, давние торговые, экономические, политические и культурные связи способствовали тому, что интерес к Китаю со стороны России всегда был высоким. Предлагаемая вниманию читателя книга в доступной и популярной форме рассказывает об основных династиях Китая времен империй. Не углубляясь в детали и тонкости автор повествует о возникновении китайской цивилизации, об основных исторических событиях, приводивших к взлету и падению китайских империй, об участвовавших в этих событиях людях - политических деятелях или простых жителях Поднебесной, о некоторых выдающихся произведениях искусства и литературы.

Первая публикация в Великобритании — Jonathan Cape; первая публикация издания в Великобритании этого дополненного издания — Robinson , an imprint of Constable & Robinson Ltd. Публикуется по соглашению с издательством CONSTABLE & ROBINSON LTD. (Великобритания) при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия).

Перевод с английского: кандидата философских наук Кий Е. А.

-
- [Бамбер Гасконе](#)
 - [КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О ДИНАСТИЯХ](#)
 - [ВВЕДЕНИЕ](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [Заключение](#)

- [Список цитированной литературы](#)
 - [Примечания](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
-

Бамбер Гасконе
Краткая
история
династий Китая

ЕВРАЗИЯ

Бамбер Гасконе

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ДИНАСТИЙ

КИТАЯ

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О ДИНАСТИЯХ

Династия ШАН (1600—1100 гг. до н. э.)

Примерно с 1400 г. до н. э. столицей династии Шан стал город Аньян. Владения Шан охватывали равнину Желтой реки, но точно не известно как далеко они простирались. Сами себя они называли шанцами, но в чжоускую эпоху они именовались Инь, и это название зафиксировано во многих классических текстах.

Династия ЧЖОУ (1100—256 гг. до н. э.)

Западная Чжоу (1100—771 гг. до н. э.)

Восточная Чжоу (771—256 гг. до н. э.)

Первоначально чжоуская столица находилась в долине Вэй, но в 771 г. до н. э. чжоусцы были изгнаны оттуда варварами. После они обосновались в городе Лоян, где находились до циньского завоевания в 256 г. до н. э. Территория вассальных Чжоу государств простиралась от Пекина на севере и до территорий, находящихся немногим южнее р. Янцзы.

Династия ЦИНЬ (221—206 гг. до н. э.)

С 230 г. по 221 г. до н. э. династия Цинь захватывала земли, принадлежавшие шести царствам-соперникам (Хань, Чжао, Вэй, Чу, Янь и Ци), для того чтобы основать первую китайскую империю, столица которой также находилась в долине Вэй. Некоторые царства построили стены для защиты своих границ. При династии Цинь были объединены три таких укрепления, что положило начало Великой Китайской стене.

Династия ХАНЬ (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.)

Западная (Ранняя) Хань (206 г. до н. э. — 8 г. н. э.)

Династия Синь (8—23)

Восточная (Поздняя) Хань (23—220)

Первоначально столица Хань находилась в Сиани, в долине Вэй, недалеко от местонахождения столиц Чжоу и Цинь. После того как трон был захвачен Ван Маном, провозгласившем династию Синь («Новая»), императорская семья обосновалась в Лояне. На пике своего расцвета ханьская империя простиралась до гор Памира, охватывая Северную Корею на севере и Северный Вьетнам на юге. Великая Китайская стена тянулась вдоль всего пути до Нефритовых ворот в Дуньхуане; началось движение по Великому шелковому пути.

Эпоха Троецарствия (220—265)

В этот период существовало три государства, которые образовались после раздела империи тремя ханьскими военачальниками.

Эпоха Шести династий (265—589)

Это так называемый период «Разъединения», который подразделяется на множество династий и царств. Самой значительной была династия Вэй на севере и шесть династий на юге: Западная Цзинь, Восточная Цзинь, Лю Сун, Южное Ци, Лян и Чэнь.

Династия Суй (589—618)

Династия Суй вновь объединила Китай; столица династии находилась в Сиани. При этой династии был построен первый Великий Канал, связывавший реки Янцзы, Хуанхэ и Вэй и достигавший, таким образом, Сиани.

Династия ТАН (618—907)

В первой половине VII века династия Тан воссоздала империю практически таких же размеров, что и в период Хань, но их поражение в битве с арабами на реке Талас в 751 г. привело к потере земель на северо-западе. Столицей империи снова был древний город Сиань, а Лоян был восточной столицей. Господство династии было подорвано восстанием Ань Лушаня в 755 г., который некоторое время удерживал в своих руках обе столицы.

Эпоха Пяти династий и десяти царств (907—960)

Север в это время находился под недолгой властью пяти династий, основанных соперничавшими провинциальными военачальниками, в то время как южные территории были разделены между десятью царствами.

Династия СУН (960—1279)

Северная Сун (960—1127)

Южная Сун (1127—1279)

Столицей сунской династии был город Кайфэн, но в 1127 г. правящий дом был изгнан оттуда династией Цзинь. Со временем они обосновались в городе Ханчжоу (называвшийся при Сунах Линьань). В 1215 г. монголы захватили Пекин, который принадлежал династии Цзинь, окончательно покоренной в 1234 г. Таким образом, с 1234 г. по 1279 г. монголы стали ближайшими соседями династии Сун. Граница проходила приблизительно на половине пути между реками Хуанхэ и Янцзы, примерно там же, где раньше она отделяла территории династии Цзинь от сунской империи.

Династия ЮАНЬ (1279—1368)

Монголы назвали свою династию Да юань («Великое начало»); до этого только в период непродолжительного правления Ван Мана и его династии Синь («Новая») использовалось подобное описательное наименование, а не название местности, где правила та или иная династия. В 1260-х гг., еще до окончательного завоевания всех сунских владений, Хубилай-хан Основал столицу своей державы в Пекине. Пекин был столицей при правлении династии Цзинь, которая была уничтожена Чингисханом в 1215 г. Монголы построили второй, сохранившийся до настоящего времени, Великий канал для доставки зерна с юга в новую имперскую столицу.

Династия МИН (1368—1644)

Основатель этой династии обосновался в Нанкине еще до изгнания монголов, после которого город сохранил столичный статус. В 1421 г. третий минский император перенес столицу в Пекин и основал Запретный город. Границы этой империи сопоставимы с территорией династий Хань и Тан, однако не включали Китайского Туркестана — земли, простирающиеся к северу от Тибета, по которой проходил Великий шелковый путь.

Династия ЦИН (1644—1912)

Во время правления последней династии империя достигла наибольших размеров, она включала Внутреннюю Монголию и Китайский Туркестан, впервые в истории — Тибет, Внешнюю Монголию и Тайвань. Маньчжуры основали свою династию, захватив Пекин в 1644 г. Пекин оставался столицей до самого конца существования империи, когда в 1912 г. малолетний император отрекся от престола. Столицей Китайской Республики в период с 1928 г. и до 1946 г. был город Нанкин (южная столица), пока коммунисты не восстановили Пекин (северная столица) в его прежнем столичном статусе.

ВВЕДЕНИЕ

Любопытно, что об искусстве Китая мы знаем намного больше, нежели о его истории, несмотря на то, что китайские предметы обычно описываются с помощью названия той династии, во времена правления которой они были созданы. Цель этой книги — представить в контексте необычные и прекрасные образы китайской культуры, добавляя некоторые реальные детали к «пустым» односложным названиям китайских династий.

Благодаря тому, что путешествие в Китай сейчас проще, чем когда-либо, названия китайских династий стали знакомы уже не только специалистам. Эпоха Тан сейчас вызывает в воображении многих людей образы прекрасных и прочных керамических фигурок лошадей, конюхов или верблюдов, исполненных даже более экзотическим образом, нежели их реальные прототипы. Минская эпоха теперь представляется неотделимой от лучших образцов в изготовлении фарфора, давших приятные образы голубых и белых ваз, за которыми на память приходят три «семейства», появившиеся во времена следующей династии: фарфор в гамме розового, зеленого и желтого цветов. Китайская поэзия тоже стала известной западной публике после того как Артур Уэйли^[1] впервые открыл, насколько легко притягивают нас созданные из слов картины воды, лунного света и пьянствующих ученых. Вздвигающиеся вершины на картинах китайских пейзажей, несколько взмахов кистью, которые превращаются в бамбуковый ствол, цветок, фигура одинокого рыбака — все это наиболее узнаваемые формы китайского искусства. Далее — глазурь, изделия из бронзы, шелка...

Однако все же для многих из нас эти образы парят в каком-то вакууме. Любой образованный человек, увидев греческую вазу, фрески из Помпеи или Ласко, персидскую миниатюру или изображение Тутанхамона, может связать каждое произведение с более или менее специфическим историческим контекстом, но вряд ли он сможет сделать нечто подобное по отношению к изображению лошади династии Тан. Человека, способного довольно точно назвать время правления Ксеркса или Александра Великого или даже Чингисхана,

Акбара или Атаульпы, вопрос о времени правления династии Тан, вероятно, поставит в затруднение. Хотя Китайская империя просуществовала несравненно дольше любой другой, но многие ли неспециалисты смогут назвать хотя бы одного китайского императора? Хан Хубилай, возможно, будет первым, кого вспомнят, однако он даже не был китайцем.

Наша собственная неопределенность знаний о Китае ведет к подозрению, что в этом виноват сам Китай. Ведь разве он не загадочен (именно это слово обычно является основным эпитетом Востока)? Разве нет у него языка письменности, состоящего из десятков тысяч отдельных иероглифов, и языка разговорного, где нужно ухо музыканта для того, чтобы отличить одну тонкую модуляцию звука от другой? Сможем ли мы когда-нибудь овладеть теми ускользающими, но все же периодически повторяющимися маленькими односложными словами, из которых состоят китайские имена? (Не случайно, что имя Кун Фу-цзы, знакомого всем нам персонажа из китайской истории, опознается только в его латинском написании — Конфуций). Как же мы сможем когда-либо понять несомненно устойчивые черты и подавляющую утонченность древней китайской цивилизации, ухватить саму природу общества, в котором ученые наследуют землю, — идея такая же невероятная где бы то ни было, как и наследование земли кроткими.

Эти различия подводят нас к общераспространенному образу таинственного Китая. Однако этот образ отнюдь не достоверен. Читая даже в переводах некоторые из многих сохранившихся китайских текстов, написанных более 2000 лет назад, мы переживаем то же глубокое волнение узнавания, какое испытываем под впечатлением культур Греции и Рима, волнение, которое возникает от соприкосновения только с немногими другими культурами, отделенными от нас таким промежутком времени. Мысли Конфуция и его современников (живших за столетие до Сократа) кажутся несравненно ближе нашим собственным, чем, скажем, мысли древних египтян. Китай оставался для нас загадочным только потому, что эта страна на протяжении большей части своей истории была недоступной, спрятанной за преградой далеких гор, и такое положение дел еще более усугубилось озадачивающим отказом Китая следовать тем основным векторам, по которым развивался Запад. Дорога в Занаду^[2] остается таинственной именно потому, что была длинной и трудной, а не потому,

несмотря на опиумные сны Колриджа, что человек находит в конце пути нечто невероятное.

Изоляция Китая на протяжении многих веков правления императорских династий не была случайной. Полагая себя находящимися в центре мира, китайцам было свойственно соответствующее отсутствие интереса к сопредельным регионам. Люди извне впускались в страну только по специальному разрешению, в основном для того, чтобы заплатить дань или принести дары, при этом считалось естественным, что иностранцы должны страстно желать приобрести искусные китайские товары. Тем не менее китайцы считали свою страну вполне самодостаточной, и единственное, в чем они нуждались извне, были лошади и нефрит, которые ввозились из-за Великой стены. Не случайно Шелковый путь получил свое название потому, что шелк был основным товаром, вывозимым из Китая на Запад. Нет сравнимых по значимости упоминаний о том, что что-то везлось по тому же пути на Восток (в действительности этим путем и не перевозилось ничего заслуживающего внимания). В более близкие к нам времена торговцы отправляли морем в Европу еще один крайне востребованный товар — изысканные китайские фарфоровые вазы и блюда, пиалы и чайные чашки. Опять же не случайно, что в некоторых европейских языках эти вещи, вне зависимости от того, где их производят сейчас, получили название фарфора^[3].

Иностранцам разрешалось делать закупки только под пристальным контролем, а сама торговля ограничивалась специальными территориями, такими как Кантон (сейчас Гуанчжоу). Продажа чего-либо китайцам была фактически невозможна. В XVIII веке европейские послы время от времени ухитрялись доходить до императорского двора с предложениями об установлении двусторонней торговли. Послов вежливо принимали и отправляли обратно вместе с щедрыми подарками, но домой они возвращались без каких-либо контрактов.

Англичане во времена самых позорных событий в имперской истории этой страны были первыми нашедшими товар, которым они могли торговать в Китае. Этим товаром был опиум, специально для этой цели выращиваемый в Индии. Вскоре все возрастающее число китайцев пристрастилось к этому наркотику. Когда китайцы попытались силой остановить эту ужасную торговлю, англичане

вторглись на территорию страны. Победа в закончившейся в 1842 г. первой Опиумной войне принесла англичанам не только Гонконг и гарантированное продолжение торговли опиумом. Это событие также положило начало процессу насильственного открытия Китая европейскому проникновению.

Вскоре европейцы и американцы были хорошо осведомлены об этом новом интересном развитии событий. Менее чем через год после Опиумной войны в Филадельфии открылась китайская выставка, побившая все рекорды по посещаемости. Затем она выставлялась в лондонском Гайд-парке, где также собирались большие толпы народа. Вступительное слово в каталоге выставки подчеркивало, насколько беспрецедентным было это событие:

Еще ни разу в истории мира внимание цивилизованных наций не было столь пристально приковано к Китаю, его ранней истории и современной ситуации, как сейчас. Одного только факта, что китайская нация состоит из 360 миллионов человек, уже самого по себе достаточно, для того чтобы пробудить к ней глубочайший интерес.

То было время необычайного интереса к Китаю, поскольку, как было указано в том же каталоге, эта страна «закрылась от нас занавесом». «Внутренние особенности этой нации, мельчайшие характерные черты, фешенебельные будуары, литературные объединения и храмы этого многочисленного народа были сокрыты от глаз европейского и американского любопытства».

Европейское и американское любопытство не иссякало на протяжении целого века. После падения последней династии в 1912 г. в Китае начался хаос, продолжавшийся до Второй Мировой войны. Однако те, у кого были средства, могли свободно приезжать и наблюдать происходящее в стране. С приходом Мао Цзэдуна и коммунизма в 1949 г. снова опустился «занавес». На протяжении почти трех десятилетий никому из жителей Запада невозможно было попасть в Китай, разве что официальным представителям. Тем не менее в 1970-х гг. Китай постепенно вновь открывается для туристов.

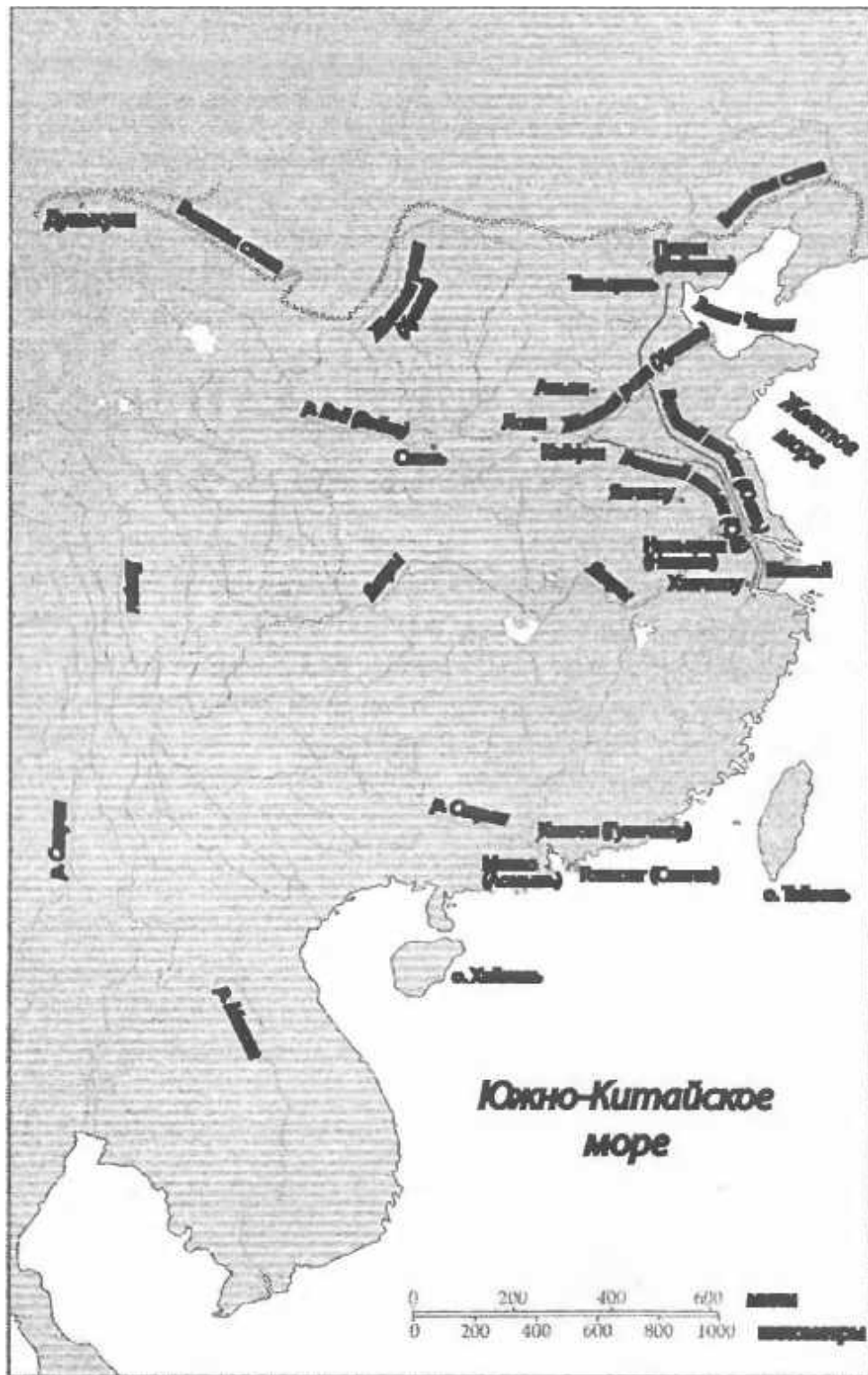
Сегодня поездка в Китай — обычная составляющая любого проспекта туристической компании. Запретный город, Храм Неба, Великая стена, Сиань, Дуньхуан — эти места и названия становятся известными сотням тысяч туристов. Вот еще один повод узнать, чем

Мин отличается от Цин и какая из династий правила раньше — Сун или Тан.

1

ДИНАСТИЯ ШАН (1600—1100 гг. до н. э.)

商

Между известными антропологам останками человека, найденными в районе столицы Китая, и жителем современного Пекина простирается временной интервал приблизительно в 400000 лет. Останки *Sinanthropus pekinensis*^[4] человека, уже овладевшего огнем и

примитивными каменными орудиями труда, были найдены в 1927 г. в пещере, находящейся примерно в 30 милях к юго-западу от современного Пекина. В другой части того же комплекса пещер были найдены скелеты людей, живших около 20000 лет тому назад. Более близкий к нам по времени период неолита представлен обнаруженными в этом же районе многочисленными каменными орудиями труда и керамическими изделиями. Эти вещи можно сопоставить с соответствующими находками в других странах, однако за эпохой неолита в этой части Китая последовала культура бронзового века, не имеющая аналогов в мире по уровню технологии создания посуды и орудий труда. Несколькими веками позже в этом же регионе появляются самые ранние из сохранившихся до наших дней образцов китайской литературы, датируемые приблизительно первым тысячелетием до н. э. Затем, все еще до Рождества Христова, берет свое начало удивительная традиция серии династийных историй, просуществовавшая вплоть до 1911 г.

Ни в одном другом регионе мы не найдем таких подробных данных, позволяющих проследить все развитие цивилизации, как здесь, на Северо-Китайской равнине, которую, словно изгиб руки, охватывает правый рукав Желтой реки.

Этому месту самой природой было предназначено стать центральным регионом. В доисторические времена оно было оптимальным для проживания, поскольку представляло собой удачный компромисс между продуваемыми ветрами степями на севере и изобилующими малярийными комарами и опасными зверями тропическими болотами южного Китая. В более цивилизованные времена именно в этой местности чаще всего располагалась столица империи, и это не было случайностью. Китай состоит из двух больших частей — побережья реки Янцзы, где достаточно влажно и земля плодородна, и Хуанхэ, где климат хотя и более жесткий, но все же подходящий для сельскохозяйственной деятельности. С запада земли защищены Тибетом, с юга — джунглями Индокитайского полуострова, с востока — морем. Незащищенными остаются только северная и северо-западная части. Для защиты именно этой территории 2300 лет тому назад китайцы начали сооружение своей Великой стены.

Преимущество расположения столицы на севере заключается в том, что оно позволяло получать продовольствие и товары из более

богатого южного региона (что стало причиной возникновения еще одного китайского чуда—Великого канала). При этом в мирное время такое местоположение способствовало ведению торговли со всем миром через единственный сухопутный путь из Китая (цепь оазисов на северо-востоке, ставшая Шелковым путем), а в опасные времена столица была защищена от набегов воинственных кочевников из степей Великой китайской стеной. До сих пор Пекин — естественный центр могущества и власти, а там, где некогда скитались кочевники Маньчжурии, сейчас располагается промышленная зона. У истоков письменной истории этой территории стояла династия Шан. Приблизительно за полторы тысячи лет до н. э. столица этой династии и фактически все ее земли располагались как раз на этой северной равнине.

Традиционные китайские представления о начале существования мира отразились в легендах, которые впоследствии, как и в случае с Ветхим Заветом, слились с историческими фактами. Согласно одной из таких легенд все началось с яйца, из которого вылупился человек по имени Пань-гу. Одна половина скорлупы осталась у него над головой и стала небом, другая, что под ним, землей. Каждый день в течение 18000 лет Пань-гу рос все выше и выше, пока обе половинки скорлупы не оказались достаточно далеко друг от друга. Неожиданно он упал замертво, а из частей его тела возникли всевозможные природные объекты. Его легкие стали горами, кровь — реками, дыхание — ветром, голос — громом, глаза — солнцем и луной, а паразиты на его теле превратились в людей.

Эта легенда прекрасно вписалась в возникшую позднее китайскую философию. Ничто так не соответствует гуманистической конфуцианской традиции поклонения предкам и общего недоверия к метафизике, как утверждение, что создателем универсума был человек (типично, что в легенде не задается от вопроса о том, кто снес это яйцо). И нет ничего более отвечающего даосскому идеалу единения с природой, чем тот факт, что тело первого человека должно было стать горами и потоками.

Согласно преданиям, которые появились уже после падения династии Шан, за 18000 лет жизни Пань-гу последовало время правления трех императоров, чьи имена тесно связаны с процессом сотворения мира. Первый — император Неба, второй—Земли, третий

— Человечества. После них правили еще пять императоров, каждому из которых приписывался какой-нибудь особенный вклад в развитие технологии или культуры. Например, самый почитаемый из них — Желтый император — прославился своими законами, инженерным искусством, установлением ритуалов жертвоприношений, пониманием законов астрономии и календаря, в то время как его супруга изобрела шелк.

После этих восьми императоров, чьи черты намечены настолько схематично, что кажутся вымышленными, следуют три династии. Правители самой ранней из них, династии Ся, все еще имели признаки эпических героев. Ее основатель Юй был великим изобретателем, и самой важной его заслугой перед своим народом было то, что он прорезал ущелья в горах для свободного течения рек («Если бы не Юй, мы бы все были рыбами»¹, гласит поговорка). Представители следующей династии Шан в традиционной историографии приобретают уже более реальные черты, однако не сохранилось никаких данных, подтверждающих деяния этой династии. Третья династия, называвшаяся Чжоу, абсолютно исторична. На период ее правления, конец которого датируется 256 г. до н. э., пришлось, в частности, жизнь Конфуция.

Однако где же в этом пространстве между несомненным мифом, несомненным фактом, начинаются факты? Естественно, на протяжении долгих столетий китайские ученые принимали традиционную точку зрения. Их вера в традицию была так же сильна, как вера христианина в Книгу Бытия или труды архиепископа Ашера, в которых он называет год сотворения мира (можно встретить книги, изданные вплоть до второй половины XIX века, в которых все еще утверждается, что 4004 г. до н. э. является точной датой начала недели творения). Однако скептицизм в XIX веке сыграл в Китае ту же роль, что и в христианских странах. Пань-гу и восемь императоров сразу же получили статус легенды. Вслед за ними была отнесена к мифологии династия Ся; появилось мнение, что и династия Шан была выдумана историками намного позже и лишь для того, чтобы подтвердить их собственную теорию о расцвете и упадке династий. В первой четверти двадцатого столетия укрепилось мнение о том, что именно Чжоу была первой реально существовавшей династией в истории Китая.

В конце 1920-х гг., по этому скептицизму был нанесен серьезный удар одним из наиболее впечатляющих археологических открытий XX в. Многие годы крестьяне, вспахивая плугами землю возле современного города Аньян, у подножья гор к северу от Желтой реки, находили обломки костей, на которых были сделаны зарубки. Считалось, что это кости дракона, один из самых распространенных ингредиентов в китайской медицине того времени; под этим названием их и продавали местным торговцам. На нескольких костях помимо зарубок были еще маленькие рисунки и записи. Возможно, это выглядело странным для костей настоящего дракона, поэтому купцы, прежде чем перепродать их врачам, полировали кости до гладкого состояния. Кости дракона были известны как верное средство для излечения нервных расстройств, от которых эти бесценные исторические документы, а таковыми эти кости и являлись, помогали на протяжении многих лет.

В 1899 г. несколько костей с надписями попали в руки торговца антиквариатом, который сразу осознал их историческую ценность. Он предложил их коллекционерам, и в 1903 г. несколько таких надписей было опубликовано известным политиком и, по совместительству, писателем (такое высококультурное сочетание — знаток древностей, писатель и администратор — является вполне нормальным в истории Китая). Эта публикация моментально привлекла внимание всего мира. Новость о том, что найденные ими кости оказались ценнее, чем «кости дракона», долетела и до крестьян из Аньяна. Они начали копать все глубже, и со временем кроме костей на рынки хлынул поток имеющих изящную форму кусочков бронзы. Мародерство продолжалось на протяжении двадцати пяти лет, до тех пор, пока в 1928 г. не начались официальные раскопки.

Оказалось, что в этой местности на протяжении последних двух или трех столетий правления династии Шан располагалась столица, а кости были гадательными костями. Правители династии Шан для принятия решений практиковали гадание на плоских лопаточных костях. В основном, это были кости быков, иногда — других животных. Позже стал использоваться более замысловатый и дорогой материал — вычищенная и отполированная внутренняя поверхность черепаших панцирей. На очищенной поверхности вырезали желобок, прорицатель прикасался к нему раскаленной бронзой и по тому, как раскальвалась

пластинка, давал тот или иной ответ. Отпеты в большинстве случаев были односложные — да или нет, хорошо или плохо. К счастью современных исследователей, прорицатели впоследствии иногда записывали вопросы на костях, используя при этом более 2000 различных знаков, а иногда даже записывали и сами результаты гадания. Затем, проявляя бюрократическую скрупулезность, они сохраняли эти кости. В 1936 г. археологи обнаружили круглую яму, где находилось более 17000 предметов — полностью сохранившийся нетронутый архив. Кости хранились и виде ряда связок, и пиктограмма № на одной из них позднее эволюционировала в современный иероглиф, обозначающий книгу.

Некоторые прорицатели ставили свою подпись на костях, чтобы кости не перепутались. Таким образом историкам стало известно, что прорицатель Ди, живший в конце XIII века до н. э., был самым молодым прорицателем среди своих соотечественников, о чем свидетельствует его поначалу неуверенное написание знаков, которое затем приобретает более четкий характер; прорицатели Юн и Хуан, жившие в следующем веке, отличаются шармом и изысканностью своих надписей. Постепенно стали проявляться и индивидуальные особенности правителей. Они видны в различном отношении к прорицателям: одни правители обращались за предсказаниями чаще, другие реже. В основном, круг вопросов, задаваемых оракулам, ограничивался проблемами, которые имели официальное или общественное значение: жертвоприношение, война, охота или сельское хозяйство. Но, например, У-дин, более других правителей расположенный к прорицателям, беспокоил их даже по сравнительно мелким вопросам: например, кто из его предков был повинен в том, что у него болит зуб. Хорошим примером являются предсказания прорицателя Гу.

Гу задал следующий вопрос при гадании в день моу-у:
Мы собираемся на охоту в Цю, будет ли охота удачной?
В этот день мы действительно убили тигра,
40 оленей, 164 лисицы, 159 безрогих оленей².

Некоторые правители тоже делали записи, в основном, когда вопрос касался рождения наследника престола, тем самым, возможно,

подчеркивая, что это была единственная область, над которой они были не властны.

Кости позволили современным ученым сделать два важнейших открытия. Первое — сведения о династии Шан, закрепленные в традиции и зафиксированные письменной историей лишь тысячу лет спустя, были, в целом, верны. Сыма Цянь, первый и наиболее известный из древних китайских историков, написал в 100 г. до н. э. о тридцати правителях династии Шан. В настоящее время доказано существование почти всех из них благодаря упоминанию имен правителей на костях. Неизвестно, какие записи времен династии Шан были доступны Сыма Цяню, и, само собой, ни одна из них не сохранилась до наших дней, но та точность, с которой он описал давно минувшую эпоху, демонстрирует, каким основательным и бережным было отношение китайцев к истории. Теперь, когда факт существования правителей династии Шан доказан, похоже, что имеются определенные исторические основания говорить и об их предшественниках — Ся. Вероятно, они были доминирующей группой среди племен эпохи неолита, чье место в дальнейшем заняла династия Шан.

Другим удивительным открытием было то, что знаки на костях являются прообразом современного китайского письма. Конечно, это лишь промежуточное звено, поскольку на бронзовых сосудах, найденных вблизи Льяняна, изображены знаки даже более древние, представлявшие собой простые изображения описываемых вещей, такие же, как и многие египетские иероглифы. Тот факт, что было найдено недостающее звено в виде надписей на костях, дает четкую картину развития письменного языка — от пиктограмм до текстов. На бронзовых сосудах для обозначения слова «великий» использовался

знак на костях он стал писаться как ,

а в современном китайском выглядит как (для его написания требуются всего три штриха, что намного проще, чем написать слово «великий»; тем не менее, в случае более сложных иероглифов это далеко не всегда так).

Лишь небольшая часть современных китайских иероглифов имеет столь очевидную линию преемственности, ведущую начало от древнейших знаков, однако есть и другой, менее заметный, но при этом более значимый фактор, благодаря которому письменна на костях стали истоком последующей формы письменности. Во времена правления

династии Шан уже наличествовали принципы, позволяющие расширить существующий иероглифический запас из 2000 знаков до более чем до 30000 знаков. (Количество используемых китайцами времен династии Шан знаков не столь незначительно, как может показаться на первый взгляд. В современной китайской газете употребляются 3000 иероглифов, и даже в памяти ученого может удержаться не более 6000—8000 иероглифов. *Basic English*^[5] Огдена включает всего 850 слов.)

Существует несколько основных способов построения китайских иероглифов. Один из них заключается в соединении двух понятий, обозначающих физические объекты, для получения третьего. Иероглиф, обозначающий человека, выглядит как 人, дверь или ворота — как 門 соединив их вместе, мы получаем 閃 — «выйти из двери» или «уйти с дороги». Точно также физические объекты могут соединяться вместе для выражения абстрактных понятий. Изображение крыши дома выглядит как 宀, если поместить под ним сердце 心 и чашу 皿, то результат — 盜 — будет означать «мир»³. Другой символ для обозначения понятия «мир», построенный по тому же принципу и используемый намного чаще — это изображение женщины под крышей.

Самая же большая группа иероглифов формируется совершенно иным путем: это — сочетание знака, обозначающего тип объекта, с другим, указывающим на звучание слова. Поскольку этот принцип основан на непереваемой игре слов, то объяснить его можно, только придумав совершенно новый иероглиф, который по описанию подходил бы под английский язык. Если бы 宀 обозначал в английском «дом», то тогда 冢 был бы английским аналогом словосочетания «маленький замок». Почему? Когда на шахматной доске появляется слон, его называют замком, поэтому слон — подходящая пиктограмма для изображения такого рода замка. Его присутствие под крышей означает, что мы имеем в виду тот тип дома, который и устной речи произносится «замок».

Такие богатые ассоциации, скрытые в китайском письме, став одним из наиболее важных элементов культурного достояния Восточной Азии, в принципе существовали уже 3500 лет назад. Однако

ключевым является именно слово «скрытые». Было бы ошибочным полагать, что китайцы знали о происхождении иероглифов, которые они читали. Поиск этих истоков — задача специалиста по этимологии. Многие ли из нас задумываются над древними правилами правописания, когда мы употребляем английское слово «*pen*» (ручка)? Тем не менее иностранец, указавший на то, что слово это происходит от латинского эквивалента *penna*, что значит «перо», придаст ему некий антикварный шарм, какой можно ошибочно приписать и китайским иероглифам.

Уникальность китайского письма заключается в другом. Чтение китайского текста обладает, безусловно, целым рядом глубоких особенностей, и причина их в том, что это единственная система письменности, достигшая столь сложных форм без потребности в алфавите. Смысл создания алфавита в том, чтобы изобразить на бумаге знаки, отражающие звуки, обозначающие объекты или идеи, китайский же язык идет в данном случае по более короткому пути, прямо изображая объект или идею на бумаге в виде соответствующего символа. В результате получается, что китайская письменность стирает все барьеры, возникающие в связи с разными диалектами или разницей в произношении на протяжении столетий. Образованные люди из самых разных районов Китая всегда могли вести переписку, несмотря на то, что они не понимали ни слова из устной речи друг друга. Для каждого из них символы будут иметь одинаковые значения, но отзовутся разными звуками в их ушах, точно так же как символы 5 или 23 звучат по-разному для современного француза, испанца или немца.

Хаос в английском правописании, который длился вплоть до елизаветинского периода, иллюстрирует проблему обратного характера: каждый пишущий пытался выразить на бумаге свой собственный способ произношения каждого слова. Шотландское правописание на тот момент так отличалось от английского, что общение было одинаково затруднено как в переписке, так и лично. Так, например, в книге XVII века «История шотландской церкви» для обозначения понятия «который» употреблялось слово *quhilkis*.

Китайская письменность имеет огромное преимущество с точки зрения не только географии, но и истории. Самое значительное изменение письменных знаков произошло 2000 лет назад, поэтому образованные китайцы могут с легкостью читать в оригинале

литературу и поэзию любого исторического периода за эти 2000 лет. На Западе мы ограничены 500 годами. Для того чтобы насладиться сочинениями кого-то старше, чем Чосер, необходима специальная подготовка.

Природа письма и языка сильнейшим образом влияют на способы выражения мысли. Как каждый иероглиф, изображенный на бумаге, устойчив, независим, неизменен в окружении других иероглифов, так же неизменны и слова в классическом китайском языке. Любое из слов не подвержено изменению по родам, не ограничено формами единственного или множественного числа, прошедшего, настоящего или будущего времени, не требует мучительного выбора между дательным или винительным падежами; каждое из этих слов может быть и существительным, и прилагательным, и глаголом, и наречием. Каждый знак во фразе (которая не заканчивается точкой) обособлен, влияет на окружающие его знаки и сам находится под их влиянием в зависимости от того, в каком порядке эти знаки расставлены. Такая система полностью отлична от жесткой, грамматически обусловленной схемы европейских языков. И если европейского писателя можно уподобить ткачу, то китайский скорее походит на ювелира.

Одним из результатов того, что предложение состоит из ряда отдельных образов-знаков в совокупности с отсутствием четких связей, и является тот факт, что в китайском языке высказывание любой сложности намного более неоднозначно, нежели в европейских языках. Именно это обстоятельство способствует тому, что китайцев считают загадочным народом. Каждое предложение классического китайского языка может читаться как отдельное стихотворение. Один американский ученый, переводчик китайских классических текстов, составил абзац на английском языке, с помощью которого попытался передать атмосферу оригинальных китайских текстов, для которых характерны односложность и отсутствие пунктуации:

Небо простирается высокая земля неколебима
там в изобилии зверей стада
крылатые стаи пролетают мимо окруженные
четырьмя морями десять рек несут свои воды
так в самом деле правят государи знатные
помогают мужья пахут жены ткут
достойные старики растят сыновей достойные

потомки служат старикам⁴.

Поэтический потенциал в таком языке очевиден» и это касается даже абзаца, в котором его автор не ставил своей целью создать такое впечатление. Плотность образов-знаков и односложных слов в какой-то мере провоцирует возникновение любопытной современной формы стиха; например, Джерард Мэнли Хопкинс внес рифму в такие строки: «*Each tucked string tells, each hung bell's / Bow swung finds tongue to fling out broad its name*» («Каждый колокол, если потянуть за веревку, качнется, и его звон смело открывает нам его имя»). На взгляд китайца, привыкшего к проведению связей между знаками, это предложение не покажется слишком громоздким.

Китайский поэт — это мастер ювелирного искусства в двух смыслах. Он не только выбирает яркие образы и героев и расставляет их в необходимой последовательности, он еще и использует всевозможные приемы, для того чтобы сгруппировать этих героев и образы в интригующе великолепный объект для созерцания. Таким образом, стихотворение превращается в живописное полотно. Одни и те же кисти используются и в каллиграфии, и в живописи, для записи императорского указа, для начертания волнующего стихотворения на стене дома приятеля или для того, чтобы запечатлеть парой мазков на шелке горный пейзаж, открывающийся из окна загородной резиденции, владение этой кистью на протяжении веков являлось одной из отличительных черт особенного персонажа китайской культуры: ученого, который одновременно был и администратором, и художником, и, как результат смешения этих трех составляющих, совершенным интеллигентом.

В этом отступлении я позволил рассуждениям о китайских письменах перенести меня в более позднее время, время расцвета китайской цивилизации, именно потому, что все эти заслуживающие внимания детали уже встречались в Аньяне. В то время использовались даже те самые кисти. Предсказатели наносили письмена на панцири или кости красными чернилами, а потом лезвием из бронзы или нефрита, образцы которых также были обнаружены, соскабливали закрашенную поверхность. Деликатность, с которой проводилась эта операция, сложный процесс сохранения гадательных табличек в архивах, возможность влиять на общественное мнение (при наличии

мастерства расколоть панцирь можно было так, чтобы получить желаемый ответ) и почтение, с которым имена предсказателей упоминались в записях — почти настолько же часто, насколько и имена их правителей, — все это доказывает, что прорицатели были настоящими предками утонченных китайских чиновников.

В культуре династии Шан, следы которой были обнаружены около Аньяна, очень важную роль играло жертвоприношение. В одной из императорских могил было найдено 45 скелетов, 34 черепа и останки приблизительно 52 птиц и животных. Однако ритуал человеческих жертвоприношений проводился не только при погребении правителя. Освящение любого большого здания требовало жертвоприношения. Прежде всего, собака или ребенок захоранивались в фундаменте. Основания колонн охранялись посредством захоронения человеческих жертв в коленопреклоненной позе вместе с собакой, овцой или быком. Снаружи, перед дверью, в четырех отдельных ямах закапывались четверо также стоящих на коленях мужчин с топорами, иногда и со щитами. Внутри пять воинов, захоронен лицом вниз, их головы ориентированы на центр здания. Когда сооружение здания было закончено, несколько сотен людей приносились в жертву и захоранивались перед зданием вместе с пятью колесницами и всем необходимым вооружением. Все эти мертвецы, вооруженные, перешедшие в мир иной в позе священного повиновения, становились духами-хранителями здания. Расположение тел в одном из массовых захоронений помогло реконструировать состав воинского подразделения времен династии Шан. В центре были погребены пять колесниц, в каждой — три человека: колесничий, лучник и воин с топором, перед ними — тела 25 воинов, справа — еще одна группа из 125 человек, а позади — еще один воин, предположительно командир. Казалось, целый батальон принесли в жертву для охраны этого здания.

В основном, в жертву приносили пленных чужаков, и правители Шан специально для этих целей организовывали нападения на представителей обитавших на северо-западе примитивных племен. Но возможно, что по особо важным случаям в жертву приносились и значимые члены шанского сообщества — например, шанские воины, составляющие описанный выше призрачный батальон. Смысл жертвоприношения в процессе похорон заключался, безусловно, в том, что захороненный человек должен был быть окружен действительно

необходимыми ему верными людьми и предметами. Одно древнекитайское стихотворение рассказывает о том, как некий правитель VII в. до н. э. распорядился, чтобы три самых мудрых человека в империи последовали за ним в могилу в качестве советников. Одним из них был Цзычэ Чжэньху:

Кто сошел вместе с князем Му в могилу?

Цзычэ Чжэньху:

И этот Цзычэ Чжэньху

Мог один противостоять сотне воинов.

Но когда он сходил в могилу,

То дрожал от ужаса⁵.

По той же причине вместе с правителями династии Шан в могилу закапывались и наиболее ценные из принадлежавших им вещей. Усыпальницы были богато украшены, отделаны мрамором и нефритом; кроме того, туда помещали большое количество разного рода бронзовых сосудов, которыми славится эта династия и в наше время. На сегодняшний день считается общепризнанным тот факт, что если и были периоды в мировой истории, когда кто-то мог сравниться по технике выплавки бронзы с мастерами династии Шан, то никто, включая и наше время, не смог их превзойти.

На протяжении нескольких лет после того, как эти бронзовые изделия были найдены и датированы, казалось, что знания о металлах были получены китайцами с практически волшебной внезапностью. Впервые бронзу начали использовать в Китае примерно на 1000 лет позже, чем в бассейне Средиземного моря, и даже высказывалось мнение, что высококлассные мастера пришли в Китай по степным маршрутам, которые проходили к северу от гор и впоследствии стали известны как Великий шелковый путь. Однако различного рода бронзовые изделия, более примитивные, уступающие по качеству и технике выплавки, были найдены в шанских городах, по возрасту превосходящих Аньян. Остается вероятность того, что секрет бронзы был принесен в Китай с Запада приблизительно за 2000 лет до н. э., однако усовершенствование этой техники бронзового литья и доведение ее до не имеющего аналогов уровня — самостоятельное достижение китайцев.

Ассортимент изделий из бронзы огромен (колокола, топоры, сверла, полированные зеркала — и это лишь малая часть списка), но самые впечатляющие из них — сосуды для пищи и вина. Их выпуклая форма и причудливо декорированная поверхность делали их необычайно сложными для отливки.

Мастерам помогли знания их предшественников, великолепно знавших секреты близкого по многим параметрам искусства — гончарного дела. Уже в период неолита предки шанцев изготавливали огромные сосуды с тонкими стенками, которые были декорированы только в верхней части. Основываясь на этой особенности орнамента, можно предположить, что такие сосуды для устойчивости вкапывали в землю. Во время правления династии Шан мастера гончарного дела достигли высокого совершенства, позволяющего им изготавливать формы для отливки предметов из бронзы. Один из примеров — создание оригинального тигля с заостренным дном, чтобы ставить его на огонь, маленьким узким носиком для контроля над литьем и толстыми двойными стенками, между которыми находилась полость, в которую засыпали песок. Песок не давал расплавленному металлу быстро остыть. По-видимому, между стенками сырого глиняного сосуда помещали соломенный куль с песком, и солома сгорала при обжиге тигля.

Важным изобретением было создание форм для отливки, с помощью которых изготавливались изделия. Высокое качество готовых бронзовых изделий, о котором свидетельствует полное отсутствие воздушных пузырьков, четкость и правильность нанесенных узоров, дает основание предположить, что при их изготовлении применялся метод *cire perdue* — самый простой метод отливки, при котором восковая модель изделия заключается в глину (при обжиге, воск, плавясь, вытекает через специально оставленные для этого отверстия, куда потом заливается металл. Как только металл застывает, глину разбивают, высвобождая таким образом бронзовую отливку). Разрозненные детали форм были найдены в Аньяне. Очевидно, что ремесленники составляли разъемную форму из деталей, которые соединялись с помощью штырей и веревок. Преимущество этого метода в том, что он делает возможным примитивную форму массового производства, поскольку формы могут быть очищены от остывшей бронзы и использованы заново. Но дело в том, что не было найдено ни

одного бронзового изделия, сделанного по одному трафарету. Тем не менее доказать, что техника отливки деталей с помощью воска не использовалась, невозможно, поскольку эта техника подразумевает уничтожение глиняной формы, которая разбивается для высвобождения бронзы. Кроме того, позднее, при следующей династии, был отлит ряд изделий, которые можно было получить, только используя именно этот метод⁶. Однако представляется вполне вероятным, что ремесленники династии Шан развивали именно самую трудоемкую технику литья, просто потому, что не знали другой.

Без сомнения, большое количество чаш и кувшинов украшали столы государей во время пиров, но чаще всего сосуды использовались во время проведения ритуалов поклонения предкам. Наиболее характерны для эпохи династии Шан бронзовые треножники-ли — форма, уникальная для северной части Китая. Это сосуд для приготовления пищи, использовавшийся еще неолитическими предками шанцев. Форма сосуда напоминает женскую грудь или вымя, что являлось символом источника жизни и, кроме того, было удобным для приготовления пищи на открытом огне. Ножки сосуда, которые вкапывались в тлеющие угли, были частично полыми внутри, что позволяло готовящейся пище получать максимум тепла. Бронзовые сосуды использовались для приготовления животных, принесенных в жертву в храме предков. Как и в любой другой религии, имеющей элементы жертвоприношений, ели эту пищу священники и приближенные (в данном случае, речь идет о семье). Духи же предков удовлетворялись парами.

Разливание горячего вина — темного напитка из проса — было важной частью церемонии жертвоприношения, и мастера превосходили самих себя в изобретении форм и украшении сосудов, в которых хранилось вино. Горшки для приготовления пищи имели четкое практическое назначение, которое ограничивало разнообразие форм, оставляя, таким образом, мастерам возможность выразить себя через орнаментацию сосуда. Самые красивые из найденных чаш украшают сложные геометрические узоры, фантастические силуэты и изображения драконов. Что же касается внешнего вида сосудов, предназначенных только для хранения жидкостей, то он не регламентировался. Форма их была не столь важна, и эти сосуды могли иметь любые очертания, которые придут на ум мастеру. В результате

причудливые формы в виде птиц, зверей, драконов делают сосуды для вина самыми очаровательными из всех бронзовых изделий династии Шан.

Своим предкам поклонялась не только семья правителя, однако таких семей было, тем не менее, крайне мало, — согласно найденным записям на костях, не более 200. Все остальные были лишены этой возможности по той простой причине, что у них не было родовых имен или фамилий. Это был своего рода замкнутый круг: отсутствие фамилии не позволяло проследить историю рода, а отсутствие точных знаний о предках не давало возможности построить храм — пусть даже небольшой — для поклонения им. В то же время именно храм, сопутствующие ему ритуалы поклонения, а также ведение записей об истории рода, и позволяли проследить возникновение и развитие рода. В любом обществе аристократами считаются те, кто знает историю своего рода с глубокой древности, поскольку именно это является тем критерием, который позволяет им удерживаться на определенном общественном уровне долгое время. Китайцы развили эту простую истину до предела. Ни в одном другом обществе не было таких четких различий между имущими и неимущими в плане родословной. Вплоть до 1948 г. потомок Конфуция в 77-м поколении продолжил приносить жертвы своему предку⁷. Выскочка Европа, которая старается доказать, что у нее тоже есть древние корни, тем не менее, сильно проигрывает в этой области. Самый древний из европейских родов моложе рода китайского мудреца как минимум на девять веков⁸.

Сама природа археологических находок концентрирует наше внимание на правящих классах или на тех, у кого есть роскошные гробницы, а также на наиболее долговечных предметах, захороненных в них, таких как, например, бронза. Однако даже такого рода фрагментарные сведения о жизни в столице Аньян могут быть сложены в единую картину.

Из записей на костях стало известно, что этот город назывался Великим городом Шан и располагался на берегах реки Хуань, притоке Хуанхэ. Город был довольно большим: его руины растянулись на четыре мили на обоих берегах реки, которая являла собой его главную водную артерию. Местоположение города было выбрано весьма разумно, так как равнинная поверхность способствовала беспрепятственному проходу шанских военных колесниц, а леса,

расположенные на западе у подножия гор, давали древесину и были местом охоты. Город почти наверняка был окружен земляной стеной, хотя ее останки до сих пор не найдены. Подобной стеной была окружена предыдущая и намного более примитивная столица Шан, Чжэнчжоу. Было найдено примерно 4000 ярдов этой стены, — шириной 60 футов в основании, в некоторых местах до 12 футов в высоту, эта массивная конструкция была построена по традиционной технологии: в деревянный каркас слой за слоем засыпалась, а затем утрамбовывалась земля, и так делалось до тех пор, пока стена не становилась абсолютно твердой. Такие стены возводились чрезвычайно быстро. Сохранились записи о строительстве одной из них примерно в VI в. до н. э.:

Управляющий... определил количество работы и срок ее выполнения; установили каркас, выдали корзины, инструменты для засыпания земли и другие, необходимые для возведения стены, предметы; он разметил шагами фундамент; снабдил нас провизией; определил надсмотрщиков. Работу закончили в тридцать дней, точно уложившись в предписанные сроки⁹.

За долгие годы привлечение огромного количества людей для выполнения крупных проектов в краткие сроки стало в Китае устоявшейся традицией. Недавний пример датируется 1959 г., когда пекинский Зал собрания народных представителей на 10000 мест был построен всего за десять месяцев.

Фундаменты и стены вокруг наиболее важных зданий в Великом городе Шан возводились по тому же принципу из утрамбованной земли на каркасе из деревянных колонн и, возможно, с соломенной крышей над ними. В противоположность этому, обычные люди жили в землянках, но это не так страшно, как может показаться. Почва местности, состоящая в основном из лесса, позволяла рыть глубокие котловины для жилья — и действительно, на протяжении длительного периода истории люди жили в комфортно обустроенных землянках, вырытых в лессовой почве. Ведущий английский синолог Джозеф Нидэм, исходя из личного опыта, утверждал, что лессовые пещеры могут служить «очень удобными домами, прохладными летом и теплыми зимой»¹⁰. Без сомнения, шанский вариант был менее

удобным, однако в центре каждой раскопанной землянки на полу лежал камень, на который, вероятно, опирался шест, подпирающий крышу. В местности, знаменитой своими свирепыми ветрами, было, возможно, более выгодно проживать и подобных условиях, наполовину в земле.

Не нужно лишний раз повторять, что большинство населения, как и в любом доиндустриальном обществе, от восхода до заката занималось сельским хозяйством и работало в поле вместе с пленниками или рабами, еще не принесенными в жертву. Бронза была единственно доступным и очень дорогим металлом, поэтому основные орудия труда делались, как и в эпоху неолита, из камня и древесины.

Знать того времени, как и следует предположить, воевала, охотилась и отправляла ритуалы — так же, как и в любую другую эпоху в любом другом месте. Места своего отдыха она обустроивала достаточно роскошно. Бронзу использовали в домашнем обиходе. Найденный туалетный набор, полностью выполненный из бронзы, включал в себя кувшин для воды, сосуд для ее хранения, черпак, тазы для стирки, а также большую керамическую лопаточку с ручкой, определенно используемую как пемзу для ухода за телом. В качестве зеркал использовались круглые отполированные бронзовые пластины, которые во времена последующих династий в интерьерах богатых домов стали одной из наиболее восхитительных категорий утвари с их впечатляющей рельефной тыльной частью. Также были найдены три пары палочек для еды¹¹ (до этого появление палочек — самого характерного атрибута китайской кухни — датировалось более поздним периодом, примерно III в. до н. э.); однако самая удивительная находка — это большое количество сделанных из нефрита палочек для чистки ушей. Для изготовления одежды использовали пеньку (грубое волокно) и шелк — подтверждение того, что шелк был известен китайцам еще в эпоху неолита; украшения же изготавливались из золота, слоновой кости, равно как и из бронзы. В качестве денег, в случае, если невозможно было произвести обмен товарами, имели хождение раковины каури — одна из самых популярных единиц обмена во всем мире. Их привлекательность объяснялась смутным сходством с женскими половыми органами; кроме того, у них есть ряд качеств, намного более важных в денежном обращении: они редки и долговечны, удобны для того чтобы носить их с собой, красивы, кроме того их нельзя подделать.

Интеллектуальная жизнь в эпоху Шан была далеко не инертной. Ученые этой династии достигли потрясающих успехов. В их числе можно упомянуть создание календаря — одного из важнейших изобретений человечества, жизненно необходимого для тех, кто занимается сельским хозяйством, также необходимого для поддержания престижа правителя, поскольку считалось, что времена года состояли в его подчинении. Астрономы, используя лунный месяц как единицу отсчета, объединяли месяцы в солнечный год, что было нелегкой задачей. Даже ислам, например, решил пренебречь ею, позволив каждому мусульманскому месяцу, как, например, рамадану, медленно перемещаться в рамках солнечного года. Шанские астрономы решили и эту задачу, введя семь дополнительных лунных месяцев в течение каждого девятнадцати летнего цикла. В результате средняя продолжительность их года всего на одиннадцать минут отличалась от той, что мы сейчас принимаем за точное значение¹².

Письменность также, по-видимому, использовалась не только в целях записи предсказаний на костях, о чем свидетельствует хотя бы то, что новые иероглифы появлялись в тот период в значительно больших количествах, нежели то было необходимо для гадательных целей. В более поздние времена, еще до того, как появилась бумага, бамбуковые планки и шелк стали традиционными атрибутами китайского письма. Оба эти материала весьма подвержены порче и вполне могли использоваться в Великом городе Шан.

Достаточно сложно определить размер территорий, подчинявшихся в центральном Китае. Несомненно влияние Шан простиралось довольно далеко, поскольку следы этой культуры найдены в долине Янцзы в 400 милях к югу. Однажды армия Шан двигалась 106 дней маршем в военном походе с целью помочь вассальному государству. Что неизвестно, так это то, над какими из этих территорий правители осуществляли реальный контроль, а где их влияние было исключительно культурным, влиянием более развитой державы, которой хотели бы подражать более мелкие государства.

Образ жизни и культура шанцев безусловно оказали огромное влияние на всю историю страны. Вот один из примеров: считается, что города в эпоху династии Шан были квадратными, а дома располагались в соответствии со сторонами света — эти условия оставались неизменными при планировании китайских городов во все времена, и

до сих пор такая планировка характерна для Пекина и многих других современных городов Китая. Более того, шанцы считали, что земли, окружающие их территории, должны формировать еще один квадрат, в котором находятся вассальные государства, а остальная часть мира образовывала последний квадрат, в точке пересечения диагоналей которого и находился Великий город Шан. Такой китаецентричный взгляд на мир распространялся на весь универсум, который, как считалось, состоял из трех слоев: небес наверху, земли внизу и мира людей посередине. Общая структура напоминала доску для игры в трехмерные крестики и нолики, а люди династии Шан и их Великий город находились в самом центре этой доски. Это теория приятна для тех, кто, согласно ей, находится в центре, и китайцы остаются верными ей многие столетия. Названием их страны было и остается до сих пор *Чжунго*, что значит «Срединное государство».

2

ДИНАСТИЯ ЧЖОУ (1100—256 гг. до н. э.)

Влияние культуры династии Шан распространилось, естественно, и на ближайшие племена, среди которых было и Чжоу, которое к XI веку до н. э. многому научилось от шанцев, что и позволило ему в конце концов свергнуть их. Чжоусцы занимали территорию к западу от Шан в долине реки Вэй, одного из главных притоков Хуанхэ. Они стали буфером между цивилизацией и варварством — позиция, которая, как показывает история древнего Китая, в ряде случаев идеальна для завоеваний. У своих восточных соседей чжоусцы научились тонкостям дипломатии и искусству войны, а кочевники, которые нападали на них с гор, окружавших их земли с трех сторон, подогревали их отвагу и понуждали расширять границы своих земель в сторону зеленых пастбищ. Существует даже мнение, что несколькими столетиями ранее чжоусцы сами были варварами, на которых, чтобы захватить в плен воинов для жертвоприношений, совершали набеги шанцы¹. Если это действительно так, то в их дальнейшей победе над Шан присутствует некая высшая справедливость.

Дата смены династий стала причиной множества споров. В традиционной китайской историографии указан 1122 г. до н. э., в XX веке после неоднократных пересчетов точной датой считается 1027 г. до н. э. Последняя дата устраивает большинство ученых, но, тем не менее, в последнее время появляются и другие варианты, которые колеблются от 1137 г. до н. э. до 991 г. до н. э. Такое расхождение объясняется тем, что китайцы, как правило, начинали отсчет событий с прихода к власти новой династии. Европейские государства тоже практиковали такую датировку в некоторых документах, однако китайцы не имели многовековой хронологии, где бы точно датировалось время правления каждой династии. У них не было великого пророка, от даты рождения

или смерти которого они вели бы отсчет. События складывались во временную цепочку, и неточность одного звена вела к путанице во всех остальных. Неудивительно, что ранние даты китайской истории несколько беспорядочны. Однако, что более удивительно, — и это лишний раз указывает на страсть китайцев к ведению записей, — даты китайской истории, не имеющей единой хронологической системы, считаются более-менее достоверными уже начиная с VIII века до н. э.

Столь же спорным моментом стал абсолютно новый для того времени способ правления, который избрали правители династии Чжоу. Они рассылали сравнительно небольшие группы родственников и приближенных в разные районы страны и назначали их управителями этих земель; те строили небольшие города-крепости, откуда управляли прилегающими территориями. Подобная ситуация вассальной зависимости знати, управляющей провинциями, расположенными по всей территории государства, живущих в замках-крепостях, напоминает феодальную структуру Европы, и спор как раз идет о том, насколько эта система соответствует феодальной европейской системе. Безусловно, эта система имела много общего со средневековым феодализмом в Европе. Есть документы, подтверждающие, что крестьяне были обязаны возделывать определенную часть земель господина, управлявшего данной территорией, а правители этих земель должны были периодически являться к верховному правителю с отчетом и собирать армию, если государь объявлял войну. С другой же стороны, в период ранней Чжоу централизованная власть государя, похоже, основывалась скорее на военном превосходстве и административном подчинении, нежели на чистой вассальной зависимости. Правитель династии Чжоу собрал четырнадцать армий для вмешательства во внутренние дела разных регионов, и иногда даже рассылал ревизоров, которые имели полномочия судить или заключать в тюрьму местных правителей. Это очень похоже на стандартную военную или гражданскую систему подчинения, за исключением одной непреложной привилегии феодалов, которая заключалась в том, что власть передавалась по наследству из поколения в поколение.

Еще одной чертой, сходной с европейской феодальной системой, было стремление к дезинтеграции. Каждый местный правитель, в чьем подчинении находилось местное население, имел право вторгаться в близлежащие населенные пункты, также находящиеся в вассальной

зависимости от Чжоу. Таким образом, централизованное правление во главе с императором постепенно слабело, и в 771 г. до н. э. правительство было изгнано из их столицы на реке Вэй варварскими племенами и присоединившимися к ним повстанцами, и оттеснено на восток к другому притоку Желтой реки, в Лоян. Династия, по крайней мере, сохранила свое имя и стала известна в истории как Восточная Чжоу (эпоха, при которой столица этой династии находилась на севере, стала называться Западной Чжоу). После этого Чжоу просуществовала еще пять столетий, но при этом на самом деле сохранялась лишь внешняя форма и титул. За время существования двух династий Чжоу мелкие населенные пункты, которые по-прежнему называли себя вассалами, поглощали друг друга, постепенно превращаясь в немногочисленные, но более могущественные единицы, боровшиеся за независимость с некогда единой империей. Таким был фактически неизбежный исход событий, вызванный географией этого закрытого субконтинента. Этим новым государствам, каждое из которых было значительно сильнее, чем небольшое теперь чжоуское царство, было выгодно поддерживать легенду о превосходстве Чжоу, пока одно из них не поглотит, в конце концов, все остальные. Правители Чжоу исполняли одну крайне важную функцию — они продолжали приносить жертвы предкам. Лишенные жертвоприношений духи предков могли вызвать множество проблем, особенно если они были духами правителей, сыновей Неба, а каждый из региональных правителей почитал себя потомком чжоуских государей, пусть даже по какой-нибудь побочной линии. Таким образом, великие владыки регионов, не обращая на государство Чжоу никакого внимания во всех остальных сферах, приходили, тем не менее, к его правителю для обсуждения вопросов, касавшихся родословной и церемониала.

Процесс, в рамках которого государство Чжоу сначала распространило свою власть на все окружающие территории, а после — распалась на части, имел один результат, сильнейшим образом повлиявший на всю дальнейшую историю Китая. Правители разных частей государства считали себя наследниками одной и той же культуры, что, с одной стороны, их объединяло, а с другой — отделяло от жителей других регионов. Такое единство культуры означало, что, каким бы сильным не было политическое и военное соперничество, между царствами все равно присутствовал свободный обмен идеями и

мнениями, и ученые переезжали от двора ко двору, подобно европейским священнослужителям, которые переезжали из епархии в епархию, рассчитывая на теплый прием братьев единой истинной церкви, независимо от государственных границ. Сам факт того, что существовало множество мелких царств, каждое из которых стремилось использовать новые методы управления, способствовал появлению множества идей и бурному росту интеллектуального уровня китайцев (примерно то же самое в этот период времени происходило в Греции). Этот процесс повлиял на всю дальнейшую историю Китая. Можно даже сказать, что вся «классическая литература древнего Китая полностью состоит из документов чжоуского правящего класса»².

Одной из самых ранних классических книг является «Ши-цзин» («Канон стихов», или «Книга песен»), которая состоит из более чем 300 песен и стихотворений, созданных в XI—VI вв. до н. э. Это древнее собрание включает в себя народные песни, отличающиеся задумчивостью и ясностью, что характерно и для более поздней китайской поэзии. Такова, например, короткая, но очень проникновенная мольба девушки, страдающей без любимого:

*Слива уже опадает в саду;
Стали плоды ее реже теперь.
Ах, для того, кто так ищет меня,
Мига счастливей не будет, поверь.
Сливы уже опадают в саду.
Их не осталось и трети одной.
Ах, для того, кто так ищет меня,
Время настало для встречи со мной.
Сливы опали в саду у меня,
Бережно их я в корзинку кладу.
Тот, кто так ищет и любит меня,
Пусть мне об этом скажет в саду^[6] ³.*

Но «Книга песен» содержит также множество стихотворений, описывающих церемонии или ритуалы. Например, одно из них рассказывает о могущественных вассалах, представших перед государевым двором:

*Мужжи благородства спешат ко двору -
Знамена с драконами видны вдали.
Знамена полощутся их на ветру,
И звоном звенит колокольчик сильней,
И тройки пришли, и четверки коней -
Мужжи благородства спешат ко двору^[7]⁴.*

Эта книга является прекрасным сборником ранней китайской поэзии, и, кроме того, дает нам возможность заглянуть во времена правления древней династии Чжоу. Люди, жившие во времена поздней Чжоу (а длительность правления Чжоу составляет 800 или 900 лет, или, грубо говоря, период от завоевания Англии норманнами до сегодняшнего дня), видели в «Каноне стихов» не только эти две вещи, но и сборник цитат, хранилище знакомых образов, где дипломат мог найти скрытые, но безошибочно верные образцы поведения, а ученый — проверенный временем аргумент в защиту своей точки зрения. Как европейские авторы многое черпали из Библии, так и китайские авторы времен поздней Чжоу при написании новых книг во многом опирались на первый из китайских канонов.

Одним из первых, кто черпал свои знания из «Книги песен», был Конфуций. Нам почти ничего не известно о его детстве и юности, которые, судя по немногим имеющимся данным, не представляли ничего особенного. Он родился в благородной, но обедневшей семье и зарабатывал на жизнь, работая мелким служащим, едва ли сильно отличавшимся от простого счетовода. Положением, которого он добился к зрелому возрасту, Конфуций был обязан вовсе не практическим достижениям, не администраторским или реформаторским успехам, о которых он так мечтал, а тем качествам, за которые его ценили потомки: он получил известность как мудрец, а главное — как учитель.

Образование в то время было весьма дорогостоящим и доступным только представителям знати. То, что мы называем гуманитарным образованием, в Китае представляло собой изучение «Канона стихов» и других классических произведений и было доступно лишь людям обеспеченным, имевшим возможность нанять для своего ребенка частного учителя. Обучение же молодых чиновников, поступавших на работу в правительственное учреждение, более практическим вещам,

таким как порядок проведения общественных ритуалов, входило в ежедневную обязанность опытных чиновников. Конфуций, который известен как самый образованный человек своего времени, в юности был слишком беден для того, чтобы иметь учителя, и, вероятней всего, занимался самообразованием в то время, когда служил чиновником.

К моменту, когда о нем впервые упоминается в истории, у него уже была группа учеников. Он организовал первую в истории Китая школу, где ввел радикально новый принцип: принимать способного ученика вне зависимости от его социального происхождения и материального положения его семьи. Нам известны имена примерно двадцати его учеников, и большинство из них — выходцы из почтенных семейств, так что новый принцип Учителя применялся, по-видимому, более в теории, чем на практике. Но сама идея того, что критерием отбора учеников и чиновников должны служить личные заслуги и способности, была принципиально новой. Этот принцип китайцы под влиянием конфуцианства ввели в свою официальную политику задолго до того, как это сделали другие страны, даже несмотря на то, что на деле ситуация, как и при самом Конфуции, была далека от идеала. Понятие меритократии, или социальной мобильности с экзаменами в основе, — весьма популярная ныне теория, впервые была применена в Китае две тысячи лет назад, развившись из идей Конфуция, появившихся за пятьсот лет до этого.

Несколько последователей Конфуция были примерно одного с ним возраста, так что школа, возможно, развилась из кружка друзей, которые вели дискуссии в неформальной обстановке. Конечно, все свои идеи Конфуций, как и родившийся через несколько лет после его смерти Сократ, излагал устно. Однако Конфуций обсуждал вопросы более близкие к практике, нежели те, о которых говорил со своими юными доверчивыми друзьями Сократ. Китайское мышление всегда было чуждо абстрактных идей и никогда не проявляло особого интереса к метафизике и чистой логике. В своем учении Конфуций поднимал практические проблемы, он рассуждал о поведении истинно благородного мужа, о природе хорошего правления, и, прежде всего, о том, как первое может привести ко второму.

Сократ презирал политическую жизнь и, как он заявил своим судьям, считал, что любая официальная служба неизбежно приведет к разрушению его принципов. Конфуций также ревностно

придерживался своих принципов, но при этом был уверен, что рано или поздно в одном из государств придет к власти тот правитель, который согласится с его нравственными нормами и законами. Осознав на исходе пятого десятилетия своей жизни, что его идеи не будут признаны, что его удел — занимать почтенную должность в родном государстве Лу, он с несколькими последователями отправляется в путешествие по близлежащим государствам в поисках сильной государственной власти. Слава о нем как ни учителя распространилась по всей стране, его везде принимали с почтением. Но принесло ли это почтение какие-то реально ощутимые результаты? «Если бы [правитель] использовал меня [на службе], то я бы в течение одного года навел порядок, а через три года добился бы успеха»⁵, — говорил он. Но ни один правитель не воспользовался учением, которое предлагал Конфуций. Его неприятели считали, что он был человеком «непрактичным, амбициозным, слишком много внимания уделял церемониалу и имел много странностей»⁶. Возможно, он действительно был непрактичен, и его любовь к правде, его критицизм, которые проявлялись во время бесед, вполне могли быть сочтены правителями, не привыкшими к подобного рода диалогу, за амбициозность. После десяти лет странствий он вернулся в своё родное государство Лу, где посвятил себя преподаванию. Он понял, что это единственная возможность применить свои идеи на практике, поскольку сто лучших ученики уже занимали те высокие должности, которые оказались недоступными для их учителя. Те знания, которые он давал им, предназначались для практичных правителей. Одной из причин успеха его учеников были их безусловные интеллектуальные способности. Конфуций обучал только самых способных, и их ум в сочетании с его учением оказывался бесценным в тонких дипломатических ситуациях и переговорах, когда имеющий под рукой конфуцианца правитель получал все, что хотел, от своего не располагающего такого рода советником соседа. При этом следует упомянуть, что ученики Конфуция под влиянием идей, привитых им учителем, воспринимали себя как бескорыстных чиновников, которые, верно служа государю и народу, способствуют благу государства.

Конфуций вложил в своих учеников идеал личной и социальной гармонии, гармонии, при которой каждый здравомыслящий и почитаемый другими индивид с гордостью и достоинством исполняет

свою роль в рамках четкой иерархии семьи, подобно тому, как семья играет свою роль в рамках государства или само государство — в структуре всего мироздания. Согласно Конфуцию, существует многоуровневая пирамида основанных на уважении и обязательствах отношений, символом каждого уровня которой выступают отношения между отцом и сыном. Сын почитает отца, а отец, в свою очередь, имеет право на это почтение (право, которое в некоторые периоды китайской истории было подтверждено законом). Но при этом отец является сыном по отношению к главе своей общины, а тот, в свою очередь, является сыном по отношению к кому-то, кто стоит над ним, и так далее, вплоть до императора, который, называя себя Сыном Неба, проводит эту цепочку через своих умерших предков прямо к божественным силам, которым подвластна сама природа. Только тогда, когда совершенные формы унижения будут поддерживаться в обществе, государство обретет мир и порядок, и только если ритуал жертвоприношения проведен с глубоким уважением к умершим предкам правителя, которые в своем новом положении могут контактировать с богами, в природе вместо засух и наводнений будет торжествовать гармония. Этот принцип не был открыт Конфуцием, он существовал задолго до него, но именно Конфуций сумел выразить его наиболее впечатляющим образом.

Для определения гармонии Конфуций любил использовать два образа: музыку, как образ внутренней гармонии, и свое любимое слово — *ли*, которое зачастую переводится как ритуал или совокупность отношений, с помощью которых люди живут в мире друг с другом в условиях стабильного общества. Такое видение четко организованной иерархии, отраженный в музыкальной гармонии, практически совпадает с тем, что Шекспир вложил в уста Улисса в пьесе «Троил и Крессида»:

*На небесах планеты и Земля
Законы подчиненья соблюдают,
Имеют центр, и ранг, и старшинство,
Обычай и порядок постоянный.
И потому торжественное Солнце
На небесах сияет, как на троне,
И буйный бег планет разумным оком
Умеет направлять, как повелитель,*

*Распределяя мудро и бесстрастно
Добро и зло. Ведь если вдруг планеты
Задумают вращаться самовольно,
какой возникнет в небесах раздор!
Какие потрясения их постигнут!
Как вздыбятся моря и содрогнутся
Материки! И вихри друг на друга
Набросятся, круша и ужасая,
Ломая и раскидывая злобно
Все то, что безмятежно процветало
В разумном единенье естества.
О, стоит лишь нарушить сей порядок,
Основу и опору бытия -
Смятение, как страшная болезнь,
Охватит все, и все пойдет вразброд,
Утратив смысл и меру. Как могли бы,
Закон соподчиненья презирая,
Существовать науки и ремесла,
И мирная торговля дальних стран,
И честный труд, и право первородства,
И скипетры, и лавры, и короны.
Забыв почтенье, мы ослабим струны —
И сразу дисгармония возникнет.
Давно бы тяжко дышащие волны
Пожрали сушу, если б только сила
Давала право власти; грубый сын
Отца убил бы, не стыдясь нимало...^[8]*

Такая любовь к порядку может показаться современным умам ничем иным, как явной пропагандой *status quo*, и Конфуций — как и Шекспир в этом плане — всегда считался реакционером: «Очень мало бывает людей, которые, обладая сыновней почтительностью и любовью к старшим братьям, склонны выступать против высших. И вовсе не бывает людей, которые не любили бы выступать против высших, но любили и бы затевать смуту»^[9] 7.

Однако при этом Конфуций не пытался сохранить существующую ситуацию. Он страстно желал воплотить в жизнь свои представления об утопическом устройстве общества, которое, как считал он и его современники, существовало в далеком прошлом. Бытовало мнение, что в первые годы правления династии Чжоу существовал идеальный феодальный порядок, при котором региональные правители были преданы чжоускому царю и служили на благо общества. Утрата этого идеала и упадок общества до состояния, в котором оно пребывало во времена Конфуция, были очевидны. Власть потерял не только Сын Неба в своем маленьком государстве Чжоу, но даже наследственные правители других государств были фактически ущемлены во всем, кроме титула, своими же министрами. Шли бесконечные войны между государствами. Сложившийся порядок был нарушен, и вслед за этим неминуемо последовали раздоры.

На самом деле, Учитель не был столь категоричен в своих суждениях, как это может показаться спустя века, когда конфуцианство давно уже стало официальной государственной идеологией. В какой-то мере сами конфуцианцы оказали плохую услугу своему Учителю. Через 2000 лет после его смерти конфуцианцы, которых европейцы называли «мандаринами», заработали себе вполне оправданную репутацию ограниченных, чрезмерно прямолинейных, консервативных и заикливых на мелочах людей. Точно так же два самых известных конфуцианских текста читающим их в переводе иностранцам кажутся довольно неглубокими. Это две главы, которые вошли в более позднюю по времени книгу «Ли-цзи» («Книга ритуалов»), и под названиями «Великое учение» и «Учение о середине» изучались многими поколениями китайских школьников. Мораль, которая в них представлена, — безупречна, даже если и тривиальна (конфуцианство гораздо шире, чем религия здравого смысла и приличий), и излагается с соответствующим теме пафосом. Общее впечатление от этих текстов напоминает нотацию, прочтенную скучнейшим из школьных префектов. На самом деле, Конфуция на Западе воспринимают как хорошего и надежного школьного учителя.

Это более чем несправедливо. Трудно приблизить к нам истинного Конфуция, поскольку, хотя традиционная китайская наука гласит, что он написал несколько канонических литературных произведений и отредактировал большинство канонических книг, современные ученые

отрицают его авторство и даже ставят под сомнение его работу как редактора. Единственное, что считается принадлежащим ему, — это трактат «Суждения и беседы», собрание высказываний, собранных и изданных век спустя после его смерти (возможно, самым известным из его учеников, Мэн-цзы). Здесь стиль изложения уже совершенно другой. Форма вопросов и ответов, в которой написан трактат, возвращает нас к спорам в кружке его учеников, однако кажется, что многие его высказывания, прежде чем их записали, превратились в избитые анекдоты, успев приобрести в пересказах простоту народных поговорок:

Цзыгун спросил:

- Что Вы скажете, если кого-то любят все односельчане?

Учитель ответил:

Не годится.

- А что скажете, если кого-то ненавидят все односельчане?

- И это не годится. Лучше, если его любят хорошие односельчане, а ненавидят злые^[10] 8.

Весь трактат пронизан практически джонсоновской атмосферой неожиданного, любовью к сюрпризам и парадоксам. Точку зрения учителя невозможно предвидеть. Тот человек, который позднее почитался бы истинным конфуцианцем, нравственным и достойным во всех отношениях, иногда получает весьма низкую оценку:

Сколь редко бывают гуманными те, кто приятен наружностью и искусен в речах^[11] 9.

Одно из самых ярких выступлений Конфуция перед учениками, некоторые из которых целиком и полностью принимали его идеи, другие были более независимыми, таково:

Цзы Лу, Цзэн Си, Жань Ю и Гунси Хуа сидели подле Учителя. Он им сказал:

- Не смотрите, что я старше вас. Вот вы все сетуете: «Никто нас не знает», — а если бы вас узнали, с чего бы вы начали

свои деяния?

Первым бросился отвечать Цзы Лу:

[— Я бы хотел] получить царство, [способное выставить] тысячу боевых колесниц, зажатое со всех сторон большими государствами, которое постоянно подвергается нападениям вражеских армий извне, а внутри, [в самом царстве, люди] страдают от голода. Я за три года добился бы, чтобы [народ] проникся мужеством и осознал, что такое мораль и справедливость.

Учитель в ответ лишь усмехнулся.

- Цю! А ты с чего бы начал?

[— Я бы хотел] получить землю в 60—70 *ли*, а то и в 50—60 *ли*. Я бы за три года привел народ к достатку. Что же до ритуала и музыки, то стал бы ждать, когда появится благородный муж.

- Ну а ты, Чи, с чего бы начал? — спросил Учитель.

- Нельзя сказать, чтобы я отличался большим умением. Поэтому хочу еще поучиться, дабы во время церемоний в храме предков и при приемах чужих правителей, облачившись в ритуальные одежды, быть младшим помощником.

- Ну а ты, Дянь, с чего начнешь? — спросил Учитель.

Когда замолкли звуки лютни, на которой он играл, Цзэн Си поднялся и ответил:

- Моя мечта отлична от всех высказанных.

- А что в этом плохого, ведь каждый высказывает свою мечту, — ответил Учитель.

- В конце весны, в третьем месяце, когда все уже носят легкие одежды, в компании пяти-шести юношей и шести-семи отроков [я бы хотел] искупаться в водах реки И, испытать силу ветра

у алтаря дождя и, распевая песни, возвратиться. Учитель глубоко вздохнул и произнес:

- Я хочу быть вместе с Дянем! ¹⁰

Пожалуй, самую лучшую характеристику Конфуция дал один из его последователей через два века после смерти Учителя: «Конфуций

был великодушен, разумен и не имел навязчивых идей»¹¹. И если два первых качества банальны, то третье — определенно нет.

Конфуций умер в 479 г до н. э., и еще на протяжении двух столетий в Китае шла ожесточенная борьба за власть. В истории этот период известен как эпоха Борющихся царств. Около тысячи поселений, в которых располагались войска, сложились в две сотни независимых территориальных образований. В IV веке после ожесточенной борьбы на арене осталось лишь семь мощных государств. Последним этапом этого процесса стало поглощение одним государством всех остальных, в результате чего и была основана первая китайская империя.

Политические ставки быстро росли, навыки дипломатического общения и новые методы управления становились все более ценными, и поэтому ученые-путешественники стали востребованными и желанными в каждом государстве. Все больше и больше ученых, подобно Конфуцию, отправлялось в дальние странствия с целью найти себе политическое применение и добиться больших успехов. Один из них сказал: «Если ты успешен... ты становишься высокопоставленным чиновником. Если нет — тебя съедают заживо. Таковы особенности нашего дела...»¹².

Известна история, которая доказывает, что ученый может превзойти своего правителя. Примерно в 300 г. до н. э. два государства, Чжао и Цинь, заключили договор о том, что «какое бы решение ни приняли правители Цинь, Чжао будет оказывать ему помощь, и наоборот». Вскоре правитель Цинь начал завоевание соседнего царства, но солдаты Чжао, вместо того чтобы выступить вместе с ним, приняли участие в сражении на стороне противника. Правитель Цинь возмутился, но правитель Чжао объяснил свою позицию аргументами, предложенными находившимися в его государстве учеными: «Согласно договору каждая сторона обязуется помогать в решении проблем другой стороне. В данный момент мы хотим сохранить царство Вэй, и если вы нам в этом не поможете, то мы будем считать это нарушением договора»¹³. Содержание договора выглядит весьма подозрительным, как если бы он был составлен много позднее прецедента, но как философская притча эта история доказывает, насколько сильно правители зависели от мнения ученых.

Выдающимся гением, одаренным способностями к дипломатии, считался Гунсунь Лун. Традиционно его относили к малоизвестной

школе логиков-номиналистов, и подобного рода приемы были его сильной стороной. Однако каждый правитель мог найти ученого любых политических убеждений, поскольку это был тот великий период, при котором «расцветали все цветы, и соперничали сто философских школ» (это, опять же, было характерным для китайской культуры на протяжении долгих веков, так что даже Мао Цзэдун в феврале 1957 г. объявил о «культурной оттепели» словами: «Пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто философских школ»).

Не все споры, возникавшие между учеными разных школ, велись так доброжелательно, как спокойные дебаты в духе Конфуция. Так, например, последователи философской школы Мо-цзы весьма резко отзывались о конфуцианцах:

Они развращают людей своими многочисленными и демонстративными обрядами и музыкой и вводят в заблуждение предков длительной печалью притворными плачами. Они без конца говорят о предначертанности, игнорируют всеобщую нищету и ведут себя в высшей степени надменно... Они ведут себя как попрошайки, набивают рот едой, словно хомяки, плятятся, как козлы, и шатаются везде, словно кастрированные свиньи. Когда превосходящие их по уму люди смеются над ними, они зло отвечают: «Что вы, дураки, знаете о настоящих конфуцианцах»?¹⁴

Мо-цзы родился всего через несколько лет после смерти Конфуция, и на протяжении двух столетий учения этих мудрецов конкурировали между собой.

Прагматик Мо-цзы жил весьма скромно, его возмущало эстетство конфуцианцев и их приверженность церемониальным манерам, например, по его мнению, трехлетний траур по умершему родителю как знак почтения — пустая трата времени. Кроме того, он был ярким противником любого притворства:

Когда отец или мать умирают, конфуцианцы долго подготавливают тело к погребению, прежде чем облачить его в погребальные одежды.

В это время они залезают на крышу дома, долго

всматриваются в колодец, рыщут по закоулкам, ищут в умывальных тазах умершего человека. Если они думают, что найдут там умершего, тогда они по-настоящему глупы; но если они знают, что его там нет, но все равно его там ищут — то они виновны в высшей степени лицемерия¹⁵.

Особая пикантность прозы, в которой излагаются идеи Мо-цзы, вкупе с его озабоченностью практическими проблемами бедности, придает текстам его школы современное звучание, если цитировать их короткими отрывками (длинные абзацы трудны для чтения, потому что мысль теряется в длинных перечислениях). Приведенный ниже фрагмент, например, выглядит весьма прагматичным по сравнению с обобщенными идеями здравого смысла Конфуция:

Людей волнуют три вещи: что им нечего будет есть, когда они будут голодны; что им нечего будет надеть, когда им будет холодно, и что у них не будет возможности отдохнуть, когда они устанут. Это три важнейших беспокойства людей. А теперь давайте попробуем звонить и большие колокола, бить в барабаны, бренчать па цитре, играть на трубе, размахивать щитами и топорами в боевом танце. Разве что-либо из этого может дать людям пищу или одежду? Я так не думаю¹⁶.

Последователи идей Мо-цзы, также как и конфуцианцы, обращали свои взоры к исчезнувшей утопии, однако вместо благодетельной иерархической пирамиды, изображенной Конфуцием, представляли себе её как счастье в равенстве. На самом деле их представления об утопическом государстве весьма схожи с определением коллективизма, из которого, как верил Маркс, и произошло общество и к которому оно должно вернуться в высшей форме коммунизма.

Когда царило Великое Дао, весь мир был единым целым. Талантливые и справедливые люди были призваны руководить народом, их слова были искренними и деяния направлены на установление гармонии. Люди относились к чужим родителям так же, как и к собственным. Пожилым

людям было обеспечено достойное содержание, физически здоровым — работа, а детям — образование. С добротой и сочувствием относились к вдовам, сиротам, бездетным и больным, никто не был обделен вниманием. У каждого мужчины была своя работа, а у каждой женщины дом, где ее ждали. Они не выбрасывали ценностей, но и не прятали их в сундуках под семью замками. Они любили демонстрировать свою силу в работе, но это не значит, что они работали только на благо себе. В таком обществе не было места для эгоизма. У людей не возникало мысли украсть что-либо или ограбить кого-либо, поэтому двери их домов были всегда открыты настежь. Это был период Великого единения [*Да тун*].

Но ныне Великое Дао померкло. Мир [империя] перешел в собственность одной семьи. Люди любят только собственных родителей и детей. Ценности и работа приносят пользу каждому индивидуально. Правители, считая, что наследование земель всегда было законом, возводят стены вокруг городов для защиты от нападений. «Ритуалы» и «добродетели» — основа взаимоотношений правителя и его помощников, отцов и сыновей, старших и младших, мужей и жен. В соответствии с этими нравственными нормами они распоряжаются казной, раздают земли и жилье, собирают солдат и ученых; все это они делают лишь ради собственного благополучия. Так эгоистичные интриганы постоянно находятся на вершине и ввергают государство в новые войны¹⁷.

Неудивительно, что выражение *Да тун*, или Великое единение, было заимствовано из учения Мо-цзы китайскими коммунистами.

К сожалению, практические рекомендации Мо-цзы были столь же утопичными, как и идеализированная картина далекого прошлого. Он говорил о том, что если бы каждый человек в каждом государстве любил другого, как члена единой семьи (имея в виду китайскую семью), в мире не было бы больше войн.

В продвижении к своей цели представители школы Мо-цзы отличались авторитаризмом, в то время как путь Конфуция, грубо говоря, был либеральным. Казалось, они жили скромно, посвятив свою

жизнь маленькому сообществу, где лидер управляет даже жизнью и смертью человека, практически так же как и в изолированных ячейках революционного сообщества. Они настаивали на радикальном изменении ситуации при полном повиновении системе, заключении под стражу непокорных, конфуцианцы же, напротив, надеялись на постепенное улучшение ситуации с помощью образования, распространения культуры и следования моральным образцам. Этот радикальный подход был понятен многим в период великого хаоса, когда популярность мировоззрений Мо-цзы не уступала популярности идеологии Конфуция. Но как только во II веке до н. э. ситуация стабилизировалась, то путь, предлагаемый Конфуцием, стал более приемлемым. Школа Мо-цзы стремительно исчезла с политической арены.

На протяжении долгого времени более влиятельным направлением в философии был даосизм, доминировавший в умах и душах китайцев и 2000 лет существовавший рядом с учением Конфуция. Согласно традиции, его основателем считается Лао-цзы, который является, скорее всего, мифологической фигурой. Но даже если он действительно существовал, о нем ничего не известно, подобно тому таинственному автору, о котором Макс Бирбом писал: «Гомер, те несравненные поэты». В более поздних даосских трактатах рассказывается о встрече Лао-цзы с молодым тогда еще Конфуцием, однако «Дао-Дэ цзин», короткий трактат, приписываемый Лао-Цзы, выглядит как антология, составленная не ранее IV века до н. э. Что неоспоримо, так это огромное влияние, которое эта книга оказала не только на Китай, но и на весь мир. За многие века к ней было написано более 700 комментариев на китайском языке и только на английский язык сделано около сорока переводов.

«Дао-Дэ цзин» означает «Канон Пути и его благой силы». Путь — это, говоря простым языком, что вряд ли разъяснит намеренную туманность этого центрального концепта даосизма, порядок вещей во вселенной, а благая сила — то, чем обладает человек, который может полностью отказаться от своих амбиций и слиться с природой. Эта идея очень близка основным положениям буддизма (хотя даосы не намеревались ограничивать сексуальные потребности человека), и популярность этой индийской религии, пришедшей в Китай в начале н. э., объясняется тем, что даосы признали ее близкой по духу. Самым

распространенным образом в даосской религии был образ воды, загадочной и неуловимой субстанции, символизировавшей все то, чем они восхищались. Необходимая для всех форм жизни, вода скромно ищет для себя самое свободное место, как будто стремится слиться с землей.

Высшее благо словно вода.
Вода приносит благо и пользу всем существам,
ни с кем вражды не зная. Течет она в таких
местах, где людям, да и тварям, жить нельзя.
Поэтому близка она Дао-Пути» [\[12\]](#) ¹⁸.

«Дао-Дэ цзин» сравнивает мудрого человека с водой:

Почему моря и реки царят над всеми долинами?
Они всегда стремятся быть внизу, поэтому и
царят над всеми долинами.
Поэтому совершенномудрый, желая над народом вознестись,
словами должен унижать себя; желая стать впереди народа,
ставит самого себя позади всех.
Поэтому, когда совершенномудрый возвышается над народом,
то народ не чувствует обузы; находится впереди народа, но
народ не страдает. Таким образом, вся Поднебесная, ликуя,
несет его вперед, не чувствуя никакого гнета.
Поскольку он ни с кем не борется, и с ним никто в
Поднебесной не борется [\[13\]](#) ¹⁹.

Такое мировоззрение весьма популярно на Западе в последнее время, оно противоположно учению Конфуция о самосовершенствовании, согласно которому идеальный чиновник, эквивалент руководителя-администратора в современной западной мифологии, постоянно самосовершенствуется и с помощью образования занимает высокий пост. Одно из самых заветных желаний даоса — познакомить напыщенного конфуцианца с радостями смиренного бытия.

У Чжуан-цзы, первого выдающегося даосского писателя, историческая информация которого считается безупречной, есть интересный отрывок, в котором говорится о том, как на постоялом дворе конфуцианец встретился с Лао-цзы и попал под его влияние.

Когда он [чиновник] прибыл на постоялый двор, все, кто там был, вышли его встречать. Хозяин вынес ему циновку, жена хозяина подала полотенце и гребень. Постояльцы уступали ему дорогу, даже повар отвлекся от приготовления еды. Но когда пришло время уезжать, наставления Лао-цзы изменили его настолько, что постояльцы позволяли себе спихивать его с циновки²⁰.

Конфуцианство и даосизм — противоположные, но при этом взаимодополняющие учения. Они представляли город и деревню, практическое и духовное, рациональное и романтическое. Образованные китайцы на протяжении многих столетий разумно приспособились жить в согласии с обоими. Удачно подмечено, что чиновник становился даосом, когда политическая ситуация в столице располагала его к тому, чтобы уехать в деревню, где он мог проводить время в занятиях живописью и размышлениях, и возвращался в столицу конфуцианцем, когда ситуация изменялась настолько, что он мог вновь рассчитывать на место в администрации.

Конфуцианство и даосизм просуществовали поразительно долго, однако была еще одна, более радикальная система мышления, которой удалось стать первой победительницей в этом своеобразном соревновании философских школ — система, которая в разных источниках называется легизмом или реализмом. Она предлагала собственное решение в борьбе с беззаконием — введение строгих законов. Тогда как другие направления китайской философии полагались на совершенствование природы человека, легизм трезво оценивал мир и сосредотачивал свое внимание на несовершенстве человека. Легисты признавали, что добрый чиновник предпочтительнее, нежели чиновник злой, однако добрых чиновников слишком мало для того, чтобы принимать их в расчет. Корысть — единственный и неизменный фактор человеческой жизни, фактор, который мог стать основой политики государства. И предписаниях

легизма подобный чрезмерно рациональный подход выглядит достаточно ново. В III веке до н. э. Хань Фэй-цзы писал:

Изготавливающий экипажи, создавая новые изделия, надеется, что люди станут богатыми и высокопоставленными. Плотник, выпиливая гробы, надеется, что люди станут умирать все чаще и в более раннем возрасте. Это происходит не потому, что изготавливающий экипажи — добрый человек, а плотник — злодей. Дело в том, что если люди не будут богатеть, то экипажи не будут продаваться, а если они не будут умирать, то не будут продаваться гробы. У плотника вовсе нет чувства ненависти по отношению к другим, он просто зарабатывает на чужих смертях²¹.

Приведшее к такому безжалостному заключению, это откровенное признание корыстной природы человека становится менее привлекательным. Жадность и страх — основные мотивы поведения людей, и государство должно пользоваться этим, применяя жесткую систему поощрения и наказания. Поощрялись те, кто четко выполнял предназначенную им работу; те же, кто уклонялся от нее, сурово наказывались (и, как обычно бывает в подобной системе, сделать больше отведенной работы было так же плохо, как и сделать меньше, поскольку «за переработку никто не поощрял»²² — вот крайности системы массового подчинения). Что же касается баланса между поощрением и наказанием, то в раннем легистском трактате — «Книге правителя области Шан» — четко написано: «одно поощрение на девять наказаний», что оставалось неизменным правилом всей системы управления. Хорошей администрацией считалась та, которая приносит прибыль своему государству, или — говоря более конкретно — выгоду правителю. Правитель среди своих подданных выделяет два типа людей: крестьян, благодаря которым государство богатеет, и солдат, которые государство защищают. Торговцы, к которым китайцы всегда относились с подозрением, в таком государстве были излишни, так же как и ученые. «Двор, заполненный людьми, рассуждающими о правителях древности и твердящих о щедрости и праведности, не может избежать беспорядков»²³. Нет никакой нужды в книгах или учителях, поскольку чиновники могли самостоятельно передавать свои знания последующим поколениям. Таким образом, форма правления в государстве становится тоталитарной, вплоть до деспотизма: «Наказание рождает силу, сила рождает могущество, могущество

рождает величие, величие рождает добродетель. Добродетель ведет свое происхождение от наказания»²⁴, — говорится в «Книге правителя области Шан».

Изначально такая система очень нравилась правителям, а ведь именно к ним апеллировали все соперничающие философские школы. Знаменательно то, что сначала легизм утвердился в самом отсталом из семи государств. Государство Цинь служило определенным буфером между цивилизацией центральной части Китая и кочевниками на северо-западе, занимая ту самую долину реки Вэй, в которой некогда обитали победившие Шан чжоурцы, впоследствии покинувшие эти территории из-за постоянного давления варваров с периферии. У живших в центре китайцев Цинь, как и Чжоу, долгое время считалось полуварварским государством, причем это никак не было связано с их национальной принадлежностью: варвары могли легко стать китайцами, приняв их культуру. Государство Цинь отставало от цивилизованных китайцев в том плане, что там, например, продолжал практиковаться ритуал человеческого жертвоприношения — еще достаточно долгое время после того, как все другие китайские государства от этого отказались. Официально Цинь стало полагаться китайским государством лишь с IV века до н. э. Ранее считалось, что существуют только шесть государств, поскольку продолжительное время государство Цинь, несмотря на то, что на тот момент оно было наиболее мощным, оставалось в стороне и не принимало участия в собраниях, проводимых шестью другими государствами.

В 361 г. до н. э. некий политик Шан Ян отправился в царство Цинь с целью предложить свою философию безжалостной эффективности и свои знания для преобразования системы управления (именно на его идеях основана «Книга правителя области Шан»). Он был тепло принят правителем Цинь, который, как пишет ученый следующей династии, уже «лелеял мечту свернуть весь мир как циновку, захватить его в свои руки и заключить четыре моря в мешок»²⁵.

Столетие спустя династия Цинь уже была мощной державой и одним из двух государств, первыми перенявших у кочевников искусство боя на лошадях, а не на громоздких чжоуских колесницах. В начале III века циньцы совершили несколько разгромных набегов на своих более цивилизованных соседей. В 256 г. до н. э. они вторглись на территорию слабого центрального государства Чжоу, тем самым

разрушив миф о том, что Чжоу все еще правит Китаем. После этого началось последовательное циньское завоевание остальных шести царств, в результате которого к 221 г. до н. э. Китай действительно — а не теоретически, как то было ранее, — стал единой огромной империей. «Мир», — как сказал немногим позже историк, -«наконец-то объединился»²⁶.

Эти восемь столетий стали свидетелями множества социальных и политических реформ, изменений в военных уставах и боевой тактике. Тексты книги Мо-цзы показывают нам обычную жизнь различных слоев общества. Самое главное отличие этого периода от времен Шан и Ранней Чжоу в том, что социальная группа, следовавшая на иерархической лестнице сразу за правителем, теперь была представлена не военной аристократией, а официальными лицами, большинство которых, правда, все еще получало свой титул по наследству.

Правители и министры обязаны появляться при дворе рано и уходить поздно, принимать участие в судебных процессах и в деятельности правительства — это их обязанность. Чиновники должны работать до полной усталости, использовать всю свою мудрость, руководить отделами в правительстве, повсюду собирать налоги для обустройства укреплений, рынков, земельных валов, лесов, озер, запруд для рыбы, дабы источники богатства оставались неисчерпаемыми — это их обязанность. Земледельцы должны уходить из дому рано и возвращаться поздно, сеять зерно, сажать деревья, собирать большие урожаи овощей и зерна — это их обязанность. Женщины должны ложиться поздно и вставать рано, они должны прясть, ткать, производить огромное количество пеньки, шелка и других волокон и шить одежду — это их обязанность²⁷.

Хотя мастера и торговцы не принимались пуританским миром Мо-цзы, у них тоже было свое место. Раскопки могил показали, что представители правящего класса окружали себя роскошью. Повозки, в которых ездили высокопоставленные чиновники, изумляют своей красотой и отделкой, бронзовая гарнитура отливалась безукоризненно и иногда инкрустировалась золотом или серебром, а иногда — изукрашивалась драгоценными камнями. Шелковый балдахин или что-то наподобие зонта устанавливалось сверху. Изделия из дерева полировались и покрывались лаком, что стало модным к концу

правления династии. Такие изделия были найдены при раскопках во множестве захоронений (удивительно, но лак предохраняет предметы от гниения достаточно долго; в природном состоянии, как и смола, он очень податлив, и с ним легко работать; при этом он затвердевает не при засыхании, а при опускании в воду, что делает его не поддающимся даже воздействию кислоты). Новых высот достигла техника обработки нефрита, еще одного практически вечного материала. Его привозили из Хотана, находившегося далеко в Центральной Азии, а сложность обработки (его не просто резать даже с помощью стали) делала украшения, изготовленные из нефрита, самыми дорогими.

В периоды правления династий Шан и Чжоу Китай, по сравнению с другими странами, был технически отсталой страной. Бронза и железо в Китае появились достаточно поздно (бронза с 2000 г. до н. э., железо с 600—800 гг. до н. э.), однако благодаря искусству мастеров через некоторое время они превзошли в своих умениях даже Запад. Уже при Поздней Чжоу железо в Китае плавилось и отливалось, тогда как на Западе его обрабатывали исключительно ковкой вплоть до XIV в. н. э. Точно так же китайцы изобрели арбалет с искусно отливающимся из бронзы сложным спусковым механизмом, и это случилось за тринадцать столетий до того, как это оружие появилось в Европе. В строительстве в этот период тоже были достигнуты значительные успехи. Несколько враждующих государств возвели огромные стены для защиты от варваров или вражеских государств (три таких стены стали во времена правления императора Цинь основой для построения первой Великой китайской стены), а в Сычуани с III века до н. э. сохранилась до наших дней великолепно работающая ирригационная система, которая представляет собой искусственно созданное ущелье глубиной в сорок метров, благодаря которому река растекается по сети каналов и шлюзов на площади 10 000 км².

Человек, который в 221 г. до н. э. создал первую китайскую империю, взошел на трон Цинь в 246 г. до н.э. С двадцатипятилетним опытом автократического правления своего предшественника и с помощью главного министра Ли Сы, самого выдающегося среди легистов, он начал решительную реорганизацию китайского государства. Самые могущественные семьи (около 120 000, как отмечается в источниках) были приглашены в столицу государства, им были дарованы почетные звания, выделены земли рядом со столицей,

чтобы там, как противоядие от тоски по дому, они построили точные копии оставленных ими дворцов. Всё личное оружие было собрано и уничтожено. На смену традиционной системе, где земли передавались на основе феодального права доверенным людям, пришла концепция легистов, заключающаяся в том, что вся гражданская и военная власть должна быть централизована. Из всех предложенных титулов правитель первой единой империи выбрал себе имя Ши-хуанди, что означало Первый верховный император. Он был уверен, что при помощи своей государственной системы станет первым в линии верховных правителей, власть которых будет сохраняться в течении «тысяч и десятков тысяч поколений»²⁸. На деле же она продержалась только одно поколение.

Китайские историки испытывали неприязнь к Ши-хуанди из-за печально известной истории о сожжении классических книг и убийстве год спустя 460 ученых-конфуцианцев. Легисты заменили пустые слова эффективными делами. Их ведущий идеолог, Хань Фэй-цзы, называл всех торговцев, ученых и ремесленников «пятью паразитами» и заявлял, что «в стране просвещенного правления не должно существовать книг, написанных на бамбуке, закон — вот единственный источник знаний»²⁹. И в 213 г. до н. э. вышел закон, предписывающий всем, у кого есть книги, уничтожить их в течение одного месяца, причем ослушавшиеся подвергались клеймлению и принудительному труду. Смысл этой акции, как писал историк следующей династии, заключался в том, «чтобы люди забыли об учености и никто в империи не вспоминал о прошлом ради дискредитации настоящего»³⁰. Были официально утверждены три категории разрешенных книг; все они имели сугубо практическое значение: это были книги по медицине, сельскому хозяйству и гаданию.

Были проведены и другие реформы, целью которых было достижение эффективных результатов (главной обвинением в адрес ученых было то, что они были ответственны за «принуждение правителя обладать двумя мнениями»)³¹. Была предпринята попытка стандартизировать систему мер и весов. Вводилась система принудительного труда, согласно которой крестьяне должны были трудиться месяц на общественных работах (администрирование этих работ и необходимая для этого перепись трудящихся привели к тому, что рабочим были даны фамилии). Кроме того в рамках одной из

реформ, на которую особенно часто обращают внимание, император настаивал на введении единой ширины оси повозок и телег. Это практически всегда объясняется практической необходимостью, вызванной тем, что на дорогах северной части Китая образуются глубокие борозды. Однако такое объяснение вряд ли можно считать адекватным. Если все повозки будут двигаться в одних и тех же бороздах то они рано или поздно сядут на собственную ось. Возможно, идея заключалась в том, чтобы вымостить две узкие полосы главной дороги на соответственном расстоянии друг от друга. Но вполне возможно, что за такой навязчивой идеей стандартизации скрывался еще один довод, который способствовал скорому падению новой династии.

Император был суеверным и постепенно все больше и больше оказывался под влиянием различных направлений магии. Одно из них, возможно восходящее к раннечжоускому периоду, но не ставшее единой системой до момента образования империи, основывалось на учении о пяти элементах, составляющих вселенную: земле, дереве, металле, огне и воде. Как в детской игре с камнем, ножницами и бумагой, каждый из этих элементов может подчинить один из других и, в свою очередь, быть уязвимым для другого. Огонь плавит метал, вода гасит огонь, земля впитывает воду и т.д. Последовательность подчинения элементов четко установлена самой их природой, и поскольку символом династии Чжоу был огонь, тот, кто преуспеет в победе над ней, должен быть представлен элементом воды. Как и в любой другой сходной системе суеверий, вскоре новые символы стали добавляться к исходным пяти элементам. Цветом воды считался черный, поэтому император настаивал на черных одеждах и государственных флагах. Точно так же ее числом считалась шестерка, и потому шляпы служащих должны были быть шести дюймов в высоту, в колесницы впрягали шесть лошадей, и, поддерживая эту традицию стандартизации, ширина колеи также должна была быть шесть футов.

Даже если ширина колеи и была результатом суеверия императора, это было далеко не самое страшное. Еще одной очень популярной формой магии, существующей многие века, была алхимия, которая относится к еще более загадочной мистической философии раннего даосизма. Путь даосизма заключался в методе преодоления жизни, в соприкосновении с вечностью за пределами жизни. Среди множества

последователей этот идеал зачастую терялся в более общем стремлении к вечной жизни, в попытках создания эликсира бессмертия, за счет которых, как и всегда в подобных случаях, наживались шарлатаны. Они советовали императору, что если никто — ни злые духи, ни кто-либо из подданных — не будет знать, где находится император в тот или иной момент, то правитель проживет гораздо дольше. Без сомнения этот совет задевал соответствующую струну в душе императора, не говоря уже о том, что был хорошим средством предотвратить покушения на жизнь правителя. Это, конечно же, совпадало с мнением легистов, которые считали, что император должен жить в удалении от повседневных дел, предоставив ведение дел своим официальным чиновникам. Страх народа перед императором будет только расти из-за этой удаленности и еще больше усиливаться в случае вынесения им издали сурового приговора за провинности: «Спрячь свои следы, скрой свои истоки так, чтобы твои подданные не смогли проследить за ходом твоих действий... Просвещенный государь пребывает в бездействии наверху, а внизу его министры дрожат от страха»³².

Император возвел огромный дворцовый комплекс, где дворцы соединялись запутанными дорогами, так, чтобы никто извне не мог знать, где в тот или иной момент находится император. Как сообщается, казнь 460 ученых была произведена в наказание за утечку этой жизненно важной информации.

Действия императора можно было бы объяснить психической неуравновешенностью, однако он обладал абсолютной властью и управлял империей на протяжении всей своей жизни. Несмотря на три покушения, он умер в 210 г. до н. э. смертью, вызванной естественными причинами или отсутствием эликсира бессмертия. На смертном одре он оставался таким же параноиком, каким был и при жизни: в свою огромную гробницу он сошел не только вместе с большим количеством наложниц, но и с мастерами, ее строившими, дабы никто не узнал о секретных проходах, в которых были спрятаны арбалеты, готовые обрушить дождь стрел на любого пришельца.

В захоронении императора обнаружили то, что стало величайшей археологической находкой XX в. В 1974 г. крестьянин, выкапывая колодец рядом с гробницей, нашел осколки керамической фигуры.

Осколки оказались фрагментами найденной позже фигуры воина, выполненной в натуральную величину. Эта скульптура была одной из

тысячи фигур воинов, которая составляет всемирно знаменитую «терракотовую армию». Для каждой фигуры характерно тщательное воспроизведение деталей костюма, эмблем и оружия (а также различий в чертах лица), таким образом, была создана точная в каждой своей детали армия, призванная охранять своего государя после смерти так же, как живые воины охраняли императора при жизни. Даже месторасположение воинов под землей соответствовало их боевому порядку. «Терракотовая армия» пролила свет на то, как были организованы и вооружены китайские воины в III в. до н. э.

После смерти Ши-хуади империя распалась. Оставались еще четыре года существования его вечной династии, когда первый министр Ли Сы способствовал самоубийству прямого наследника и посадил на престол своего протеже Эр-ши-хуанди как Второго императора. Почти сразу же с Ли Сы расправился главный евнух дворца, и вскоре сам Второй император был убит кем-то, кто провозгласил себя третьим по счету императором. К 206 г. до н. э. династия Цинь исчезла, Китай находился в беспорядке гражданской войны. В результате появилась династия Хань, которая смогла продержаться у власти четыре века.

В те последние четыре года от отчаяния законы становились все более жестокими, говорили, что «те, кто подвергался массовым телесным наказаниям, составляли половину людей, которых можно было видеть на дорогах, а тела тех, кто умирал за день, сваливались в кучи на рынках»³³. Было официально установлено пять способов наказания в порядке ужесточения: выжигание клейма на лбу, отрезание носа, отрубание ног, оскотление и смерть. Такие наказания применялись и до династии Цинь, но в циньскую эпоху, они получили самое широкое распространение.

Примечательно, что трое самых выдающихся политиков и авторов, чьи имена связаны с легистской философией, встретили жестокую смерть. Шан Ян, который укрепил власть Цинь своими реформами, занимая пост первого министра в IV в. до н. э., был разорван колесницами за оскорбление правителя. Двое других, Хань Фэй-цзы и Ли Сы, когда-то в юности вместе учились у известного конфуцианца Сюнь-цзы. Это, однако, не помешало Ли Сы поставить своего товарища по учебе в такое положение, что он предпочел выпить яд, который Ли Сы ему предусмотрительно преподнес. Сам Ли Сы, после долгой службы советника Первого императора, был казнен с применением

первых четырех способов казни: ему отрезали нос, отрубили стопы, оскопили, отстегали кнутом и разрубили пополам. После этого были казнены его родители, братья, жена и дети в соответствии с введенным самими легистами законом, гласящим, что члены семьи отмечают за нарушение закона одним из родственников. Таким образом, именно жестокая философия легистов равным образом и положила начало циньской династии, и привела ее к жестокому концу.

На протяжении всех последующих лет легизм в Китае, даже в широком смысле чрезмерного доверия некому определенному своду законов, приобрел дурную славу, хотя некоторые императоры, называя себя конфуцианцами, отнюдь не были расположены применять некоторые принципы легистского характера. Но даже после того как династия Цинь исчезла, единая империя, которую она создала, во все последующие времена продолжала оставаться идеалом правления. Именно это маленькое, агрессивно настроенное северо-западное государство и непродолжительное время существовавшая династия, дали всему остальному миру название целого субконтинента (China)^[14].

3

ДИНАСТИЯ ХАНЬ (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.)

汉

Начиная с династии Хань история Китая описывается более подробно и детализировано, и все благодаря одному человеку — Сыма Цяню. Он родился в 140 г. до н. э., и был потомком старинного рода придворных историков и астрологов. Он унаследовал звание Великого историка от своего отца и доказал, что заслуживает его, написав книгу, состоящую из ста тридцати глав и более полумиллиона иероглифов. Упоминание отца как соавтора труда являлось традиционным проявлением сыновней почтительности — одной из главных положительных черт характера по Конфуцию — на самом же деле фактически вся работа принадлежит Сыма Цяню. Его книга — ни что иное, как взгляд человека на историю мира, частью которого он был.

Она была закончена при очень сложных обстоятельствах. Сыма Цянь жил при правлении ханьского императора, У-ди, который проводил такую же жесткую самодержавную политику, как и императоры ранней династии Цинь за столетие до него. Однажды Сыма Цянь поторопился выступить в защиту генерала, вызвавшего недовольство императора. За свой проступок он был приговорен к оскотлению. Для благородного человека это было равносильно смерти, так как считалось, что лучше покончить с собой, чем перенести подобное унижение. Самоубийства, в том числе и целых семей, характерны для истории классического Китая, об этом говорится в летописях, ритуал этот позже распространился и в японской культуре под названием *харакири*. Сыма Цянь решил, что ему важнее закончить свой исторический труд, даже несмотря на то, что теперь он жил с унижительной кличкой «обрезок ножа и пилы». Он объяснил свой поступок в послании другу.

У человека есть всего лишь одна смерть, но она может быть либо настолько тяжелой, как гора Гай, либо легкой, как гусиное перо. Все зависит от того, как человек ее принимает... К тому же, смелому человеку не обязательно умирать за свою честь, в то время как даже трус может выполнить свой долг. Каждый выбирает свой путь, чтобы проявить себя... Если даже раб или тот, кто работает на кухне, может покончить жизнь самоубийством, почему же я не могу сделать то, что должен сделать? Но причина, по которой я решился терпеть все эти несчастья, остался жить в низости и позоре, не приняв смерть, заключается в том, что мне жаль, что у меня еще осталось огромное количество мыслей и изречений, не высказанных и не записанных, и мне стыдно, что я могу исчезнуть из истории, не оставив по себе даже следа для потомков...

Я проанализировал деяния прошлого, причины, что способствовали успехам и провалам, расцвету и упадку, в ста тридцати главах своего труда.

Я хотел исследовать взаимоотношения человека и Небес, проникнуть в принцип наследования прошлого настоящим, и тем самым продолжить нашу семейную традицию. Но прежде, чем я закончил свой тяжкий труд, я столкнулся с этой бедой. Именно потому, что я сожалел о том, что не закончил работу, я без отчаяния согласился даже на крайнюю степень наказания. Как только я действительно закончу эту труд, я помещу его в архивы Прославленной Горы. Если он, труд мой, попадет к людям, которые его оценят, если попадет в селения и большие города, тогда, несмотря на то, что мне приходится переживать мое ужасное увечье, о чем мне сожалеть?¹

Его великий труд действительно стал известен в городах и селениях. Работа над рукописью была делом семейным, поэтому труд не был обнародован, пока внук Сыма Цяня не занялся распространением ее рукописных списков. Ее достоинства были сразу оценены, и примерно век спустя правнук Сыма Цяня получил титул придворного историка.

Избранный Сыма Цянем метод изложения исторического повествования был достаточно оригинальным. Он разделил весь труд на пять взаимосвязанных частей. В первой были сказания о правящих династиях, где, например, можно узнать хронологию правления династии Шан-Инь, хотя и неизвестно, какие источники при этом использовал автор. В главе из книги Мо-цзы говорится, что познать прошлое можно через «то, что записано на бамбуке и шелке, доставшихся потомкам, через то, что выгравировано на металле и камне и написано на чашах и кубках»², а Сыма Цянь мог унаследовать все это от предков-историков.

Во второй части заключались различные хронологические таблицы, графики и небольшие трактаты на различные темы: календарь, описание ритуалов, статистические данные, история различных государств и, наконец, наиболее интересовавшие автора биографические сведения об известных людях: генералах, хороших или дурных чиновниках, небогатых купцах, добившихся всего своими усилиями, и даже о гомосексуальных фаворитах, которые имели влияние на императора. Несмотря на то, что этот метод был немного изменен последующими поколениями китайских историков, все же масштаб его работ создал исторический стандарт для всех последующих династий. Начиная с династии Хань и до 1911 г. каждый период китайской истории был четко задокументирован в серии трудов, получивших название «династийных историй» — полном собрании исторических записей, не имеющем аналогов нигде в мире. Позже была создана правительственная служба, которая вела подробные записи о каждом дне правления той или иной династии, параллельно записывая официальную историю предыдущей. Последние записи династии Цин опубликованы в 1961 г. на Тайване. Но есть определенные недостатки в подобном подходе к истории. Создается впечатление, что в историографии Китая не хватало энергичных личностей, которые вносили разнообразие и оживляли историю других народов, возможно, из-за традиционных общественных ограничений любого творческого начинания, а также потому, что нет ничего более привлекательного для китайского бюрократа, чем писать о другом китайском бюрократе. Поэтому живой и индивидуальный стиль Сыма Цяня еще никому не удалось воспроизвести.

Его манера письма в разделе коротких биографий схожа с манерой новеллиста. Для драматизации определенных событий он использовал диалоги (самый яркий случай — это диалог императора и повстанца на поле битвы: «Высмотрев Цин Пу вдалеке, император крикнул: “Что тебя так гложет, что ты восстал против меня?” — “Я хочу быть императором, вот и все!» прокричал Цин Пу в ответ”³); кроме того, одно и то же событие рассматривалось с разных сторон, в зависимости от того, что происходило с главными героями в данный момент. И в итоге, когда он добрался до описания своего времени, его труд стал самой яркой исторической хроникой первого столетия правления династии Хань, начиная с истоков борьбы против тирании Цинь.

Эта борьба началась с того, что группа крестьян, принудительно призванных на военную службу, опоздала на сборы из-за проливного дождя и непроходимых дорог. В соответствии с кодексом законов Цинь, наказанием за подобный незначительный проступок была смерть двоих из них. Понимая, что терять им нечего, крестьяне взбунтовались. Чтобы поднять на борьбу своих соратников, они пошли на небольшую хитрость. Одного из зачинщиков звали Чэнь Шэ.

Записка «Чэнь Шэ будет царствовать», написанная на кусочке шелка, была спрятана в желудке рыбы, пойманной одним из крестьян. Послание смогло сохраниться в процессе приготовления рыбы, и когда его нашли во время трапезы, оно произвело невероятный эффект.

Несмотря на то, что записи Сыма Цяня кажутся несколько приукрашенными, события, описанные в них, истинны. Гражданская война, начатая Чэнь Шэ, привела к падению династии Цинь. После нескольких лет беспорядков, еще один человек крестьянского происхождения, позже получивший титул Гао-цзу (Первопредок), появился на исторической арене как народный освободитель и стал основателем новой династии Хань.

«У Гао-цзу был достаточно большой нос; лицо с прекрасными усами и бородой напоминало морду дракона; на левом бедре у него было семьдесят две родинки»⁴ (что считалось счастливым знаком). Он был мало привлекательной личностью, в юности не любил сходить с образованными людьми. Его отношение к ученым Сыма Цянь описал, вложив такие слова и уста одного из сторонников Гао-цзу: «Если когда-либо к нему приходил ученый в головном уборе, какой носили последователи Конфуция, он немедленно сбивал его с головы

пришедшего и мочился в него»⁵. Его сподвижники, пришедшие вместе с ним к власти, были столь же грубы. До описываемого времени каждая новая династия, хотя бы даже и варварская по происхождению, возглавлялась фамильным кланом завоевателей. Сам Гао-цзу был мелким чиновником в небольшом поселении, некоторое время даже занимался разбоем, группа его ближайших соратников состояла из нескольких мелких землевладельцев, человека, занимавшегося отловом бродячих собак, и гробовщика. Однако в идеологии новой династии не было элементов классовой борьбы. Причиной того была откровенная жажда власти. Чтобы удержаться у власти, Гао-цзу должен был вернуться к системе раннего феодализма, отмененной правителями династии Цинь: он раздал феодальные поместья своим родственникам и сподвижникам, как это делали чжоуские государи 800 лет назад. В результате в стране на протяжении полувека сохранялась нестабильная обстановка, сильные вассалы-землевладельцы постоянно угрожали более слабым. Однако со временем правители добились упрочения своего статуса, и к 154 г. до н. э. положение в государстве стабилизировалось. К концу века в состав империи вошли часть Вьетнама на юге, часть Кореи на северо-востоке и длинная полоса земель на северо-западе, расположенная к северу от Гималаев и Тибета, что сделало возможным продвижение караванов с ценными грузами по Шелковому пути. Один из китайских генералов дошел до Ферганы на западе и вернулся с тремя тысячами прекрасных скакунов, которыми славились те края. Этот китайский генерал остановился в двухстах милях от Самарканда, который Александр Великий, пройдя то же расстояние, но с противоположной стороны, завоевал двумя столетиями ранее.

Еще одной причиной нестабильного положения в государстве были бесконечные интриги первом жены императора. Императрица Люй была даже более жестокой и опасной, чем ее муж. Хотя она и происходила из более знатной семьи, чем ее супруг, она помогала ему в сложной борьбе на пути к трону. Естественно, она обладала огромным влиянием на государственную политику при новом режиме. Тем не менее ее положение императрицы не было гарантированным во всех отношениях. Ее упорная борьба за укрепление своего положения представляет собой впечатляющую картину дворцовой жизни раннего императорского Китая.

Это было общество, где у мужчины могло быть столько женщин, сколько он мог себе позволить. В императорской семье всегда была главная жена, однако в придворных кругах ее положение было довольно шатким. Императрица была просто матерью наследника престола, который должен был сменить на троне своего отца. Если в случае смерти или не расположенности императора менялся наследник престола, изменялось и положение императрицы.

В начале правления династии Хань старший сын госпожи Люй был объявлен наследником престола, таким образом она стала императрицей Люй. Однако вскоре император Гао-цзу охладил к своей утратившей привлекательность супруге — судя по ее дальнейшей карьере, внешность более не была ее сильной стороной — и Гао-цзу решил объявить наследником трона сына своей новой фаворитки госпожи Ци. На протяжении нескольких лет он, вопреки мнению советников, был одержим этой идеей, и императрица начала борьбу, чтобы избежать этого несчастья. Для достижения своих целей в течение всей жизни Гао-цзу она плела интриги внутри дворца, заручаясь поддержкой различных фракций, убеждая умных и хитрых чиновников поддерживать ее: она приглашала их во дворец и принимала, сидя за ширмой. В конечном итоге она добилась своей цели: в 195 г. до н. э. Гао-цзу умер, так и не изменив имя наследника престола.

Теперь императрице не было необходимости проявлять любезность. Сын госпожи Ци был отравлен, а все девушки, принадлежавшие к императорскому двору, которым император когда-либо оказывал знаки внимания, были казнены. Судьба самой госпожи Ци ужасна. В те времена для удобства избавления от нечистот уборная представляла собой небольшую комнату, располагавшуюся по соседству с хлевом (на чертежах китайских домов 1940-х гг. хлев и туалет по-прежнему находятся рядом в задней части дома). Согласно Сыма Цяню, императрица отрубила Ци руки и ноги, выколола глаза, отрезали уши, дала вызывающее онемение снадобье, а затем бросила в уборную и собрала людей посмотреть на «человеческую свинью»⁶ (эта фраза впоследствии стала частью китайской литературной традиции). Возможно, в легенде злодеяния госпожи Люй немного преувеличены, но нет никаких сомнений, что её месть была жестокой. Теперь, когда её сын прочно сидел на троне, власть вдовствующей императрицы была огромной, даже большей чем власть новой императрицы — отчасти

потому, что ничто кроме смены династии не могло лишить ее положения, а также потому, что долг почитания родителей в китайской семье придавал ее желаниям особую значимость в государственном совете.

На протяжении семи лет императрица Люй правила государством вместо слабого и болезненного сына (по этой причине госпожа Ци в свое время утверждала, что наследником престола должен стать её сын), и на протяжении еще восьми лет после смерти своего сына в 188 г. до н. э. она лично правила государством, скрывая мальчика-императора от посторонних глаз в его личных дворцовых покоях, пока, наконец, не умертвила его, заменив еще более молодым наследником. Она передавала феодальные земли членам клана Люй, зачастую убивая их прежних наследных владельцев. К моменту ее смерти в 180 г. до н. э. стало ясно, что сыновья от других жен императора Гао-цзу могут сохранить империю только лишь расправившись с кланом вдовствующей императрицы. Они так и поступили, уничтожив тех, кто возглавлял этот клан, а четвертый сын императора Гао-цзу наследовал трон, положив начало периоду все возрастающей стабильности ханьской империи.

К счастью, эти мелодраматические события не единственное, чем запомнилась придворная жизнь этого периода. Слово гарем — лучшее название для характеристики большого количества жен и наложниц мужчины, живущих в его доме, но китайский гарем сильно отличается от мусульманского. В это время, к примеру, гораздо меньше внимания обращалось не только на чистоту девушек, но даже и на их девственность. Абсолютная неприкосновенность мусульманского гарема вместе с чадрой и другими предосторожностями *purdah*^[15] была предназначена для сохранения чистоты женщины и ее защиты даже от одного взгляда чужого мужчины. Устройство китайского места обитания наложниц более напоминало безопасное место для хранения этого прелестного имущества. Так, например, когда ханьский император устраивал пиры или праздники в компании императрицы или первой наложницы, на этих увеселениях иногда присутствовали и другие мужчины⁷, а гомосексуальному фавориту императора У-ди разрешалось свободно посещать личные внутренние дворцовые покои. Вероятно, причиной такого благодушия императора отнюдь не была уверенность в полной безвредности фаворита, в отношениях с

женщиной подобного евнуху (но даже если и так, то эта иллюзия была развеяна, когда обнаружилась беременность одной из наложниц). Возмущение вдовствующей императрицы было столь велико, что она смогла организовать смерть фаворита, однако предоставленная ему свобода была бы немислимой в мусульманском дворце. Та же самая вдовствующая императрица, мать У-ди, прошла нелегкий путь, чтобы достичь своего положения, которое было невозможным для девушки исламского мира. Родом из простой семьи, она была рано выдана замуж, но вскоре ее родители спохватились, когда услышали от прорицателя, что их дочери уготовано блестящее будущее. В результате ее забрали из семьи супруга, которая была полностью довольна своей новой родственницей, и отдали в наложницы наследнику престола, выдав за девственницу. Если верить Сыма Цяню, она, забеременев, объявила императору, что видела сон, в котором солнце вошло в ее грудь. Наследник престола был, по-видимому, в восхищении («Это знак великого почета», — сказал он⁸), но взойдя на престол он, тем не менее, выбрал сына другой женщины своим наследником. Только благодаря интригам, еще тщательнее спланированным, чем те, что плела госпожа Ци, будущая вдовствующая императрица сумела изменить решение в пользу своего сына.

Ранги наложниц в зависимости от их близости к императору были расписаны с бюрократической скрупулезностью. Таких рангов было четырнадцать: от «простой красавицы» на самой нижней ступени до «роскошной спутницы» и «возлюбленной красавицы», являвшихся двумя высшими рангами. Девушки жили в полагающихся им по рангу апартаментах, которые назывались столь же поэтично и красиво, как и их обитательницы. Например, «роскошные спутницы» обитали в Резиденции солнечного сияния, а «возлюбленные красавицы», которые были рангом выше, в подобающей им Резиденции возрастающего совершенства⁹.

Конечно, гаремы существовали не только при императорском дворе, но, только в дворцовых гаремах существовала градация по степени близости к господину. Сыма Цянь пишет об одном высокопоставленном чиновнике с необычными физическими данными, который содержал огромный гарем и прожил более ста лет, и «когда у него уже не было ни одного зуба, он питался только молоком, подаваемым молодой кормилицей»¹⁰.

Жизнь в китайском гареме была, несомненно, столь же чувственной и праздной, как и любом другом, но здесь она была наполнена особым ароматом и очарованием из-за пристрастия китайцев к экзотическим именам. Основанная на реальных событиях история, написанная в период правления династии Хань, рассказывает о любви императора к двум сестрам: увидев старшую из них первой, император сделал ее императрицей. Когда он услышал, что младшая сестра еще красивее, то приказал ей явиться во дворец.

Перед тем как встретиться с императором, девушка приняла ванну, натерла себя духами из воды девяти рукавов стремительно мчащейся реки, согласно так называемому новому стилю прически распустила волосы, сообразно стилю гряды далеких гор тонко подкрасила брови и нанесла немного румян из пудры, называемой бесстрастным сближением. Она оделась в короткое традиционное платье, с украшенными вышивкой полами и укороченными рукавами, подходящие чулки с узором из цветущих слив¹¹.

Императрица всячески пыталась вернуть императора, опрыскивая себя духами из сотни ингредиентов небесных духов, сходящих вниз в ливне дождя. Однако, как водится в подобных историях, естественная красота победила, беспринципно меняя правила игры. Пока императрица пыталась обойти соперницу с помощью сложного состава духов, ее сестра «принимала ванны с мускатным орехом и пудрилась пылью». Позже император заявил своему другу: «В то время как императрица источает экзотические ароматы, ничто не сравнится с естественным запахом тела прекрасной Хэтэ».

Следующий пример дополнит картину дворцовых женщин, живущих там изнеженными невольницами, и покажет еще одну группу обитателей дворца, также сыгравших важную роль в китайской истории. Вторая императрица ханьской династии родилась в добропорядочной семье, и была послана к императрице Люй в качестве прислужницы. Однажды госпожа Люй решила сделать подарок правителям разных провинций (эти правители носили один из двух высших титулов ханьской империи; второй чаще всего переводится как маркиз). Каждый из правителей должен был получить по пять девушек,

и одной из избранниц была будущая императрица. Девушка попросила евнуха, который определял, куда должна быть отправлена каждая из девушек, послать ее в Чжао, где жила ее семья.

... Однако евнух позабыл об этом и ошибочно вписал ее имя в список, отправлявшихся в Дай. Затем список представили при дворе, и он получил высочайшее утверждение. Когда пришло время ехать, обозленная на евнуха девушка, горько плача, отказывалась отправляться в путь. Только после соответствующего увещаний она, в конечном итоге, выехала в дорогу¹².

Она очень понравилась правителю Дай и родила ему двух сыновей, а после смерти императрицы Люй князь Дай стал императором. Так, по чистой случайности, девушка стала женой одного императора и матерью другого. Конечно, Сыма Цянь драматизирует, описывая безутешные слезы девушки или забывчивость евнуха, но он бы не написал эту историю, если бы было неправдой то, что девушку из знатного рода отправили по прихоти евнуха чужому человеку в качестве подарка.

В каждой культуре, где существовали гаремы, присутствовали евнухи, но в Китае они были более могущественными, чем где-либо. Свободный доступ к правителю дает огромные возможности повлиять на его решения (взлет евнухов в Китае весьма уместно сравнивают со взлетом Чемберлена в Британии, и зачастую императоры доверяли евнухам больше, чем кому-либо, по одной простой причине — те не могли быть продолжателями рода и основателями новой династии. По мнению самих евнухов, их «недостаток», который часто становился объектом насмешек и презрения, давал им определенную политическую силу. Небольшая группа придворных, увечья которых были явными и необратимыми, объединенная собственным отторжением от других, с отсутствием семейных связей, необходимости обеспечивать детей, освобожденная от соблазнов плоти, благословенная на доступ в коридоры власти — вот лучшее из возможных определений евнухов — людей с личной заинтересованностью. Масоны по сравнению с евнухами — просто наивные дети.

Естественно, у евнухов были враги, люди, которым власть была недоступна, но все же у них имелся шанс достигнуть ее — чиновники, которые во времена правления династии Хань стали синонимом конфуцианцев. Мудрецы-чиновники, добившиеся высокого положения с помощью образования, всячески критиковали евнухов, и неудивительно, ведь их единственным недостатком была их неспособность к продолжению рода. Более того, чиновники утверждали, что подобное увечье — правонаказуемо. Хотя большинство евнухов и были проданы еще детьми своими бедными родителями, но некоторые из высокопоставленных евнухов были взрослыми людьми, наказанными за свои преступления оскоплением.

Период наивысшего расцвета власти евнухов во время правления династии Хань подходил к концу. С 168 г. по 170 г., у евнухов было достаточно власти, чтобы чинить расправу над учеными-конфуцианцами, и тогда были убиты тысячи чиновников (евнухов, и свою очередь, массово убивали в 189 г.). В последние годы века они уже не соответствовали «принципу полезности» и вызывали недоверие, добившись разрешения на создание семьи и усыновление детей и таким образом, хотя бы частично, возможности передавать свое состояние и власть по наследству. Именно потомок одного из таких усыновленных детей нанес в 220 г. смертельный удар угасающей династии Хань, возглавив одно из трех небольших царств, на которые была поделена империя.

Конфуцианство расцвело в первые два столетия правления династии Хань. Гао-цзу преодолел чувство отвращения к конфуцианцам и вынужден был признать полезность принципов управления, разработанных ими, он и несколько его последователей придерживались этих принципов и пытались править рассудительно и доброжелательно. Собственно, моментом, когда ученые обрели настоящую власть, считается время правления У-ди («Воинственный император», 141—187 гг. до н. э.), который был самым могущественным из всех монархов династии Хань, при нем империя достигла наивысшего расцвета. То, что государственной идеологией было конфуцианство, выглядит парадоксально, поскольку Гао-цзу менее всего придерживался его принципов, правил самовластно и в некоторых аспектах даже превзошел ненавистный легизм - суровость

его была основана не столько на абстрактных требованиях строгого кодекса, сколько на личных непредсказуемых причудах.

Именно во время правления У-ди произошли поворотные события в развитии конфуцианства: наложение запрета на учения других философских школ (особенно легизма), создание Императорской академии, где изучались труды, предположительно написанные Конфуцием, наблюдался стремительный рост научных исследований, отбор выдающихся талантов, как то рекомендовал Конфуций. Следующий пример показывает истинное отношение императора У-ди к нововведениям.

В 130 г. до н. э. один из экзаменуемых ученых написал ответ, в котором ссылаясь на концепцию легистов о важности системы наказания и поощрения. Экзаменаторы выставили ему самый низкий бал среди ста экзаменующихся. Просмотрев бумаги, император не согласился с экзаменаторами и наградил ученого высшим титулом, и через несколько лет тот уже занимал самый высокий пост ученого в правительстве, и именно он преуспел там, где его предшественники единомышленники проиграли: убедил императора создать Академию наук для подготовки ученых и исследования конфуцианских трудов. Император, изобретая новые и новые достаточно жесткие принципы управления, основанные на легизме, ссылаясь при этом на Конфуция. Однако его методы управления были намного более мягкими, чем методы управления первого императора династии Цинь, с которым у него было много общего.

Оба они были деспотичными, властными, остро реагирующими на критику, способными оказывать влияние на свое окружение. Оба по-детски верили в магию и странствующих магов, предлагавших эликсир бессмертия, были приверженцами суровых наказаний, таких, например, как сварить человека заживо, что стало одним из самых распространенных видов казни, и казнь эта иногда проводилась в присутствии императора. А к закону Ши-хуанди о коллективной ответственности был добавлен пункт, что все должны доносить друг на друга, а тот, кто не донес, виновен в содеянном так же, как и тот, кто совершил преступление. Это уже было ближе не к конфуцианству, а к бюрократизму, не идеал бесстрашных советников, защищающих самоотверженного и внимательного правителя, а механизм жесткой и бездушной бюрократии, не столько свобода действий талантливых умов

— что, собственно, Конфуций и понимал под образованностью — сколько заикленность на мелочах, которая веками была самой худшей чертой косных руководителей.

Указ императора Цинь, запрещающий иметь книги и частном пользовании, был аннулирован в 195 г. до н. э, но к тому времени потери намного превысили потери 213 г. до н. э. Определенные исключения, сделанные в то время, доказывают, что основным мотивом таких действий было не ликвидировать образование в целом, а ограничить его рамками правящей династии. Ученые, имеющие непосредственное отношение к императорскому двору, могли хранить у себя книги и рукописи, написанные ими собственноручно, более того, копии всех работ должны были храниться в императорской библиотеке. Самым большим несчастьем для ученых стал пожар императорской библиотеки династии Цинь, когда один из завоевателей, будущий Гао-цзу, полностью разрушил столицу во время гражданской войны

В стране чувствовалась острая нехватка документов и записей, и это дало толчок правителям династии Хань попытаться восстановить классическую литературу Китая. В то время с большим уважением относились к старым ученым, которые могли по памяти надиктовать огромные тексты из уничтоженных книг. Известны трогательные ситуации, когда в стенах домов находили записи, сделанные на шелке или бамбуке: их спрятали там хозяева перед тем, как спастись бегством от солдат Цинь. Большинство из них были подделками, потому что древние документы являлись огромной ценностью. Семья ученых из поколения в поколение изучала одни и те же тексты древних манускриптом, добавляя собственные комментарии. Придворный историк поздней династии Хань, например, никогда бы не отдал копию работы Сыма Цяня, которую он наследовал. Это была его личная собственность.

Ученые династии Хань столкнулись со сложностями и путаницей, сравнивая и восстанавливая записи: оригинальные тексты смешались с подделками и с вновь созданными документами, чтоб заполнить пропуски. Пройдя этот жесткий фильтр ученых, мы получили классическую китайскую литературу в том виде, в каком знаем ее сейчас. Каждое столетие отразилось в ней своими комментариями и исправлениями; это был бесконечный процесс разрастания уточнений и комментариев. Попытки отделить истину от выдумки были сделаны

учеными династии Сун (960—1279), но даже и современные ученые делают значительные открытия в этом направлении.

Параллельно с развитием учения Конфуция усиливалось поклонение самому Конфуцию и его идеализация. Посмертно ему был пожалован титул, который существовал и при его жизни — герцога, и поскольку было бы несправедливо, что за гробницей такого великого человека будут ухаживать «простые» люди, его наследникам был присужден наследственный титул маркизов. Сыма Цянь лично совершил паломничество к этому месту:

Во время посещения Лу я увидел множество повозок, одеяния и священные вещи Конфуция, выставленные в храме, наблюдал за тем, как ученики-конфуцианцы изучали философскую систему в доме Конфуция, и я просто не мог сделать и шагу, стоя, как замороженный. В истории было огромное количество царей, императоров, великих людей, которые пребывали на пике славы и почитались уже при жизни, но после смерти исчезали, будто бы их и не было, в то время как Конфуций, будучи обычным ученым, в простом одеянии, остается выдающимся учителем для своих последователей и учеников на протяжении десяти поколений. Все китайцы, которые обсуждают шесть видов искусств, начиная от императора, царя, принца и далее, называют Конфуция истиной в последней инстанции¹³.

В династии Поздняя Хань три императора удостоили гробницу ученого своим личным визитом, а в 59 г. н. э. был принят закон о жертвоприношениях в честь ученого в каждой из школ его последователей, а самого его окрестили «святым покровителем всех образованных людей». Регулярные церемониальные обряды в его храме были, по сути, жертвоприношениями духам предков и продолжали таким образом традицию почитания великого предка.

Периодические церемонии памяти великого предка на его могиле были, фактически, повторением его похорон, основная суть этих обрядов была одинаковой. Самый младший член семьи, внук умершего, изображая умершего предка, наряжался в парадную одежду, соответственно рангу предка. Ему давали вино и жареное мясо,

принесенного в жертву животного. Он принимал предложенную пищу, одобрял ее, якобы, от лица духа предка, после этого гости и члены семьи могли приступить к еде, будучи уверенными, что таким образом предок являет себя в его лице. Поклонение предкам было широко распространено среди чиновников, так же как и передача титула по наследству, но они всячески стремились обособиться от крестьян. «Тот, кто питается трудом своих рук», — отметил Сюнь-цзы не сколькими десятилетиями ранее правления династии Хань, — «не имеет права построить храм для предка»¹⁴.

В ранних руководствах этапы подобного ритуала выписывались с характерной скрупулезностью:

Помощник вносит соленую рыбу и улиток, тушеные улитки стоят с северной стороны»¹⁵, или «праздничный суп стоит севернее соленого тушеного мяса»¹⁶.

И подобных церемониях важную роль играл сам процесс приготовления пищи. Вот что писали в исторических трактатах того времени:

Для приготовления мясного блюда берутся: левая лопатка, верхняя и нижняя часть передней ноги, бедро, нижняя часть задней ноги, спинной хребет, ребра, рассеченное легкое, три кусочка свинины, вырезанные из грудинки, и одно легкое, все кладется в верхнюю чашу. Девять рыб, щук и карпов укладывают в среднюю чашу; в нижнюю кладут дичь, левую часть тушки без огузка»¹⁷.

Сама же церемония была похожа на тщательно продуманную европейскую церемонию с чашей мира: человек пробует еду или питье, кивает другому и передает ему чашу, и так далее. Опять-таки каждая мелочь важна:

Повар передает чашу с декоративной ручкой на подставке гостю, стоящему с западной стороны, а гость берет подставку левой рукой, держит ее прямо перед собой, правой рукой

берет чашу за ручку, ладонью вовнутрь, и ставит чашу на подставку. После этого он становится лицом на восток с западной стороны чаши с приготовленной бараниной, чтобы получить то, что в ней находится¹⁸.

Если дух предка удовлетворен, то все мероприятие превращается в уютный семейный вечер. Стихотворение, посвященное описанию подобного мероприятия, датированное временем до Конфуции, заканчивается такими словами:

*Входят музыканты, играют,
Благословение получено,
Пища передается по кругу;
Все довольны, все счастливы;
Они пьяны, они сыты.
Молодые и старые все склоняют головы;
«Духи», — говорят они, — «довольны едой и питым
И даруют нашему правителю долгую жизнь.
Он будет под их покровительством и благословен ими,
И именно потому, что все было исполнено как надо.
Через сыновей сыновей и внуков внуков
Продолжится его род»¹⁹.*

Книги, в которых описаны ритуалы, рассказывают о том, что должно быть погребено в гробнице вместе с умершим. Богатые считали, что в загробной жизни должно быть все самое лучшее, потому они окружали умершего дорогими сосудами из бронзы, предназначенными для бытовых нужд духа умершего, ритуальными принадлежностями и, как бы это ни выглядело жестоко, телами людей которые были его слугами при жизни. Правители династии Чжоу отказались от жертвоприношений, но все же помещали в гробницы драгоценные предметы²⁰. О «Ли-цзи», «Книге ритуалов», которая была написана во времена династии Хань, много спорят и утверждают, что нельзя буквально понимать написанное, это нелепо, ибо речь идет о двух разных реальностях. В ней говорится, что было бы разумным, если бы символические вещи, не те, которыми пользуются

повседневно, изготавливались бы таким образом, чтобы они не имели никакого применения в быту. Чаши должны быть необожженными и необработанными, дудочки без отверстий, чтобы на них невозможно было играть. В соответствии с этим нововведением в гробницах династии Шан-Инь мы находим керамические фигурки танцоров, слуг, бронзовые копии колесниц и фигурки лошадей. Эта замена началась при династии Чжоу и продолжалась на протяжении почти всей истории Китая. Так, самыми известными фигурками из бронзы были фигурки лошадей, верблюдов, конюхов и слуг, которые сопровождали богатых людей в загробный мир, выполненные мастерами династии Тан.

Но знать во времена династии Хань не желала следовать мнению ученых в этом вопросе. Хотя они и использовали керамические фигурки, но не исключали вещей, которые представляли ценность в реальной жизни, к счастью для археологов. Было сделано несколько великолепных открытий времен династии Хань, среди которых две гробницы, выкопанные глубоко в холме около местечка Маньчэн. Одна из них принадлежала Лю Шэну, брату У-ди, а другая — его жене. Обе гробницы представляли собой множество соединенных между собой комнат, среди которых была даже ванная комната. Археологи насчитали около 3000 предметов из бронзы, золота, нефрита, серебра, керамики, шелка, лаковых изделий. Внешние стены гробниц строились из двух слоев кирпича, между которыми было залито расплавленное железо.

Самой удивительной находкой стали два так называемых «нефритовых платья». Каждое состояло из более чем 2000 отдельных квадратиков нефрита, в них были просверлены четыре дырочки по углам, чтоб можно было соединить их золотой нитью с соседними квадратиками. Работа была проделана просто невероятная, учитывая, как сложно обработать нефрит. А вот ответа на вопрос, с какой целью и в связи с какими верованиями были изготовлены столь дорогие вещи, так и не было выяснено. Считалось, что нефрит обладает особым свойством сохранять тела от тления. На самом же деле его твердость и вес имеют совершенно противоположный эффект. Во множестве других гробниц были найдены тела, облаченные в более простые одеяния, но именно они были практически мумифицированы естественным путем и сохранились довольно хорошо. От Лю Шэна же и его жены Доу Вань, помимо костюмов, не осталось ничего, кроме пыли.

Богатства гробниц охраняли от расхитителей не только толстые стены, но и внешняя незаметность гробниц, трещины в холме заросли травой и кустами. Большинство царских гробниц покоились под огромной насыпью. Другие же гробницы прятались глубоко под землей, без всяких опознавательных знаков на поверхности. Можно привести аналогичный пример: сейчас у нас не было бы золота Тутанхамона, если бы этого фараона удостоили пирамиды. Стихотворение, написанное менее века спустя после исчезновения династии Хань, рассказывает о судьбе этих красивых холмов в период последовавшего хаоса:

*О, как тянутся к небу в Бэймане
Эти четыре или пять высоких холмов среди поля!
Кто погребен под ними?
Все они были правителями Хань;
Гун и Вэнь смотрят друг на друга;
Юаньские холмы сплошь поросли травами.
Когда погибла династия, начались суета и беспорядки.
Воры и грабители рыскали, как дикие звери.
Землю они раскрошили горстями,
Они вошли в гробницы и открыли тайные двери.
Драгоценные ножны лежат сломанные и проржавевшие;
Драгоценные камни, что были в них, воры забрали с собой,
Храмы предков стали буграми;
Стены, что их окружали, сравнялись с землей.
Вокруг них растут колючие кустарники;
Мальчик-пастух пробирается через заросли по дороге.
Внизу, в кустах, кролики вырыли себе норы;
Травы и чертополох никогда не будут выполоты.
Могилы распашет плуг,
И крестьяне разобьют там поля и фруктовые сады.
Те, кто когда-то повелевали десятью тысячами колесниц,
Теперь обернулись пылью холмов и горных хребтов²¹.*

Но даже несмотря на это (благо в Китае мною мест, богатых на археологические находки) некоторые из гробниц династии Хань, как, например, упомянутая выше гробница Лю Шэна и его жены,

сохранились, нетронутыми и были открыты лишь в последние десятилетия. В одной из найденных в Ганьсу гробниц позднеханьского периода, была обнаружена бронзовая статуэтка коня, настолько динамичная, столь устремленная в великолепном галопе к иному миру, что скульптор для выразительности даже изобразил летящих ласточек, вьющихся у копыт.

Особым видом находок, характерных именно для захоронений Хань, являются керамические модели домов, помещаемые в гробницы: от самых обыденных построек, таких, как уборная около свинарника, до изящных домов или строений, напоминающих замки, — все они дают представление об архитектурном стиле того времени. В гробницах были найдены самые ранние из уцелевших документов, написанные на бамбуковых пластинах, связанных шелковыми лентами. Они датируются как доханьским периодом, так и периодом непосредственного правления Хань и являются описями предметов, находящихся в гробнице. Жизнь людей названных периодов описана со скрупулезной тщательностью. Подобные подробные описания, предположительно, предназначались для того, чтобы задобри благими заслугами умершего чиновников небесной канцелярии.

Разнообразие предметов, найденных в гробницах, и тот факт, что китайский шелк продавался на рынках Рима, говорят о том, что торговля Китая с другими странами приобрела небывалые масштабы. Причина кроется в многовековой проблеме — угрозе со стороны кочевников с севера и северо-запада. Во время правления Ранней Хань одно племя, а именно сюнну, стало основной угрозой династии. Сюнну всегда ассоциировались с жестокими кочевниками, гуннами, которые пять столетий спустя пришли с Востока и стали бедствием для всей Европы. Конечно, стратегия и тактика ведения войны гуннами, напугавшая готов и других мирных жителей Европы, была такой же, как и та, которую использовали сюнну при нападении на Китай — прекрасное искусство верховой езды в сочетании с использованием короткого лука, который позволял всаднику стрелять в любом направлении, даже обернувшись назад.

Слишком мало известно о гуннах — кто они и откуда пришли — чтобы идентифицировать их с сюнну. Но некоторое сходство сюнну и более поздних гуннов очевидно.

В несколько первых десятилетий правления династии Хань императоры попытались «купить» мир со своими проблемными соседями, они дарили им богатые подарки: шелк, продовольствие, иногда отдавали в жены принцесс, принадлежащих к царской семье. Для девушек, ставших гарантом мира в Китае, считалось карой небесной странствовать по степям, делить шатер с варваром-вождем и пить ненавистным кумыс — напиток из кобыльего молока, божественный нектар для кочевников и символ высшей дикости для китайцев, которые подозрительно относились к любым молочным продуктам. Одно из самых трагических стихотворений периода династии Хань было написано одной из таких принцесс, которую примерно в 107 г. до н. э. отправили в качестве дара вождю племени, жившего еще дальше, чем сюнну, с которым У-ди надеялся заключить союз:

*Меня отдали в жены
На край земли;
Отослали меня в странные земли
К царю У Суню.
Шатер — мой дом,
Войлок — его стены;
Сырое мясо — моя пища,
И кобылье молоко — мое питье.
Я все время думаю о моем крае,
Мое сердце грустит.
Будь я аистом,
Я бы улетела в старый дом свой²².*

Но вскоре политика улаживания сюнну перестала действовать, и У-ди занял более агрессивную позицию. Расширение границ империи и торговля во времена его долгого правления были тесно связаны с мерами, принятыми им по отношению к сюнну. Слишком просто будет сказать, что открытие Шелкового пути было результатом военных и дипломатических кампаний, предпринятых против сюнну, поскольку торговля веками шла по узкой и длинной дороге между Тибетскими горами и пустыней Гоби. Однако, без сомнения, поиск союзников среди

степных народов открыл китайцам новые горизонты и создал особое отношение к торговле с иностранцами.

Самым впечатляющим был поход в 138 г. до н. э. Незадолго до этого У-ди узнал о существовании могущественного племени, жившего на западе от сюнну и находившегося в состоянии постоянной войны с ними. Император распорядился отправить посланника с опасной миссией наладить добрые отношения с этим государством. Послом был выбран Чжан Цянь, с которым Сыма Цянь был, по крайней мере, лично знаком. Он был «человеком необычайной силы, решительным и благородным; он доверял другим, и в ответ варвары уважали его»²³. Его сопровождали 100 человек, из которых самым значимым членом экспедиции был бывший раб, который родился среди сюнну и жил в их обществе до того, как был пленен и продан в рабство китайской семье. Для Чжан Цяня он был тем же, кем был Пасспарту для Филеаса Фогга. Столь немногочисленной группе людей было крайне опасно отправляться в далекую экспедицию за пределы Нефритовых ворот, пограничного поста, что в западной части Великой китайской стены, за пределами которой гостеприимная красота Китая сменялось недружелюбными безграничными просторами, где кочевали сюнну.

На протяжении тринадцати лет от них не было никаких известий, потом вдруг появился Чжан со слугой и женщиной, которую племя сюнну отдало ему в жены. Его история вызвала огромный интерес. Сюнну захватили его, когда он попытался пересечь их территорию, и привели на суд к своему вождю; в течение первых десяти лет из тринадцати, что он провел среди сюнну, он был в центре всеобщего внимания как посланник китайского императора. С ним хорошо обходились, у него даже родился сын от женщины, которую сюнну предложили ему в жены. Но, в конце концов, когда внимание к нему перестало быть столь пристальным, Чжан бежал от сюнну и продолжил свою миссию. Он миновал Фергану и вскоре достиг северной части Афганистана, местности, знакомой историкам как Бактрия, куда незадолго до того сюнну оттеснили самых сильных из своих западных врагов. Чжан Цянь даже не догадывался, что его присутствие на этой территории было предвестием встречи двух различных древних цивилизаций — китайской и средиземноморской. Бактрия, защищенная с севера Гиндукушем, к тому времени была форпостом греческой культуры уже на протяжении двух веков с тех

пор, как здесь прошел Александр. Письменность, денежная система, скульптура и архитектура Бактрии подверглись значительному греческому влиянию.

Десятилетие пребывания Чжан Цяня на этих землях было переломным, потому что сюнну оттеснили на запад племя кочевников юэчжи, которое оккупировало территорию греческой колонии и положило конец владычеству греков, — на этот раз победа была на стороне варваров. Эта встреча Востока и Запада, конечно же, имеет для нас большее значение, чем она имела тогда для Чжан Цяня. Но теперь, когда он зашел так далеко, он испытал чувство разочарования.

Правитель юэчжи не захотел противостоять сюнну, так как считал, несмотря на заверения Чжан Цяня, что «император Хань слишком далеко, чтобы оказать поддержку в этом противостоянии, кроме того, он не считал нужным мстить за своего погибшего отца, нападая на сюнну»²⁴.

Чжан Цяню пришлось снова рисковать, преодолевая территории сюнну, чтоб донести до императора весть, о том, что главная задача его посольства не была выполнена, — и он опять попал в плен. На этот раз ему удалось сбежать через год. Информации о дальних землях и народах, их населяющих, было достаточно, по мнению императорского двора, чтобы компенсировать отсутствие заключенных союзов. Император был доволен и отблагодарил Чжана высоким назначением, и даже его помощнику, счастливцу-рабу, даровал титул «Великого господина, который выполнил свою миссию». По мнению Сыма Цяня, другой результат экспедиции Чжан Цяня таков: в последующие годы «все варвары дальнего Запада вытянули свои шеи по направлению к Востоку, чтобы увидеть Китай»²⁵.

Самой удивительной новостью было то, что в северном Афганистане Чжан Цянь увидел бамбук и шелк, привезенные из юго-западных провинций Китая. Когда он спросил, откуда здесь эти товары, ему ответили, что торговцы привезли их из великого царства Шэньду, что располагается на юго-востоке от Афганистана, «из района, который отличается более жарким и влажным климатом. Местные жители там сражаются верхом на слонах. Царство расположено у великой реки»²⁶.

Чжан Цянь предложил императору простой логический ход: «Мы знаем, что Афганистан находится в 4000 миль к юго-западу от Китая, мы узнали, что королевство Шэньду расположено в нескольких тысячах

миль к юго-востоку от Афганистана и там торгуют тем, что производят в Китае. На мой взгляд, это королевство находится недалеко от Китая». Его расчеты были превосходны, даже несмотря на то, что цифры были немного преувеличены (общая ошибка всех возвращающихся путешественников). Индия (а речь идет именно о ней) действительно находится рядом с Китаем. Император послал экспедицию на юго-запад Сычуани с целью найти дорогу в это царство. Китайцы были разочарованы увиденными землями и дикостью живущих там племен, однако догадка Чжан Цяня оказалась правильной. Оказалось, что местные торговцы периодически путешествовали в страну на Западе, где люди ездят на слонах.

Первые караваны, проследовавшие через линию оазисов в Персию с товарами без помощи посредников, покинули Китай в 106 г. до н. э., и это событие положило начало стремительно развивающейся торговле по Шелковому пути. К середине I века до н. э. римляне завоевали Палестину, бывшую конечной точкой караванного пути, и вскоре в Виллус Тускулус, что в Риме, открылся рынок, где торговали шелком. В период детства Христа китайцы вели политику конфискации золота находящегося в частном владении, и обмена его на бронзу или медь (было подсчитано, что к 23 г. н. э. в государстве золотой запас насчитывал пять миллионов унций золота). Вскоре император Тиберий, — если бы он только знал, что во время его правления будет распят Христос, — запретил носить шелковые одежды, объясняя это тем, что на них уходит слишком много золота из казны. Вот так стремительно после открытия Шелкового пути возникла мировая экономика.

Сам Китай не был заинтересован в товарах с Запада. Торговля, которая то тут, то там возникает в описания Сыма Цяня, была, скорее, похожа на наводнение далеких стран товарами из Китая, но не наоборот. Лошади и нефрит, два вида товара, в которых китайцы были заинтересованы больше всего, привозились из мест, расположенных в непосредственном соседстве с Китаем: нефрит, например, из тех районов вдоль Шелкового пути, которые тщательно охранялись от кочевников и постепенно были в конце концов присоединены к империи. Сыма Цянь включал эти виды и товаров в список внутренних богатств империи:

Район на западе, у подножья гор, богат древесиной, багровой бумагой, пенькой, хвостами буйволов, что используются для

изготовления кистей, нефритом и другими драгоценными камнями. Подножие Восточных гор изобилует рыбой, солью, лаком, шелком, певцами и красивыми женщинами. К югу от Янцзы выращивают камфару, катальпу, имбирь, корицу, добывают золото, олово, свинец, киноварь, рога носорога, панцири черепахи, добывают жемчуг различной формы, слоновьи бивни и шкуру, в то время как север, Лунмэнь и Цзэши, богат лошадьми, крупным рогатым скотом, овцами и войлоком, мехом, сухожилиями и рогами. Горы, в которых можно добыть медь и железо, разбросаны по всей территории империи, как шахматы на шахматной доске. Все эти богатства империи используются ее народами, в зависимости их обычаев, для изготовления постельного белья, одежды, в пищу или же для приготовления напитков, они поддерживают живущих и помогают достойно поминать усопших²⁷.

Несмотря на многолетнее враждебное отношение к торговцам как к «разновидности паразитов», занятых лишь увеличением своих богатств, Сыма Цянь описал их процветающее и пестрое по своему составу общество, специализирующееся на продаже разнообразных товаров — от рабов до солений. Он заканчивает описание такими словами, явно не лишенными иронии «Есть и иные занятия разного рода, приносящие прибыль не меньше 20%, но их я не могу назвать источниками богатства и состоятельности». Чуть раньше он сделал заключение относительно соотношения труда и благосостояния, которое остается верным в любое время: «Когда у людей совсем нет богатства, они живут, зарабатывая силой своих мышц; когда у них его немного — они стремятся к его увеличению с помощью ума, когда же у людей много денег, они ищут возможности и выгодно поместить свои капиталы. Это общий принцип труда, так все происходит и так работает»²⁸.

Столица находилась все в той же труднопроходимой северо-западной долине, из которой когда-то была вытеснена династия Чжоу правителями династии Шан-Инь и где жил император Цинь, завоевавший большую часть субконтинента. Основатель династии Хань сам пришел с равнин, но столь явные преимущества этой долины

заставили его основать столицу, как он заявил, «на перевале». Город назывался Сиань и находился практически на том же месте, что и столицы династий Цинь и Чжоу. Город протянулся с севера на юг и был выстроен по четкому геометрическому плану, характерному для многих китайских городов. Город окружали высокие стены, улицы города были строго параллельны, между ними были прямоугольные площади, как в городах древних ацтеков, каждый такой блок, окруженный стенами, был отдельным административным районом города. В то время в Сиани насчитывалось 160 таких районов, и в каждом из них процветал определенный вид торговли или ремесла. Даже высокие персоны должны были покинуть свои экипажи-носилки для того, чтобы попасть в район. Таким образом, город строился по принципу, который пришелся бы по нраву современным строителям: с широкими дорогами вдоль стен и узкими дорожками внутри районов, по которым можно было пройти только пешком. Менее привлекательный аспект такого планирования, однако весьма удобный для правителей — такая планировка сильно упрощала процесс контроля населения. В разные периоды китайской истории существовало одно непреложное правило: жителям запрещалось покидать пределы района после захода солнца, а чтобы правило неукоснительно соблюдалось, входные ворота после захода солнца запирались.

Как и в любой другой китайской столице, вход во дворец был с южной стороны, так что подданные императора обращали взор на север по мере приближения к императору. Взгляд на юг означал превосходство, поэтому даже на больших советах только император имел право смотреть в этом направлении. Но было два исключения: когда к императору приходил ученый или мудрец, то в знак уважения правитель встречал его, глядя на восток (ведь именно ученые и мудрецы толковали ритуалы); вполне понятно, почему он таким же образом, глядя на восток, встречал ребенка, который олицетворял дух его предка в обрядах жертвоприношения предкам.

Не только города и здания были ориентированы по частям света, это учитывалось и при проведении всех китайских церемоний, но даже способствовало их проведению. В императорском дворце, как и в любом доме, обратиться лицом на север или юг означало не что иное, как стоять лицом к двери или спиной к ней. Поэтому постоянное упоминание севера, юга, запада и востока в мельчайших деталях

ритуала было не столь странным, как это кажется на первый взгляд. В Европе хозяин был бы в полной растерянности, прикажи ему кто-нибудь поставить тушеное мясо с северной стороны от солений. Для жителя из имперского Китая или даже геометрически правильного города в Южной Америке вряд ли это составило бы проблему.

Значимость севера и юга в китайской традиции связана с еще одной системой китайского мировоззрения: с определенной формой дуализма, которая возникла во времена правления династии Чжоу и была раскрыта в понятиях *инь* и *ян*. *Инь* и *ян* — это не противоположные категории, как добро и зло в манихействе, скорее они альтернативны, и процесс смены одного на другой связан с ритмическими изменениями в природе, *инь* — мужское начало, *инь* — женское. Подобно устоявшемуся выражению «первый выбор за мужчиной», *ян* означал свет, тепло, активность, жизнь, чистоту, солнце, день, удовлетворение, Китай и цивилизацию; *инь* — тьму, холод, пассивность, смерть, грязь, луну, ночь, меланхоличность, иностранцев и варварство. Возможно, такое толкование идет от смыслового значения этих слов *ян* и *инь* в переводе с китайского означают солнечную и теневую стороны холма соответственно, правда, феминисты могут возмутиться, почему это солнечная сторона относится к мужскому полу. На самом деле, китайцы в этом не были одиноки. В Греции, практически в то же время, пифагорейцы разделили мир на правое — добро, движение, свет, квадратное и прямое, отнеся эти явления к мужскому роду; и на левое — злое, покой, тьму, продолговатость и извилистость, оставляя эти качества женщинам.

Огромная сила системы *инь-ян* в том, что она смогла охватить все, существующее, так, что получалось, будто и все на свете имеет собственное место, а события происходят в соответствии с законами природы. Закат солнца по направлению к торжеству *инь* ночью так же важен, как его восход к апогею *ян* в полдень. Набеги совершенные варварами-*инь*, так же естественны, как и экспансия империи-*ян* из других земель. Даже чиновник-конфуцианец, который традиционно представляет принципы *ян* в активном отстаивании своих прав в городе, иногда имеет полное право насладиться даосским недеянием-*инь*, отправившись в деревню.

Традиционный китайский взгляд на историю предполагает, что династии расцветают и гибнут в соответствии со стандартной схемой.

Небесный мандат дается достойному правителю в самом начале существования династии, но не все его потомки оказываются одинаково достойными править. Рано или поздно они оправдывают доверие Небес, несправедливо относясь к людям, и при следующих за этим беспорядках Небеса забирают мандат у старой династии и передают его основателю новой династии, и цикл начинается сначала.

Эта одна из самых прагматичных теорий гласит, что народные восстания, характерные для последних периодов правления династий, являются следствием плохого руководства страной, что приводит к тому что Небеса лишают династию мандата, а человек который побеждает в перевороте, как раз и есть тот кому Небо передает мандат. Это концепция выгодно освещает знакомое нам положение вещей: победивший повстанец — герой, проигравший — предатель. Кроме того, она более сложна, чем европейское Воинственное право, потому что предоставляет хорошему правительству право на законное наследование.

Естественно, эта теория подходила для характеристики каждой эпохи правления новой династии, в момент смены династий чиновники сразу же брались за кисточки и записывали историю ушедшей династии как историю постоянного отхода от достойного начала, и так до последнего правящего негодяя, чьи ошибки просто требовали его смещения - все это так похоже на то, что сделали тюдоровские законники из истории правления Ричарда III. Недостатки такого подхода очевидны, но, тем не менее, простая схема, где империя неминуемо теряет силу, содержит неотъемлемые элементы правды.

Каждая новая династия начинает выдвигать свою программу действий. Она берет на себя определенную ответственность, а престиж власти так высок, что его более чем достаточно, чтоб набрать необходимый капитал для срочных нужд. По прошествии времени семья императора увеличивается, он и его родственники становятся все более жадными, знатные привыкают к роскоши и, будучи высокопоставленными чиновниками, они пытаются переложить выплату налогов на чьи-нибудь плечи (в поздних династиях чиновники были освобождены от выплаты налогов). Таким образом, непосильными налогами были обложены те слои общества, которые далеки от правителя, — крестьяне. Когда система приходит в упадок и жизнь становится невыносимой, крестьяне начинают бунтовать.

Время правления У-ди стало временем расцвета имперской идеологии. Он пришел к власти через шестьдесят четыре года после того, как его прадед основал династию Хань. Его грандиозные планы строительства в Сиани, его политика военной экспансии требовали больших богатств, чем когда-либо до этого, и его безжалостная политика по их накоплению в короткие сроки принесла плоды. Он восстановил государственные монополии на соль, отливку монет, учрежденные еще во времена династии Цинь, он скупал зерно, когда урожаи были высокими, и продавал, когда в зерне ощущался недостаток (обычная практика, которая всегда выглядела как благотворительность; но разница между ценами закупочными и продажными давала возможность пополнить казну). Подобная схема была традиционной для истории Китая. Достаточно необычной была практика У-ди продавать чины и официальные посты в правительство, а также замена наказания богатым людям выплатой крупной денежной суммы. Сыма Цянь намекает, что если бы он мог заплатить, то избежал бы оскпления.

У-ди заставлял дворян покупать абсолютно бесполезные предметы роскоши, которые становились источником бесконечных налогов. Стадо белых оленей, живущих в парке императора, было отправлено на убой, их шкуры выделаны и разрезаны на прямоугольники размером со стопу и изукрашены разноцветным шелком. Было объявлено, что с этого момента кусочки кожи являются эквивалентом денег, их номинал равнялся 400000 монет. У-ди заставил дворян подчиниться его воле с поразительным императорским бесстыдством. Когда сановники и чиновники являлись ко двору и должны были предоставить свои нефритовые ордена или знаки отличия в качестве пропуска, их не принимали, пока не были представлены кусочки этой оленьей кожи.

Политика У-ди, направленная на увеличение собственного благосостояния и расширения территорий империи, привела ко множеству проблем. Знать привыкла к роскоши, но простое население больше не могло ее им предоставить, и не было никого, кто бы с такой дикой жадностью, как У-ди, пополнял казну за счет знати. Постепенно центральная власть распалась, и к 8 г. н. э. трон был захвачен племянником бывшей императрицы, Ван Маном, который провозгласил себя основателем династии Синь или «Новой» династии. Он провел решительные реформы, включая даже национализацию земель, что

было попыткой подчинить себе богатых феодалов, но ему не хватило силы воплотить задуманное в жизнь. В борьбе за трон, которая последовала после организованного им в 23 г. н. э. переворота, победу одержали наследники династии Хань, что ознаменовало начало новой династии, которая известна как Поздняя, или Восточная, династия Хань. Хань перенесли столицу из Сиани в горной долине Вэй на равнину Лояна, что расположена на юге Желтой реки. И перенос столицы в новый город был вызван не только аналогичным переносом столицы Западной Чжоу в Лоян, произошедшим восемь веков тому назад, но и тем, что столицей империи до этого традиционно был Лоян.

Одной из причин свержения Ван Мана стала грандиозная по своим масштабам крестьянская война в 18 г. н. э. Ее возглавили члены тайного общества даосов, которые получили известность благодаря отличительному знаку, который они себе придумали, — они красили брови в красный цвет, из-за чего получили название «краснобровых». Они преуспели в расшатывании административной власти императора, но не сумели сплотить расколотую империю и, в конце концов, вынуждены были обратиться за помощью к членам императорской семьи, чтобы восстановить династию Хань.

Подобные события повторялись в истории Китая снова и снова. В последние годы существования династии Восточной Хань, в 184 г. н. э., снова вспыхнули два мощных крестьянских восстания. И снова их возглавили члены тайного общества, последователи даосизма, вставшие на защиту справедливости. У одной из групп было очень красивое название — Желтые повязки. Но все произошло, как обычно: свергнув императора, восставшие тем самым освободили трон для нового представителя правящего класса, который, перешагнув через них, занял трон предыдущего правителя. Но парадокс в том, что для подавления восстания могущественные аристократы собрали три огромные армии. В 221 г. н. э. трое из командующих этими армиями разделили империю Хань и даже управляли вместе страной достаточно непродолжительное время, известное из истории как эпоха Троецарствия.

Но стоит заметить, что правление императоров династии Хань было самым продолжительным во всей истории Китая, по длительности правления с Хань может сравниться только династия Чжоу, срок правления которой, если судить по записям, был гораздо

длиннее, чем в реальности, к тому же размеры княжеств были значительно меньше. Властители династии Хань сделали реальностью то, что император династии Цинь наметил только как идеал — единство Китая. Поэтому не только привычка приукрашивать прошлое привела к тому, что этот период в истории Китая часто называют золотым веком. Позже для характеристики своей национальной идентичности китайцы станут часто использовать словосочетание «сыновья династии Хань», или просто ханьцы.

唐

Китайский исторический династийный метод имеет один недостаток: он оставляет незатронутыми большие исторические промежутки. Предыдущая глава закончилась на повествовании о событиях, произошедших в 220 г. н. э., эта же начинается с событий, произошедших четыре века спустя.

Причина не в том, что в обычной книге читатель должен сконцентрироваться только на основных династиях, она намного глубже. Период между правлениями династий Хань и Тан в династийных историях выделен и поименован — по разным подсчетам в то время существовало около 10 династий и 19 царств, но позже историки отказались от такого рода путаницы, предпочитая сосредоточить свое внимание на более значимых и масштабных династиях. Отсюда и это недоразумение. Сложный и запутанный период времени, не удостоенный должного внимания, стал казаться еще более мрачным, чем был на самом деле. Если провести параллель с Европой, то это период, который ученые классицизма именовали Темными веками, скучным и неинтересным периодом после упадка Римской империи и перед всплеском культуры и искусства в эпоху Возрождения. «Темные» Средние века долгое время оставались таковыми по тому, что ученые почему-то не захотели пролить свет на этот период. Возможно, именно поэтому долгий период между правлением династий Хань и династии Тан в западной историографии был назван «периодом разъединения», и история его также темна.

Именно в этот период произошло то, что позже еще долгое время имело влияние на китайскую цивилизацию, — постепенное и полное утверждение буддизма в Китае. Традиция гласит, что император династии Хань примерно в 65 г. н. э. увидел сон: он увидел божественное создание в золотом облачении, летящее над дворцом. Один из его приближенных объяснил императору, что был в Индии

великий мудрец, который научился летать, у него было золотое тело и его называли Будда, и что, вероятнее всего, это именно Будда предстал ему в видениях. И император отправил послов, чтобы они узнали как можно больше о Будде, и они вернулись с «Сутрой в сорока двух разделах» — первым буддийским текстом, попавшим в Китай.

То, что сам император ввел индийскую религию в Китае, было выдуманно буддистами для того, чтобы узаконить собственное существование в Поднебесной, но дата, которую они называют в качестве даты появления своей религии в Китае, близка к первым упоминаниям о буддизме в китайских источниках. Эта религия пришла в Китай по Шелковому пути из Центральной Азии. В то время многие из купцов были буддистами, и монастыри появлялись по всему протяжению караванного пути. Постепенно монахи из этих монастырей начали продвигаться на Восток вместе с купцами, и там и осели.

Там они были тепло приняты даосами, так как эти две религии, как казалось на первый взгляд, имели много общего. У той и другой были монастыри, священники и некоторая структура, свойственная организованным религиям, — элементы, которые полностью отсутствовали в конфуцианстве. И та, и другая религии интересовались заклинаниями и чарами, потому как традиция северного буддизма, пришедшая в Китай, не отличалась чистотой и аскетизмом, в отличие от южной, которая распространилась на Цейлон. В обеих религиях большое значение придавалось дыхательным упражнениям, и одним из первых текстов, переведенных на китайский язык, была сутра, содержащая наставления в буддийской йоге. Оба учения проповедовали отрешенность от повседневной жизни, но здесь имелось одно ключевое различие. Даосы уходили от суеты мирской, чтоб продлить жизнь на земле, даже до бесконечности; буддисты же преследовали совершенно противоположные цели: достичь таким образом состояния просветления, чтобы навсегда освободиться от страданий перерождения. Именно эти сходства между двумя религиями привели к рождению удобной выдумки, которая способствовала принятию буддизма китайцами. Вскоре оказалось, что Лао-цзы, предполагаемый основатель даосизма, ездил на Запад с целью обратить в свою веру варваров, которые дали ему имя Будда, — это означало, что буддизм просто вернулся в Китай. Это дало возможность даосам заимствовать из индийской религии любые элементы, так сказать, «без

потери лица», и ранние китайские буддисты без сомнений приняли эту очень удобную легенду. Только через несколько веков, когда успех и расцвет буддизма стал вызывать зависть у даосов, эта легенда была обращена против буддизма — буддизм стал считаться извращенной чужеродной формой даосизма, и велись споры о том, зачем он вообще нужен в Китае. Это стало одним из основных положений, оправдывающих гонения на буддистов.

Стремительность распространения новой религии была ошеломляющей. Где бы буддизм ни укрепился, его приверженцы создавали скульптуры из камня и расписывали стены пещерных храмов. Недалеко от Лояна (одно из подобных мест в Северном Китае) были найдены скульптуры, высотой от нескольких дюймов до 35 футов, которых было так много, что две попытки пересчитать их привели к различным результатам: местный магистрат в 1916 г. насчитал в пещерах Лунмэнь примерно 97306 разных фигур, но более поздние исследователи утверждают, что общее число их ближе к 142289¹.

Один из наиболее замечательных сохранившихся до наших дней пещерных храмовых комплексов — так же буддийский. На территории Китая первым местом остановки караванов, идущих по Шелковому пути, был Дуньхуан, самая западная точка Великой стены. Это был естественный центр буддизма того времени, ведь именно по Шелковому пути буддизм пришел в Китай, и здесь на протяжении веков в лесных террасах было вырублено огромное количество пещер, где разместились храмы, кельи монахов и жилища паломников. Пещеры были искусно украшены, и, как принято в буддийских общинах, там обязательно присутствовали скульптуры, выполненные из обожженной глины, так как камень в той местности был слишком мягким для резьбы. Благодаря сухости климата той местности огромное количество настенных картин сохранилось в превосходном состоянии, а пещеры стали настоящей галереей китайских буддийских живописных памятников, созданных в период с IV по X век.

Исключительно благоприятные погодные условия способствовали также и еще большей удаче в Дуньхуане сохранились целые библиотеки из сотен свитков и рисунков на шелке, которые после 1056 г. были тщательно спрятаны в Дуньхуане от мародеров, совершавших набеги из Тибета (в библиотеке были найдены отрывки из Ветхого Завета на

древнееврейском — показатель того, что по Шелковому пути шли люди разных национальностей). Сейчас большая часть этих документов хранится в Британской библиотеке, и их нахождение там западные археологи рассматривают как результат величайшей авантюры. Обычно находка их приписывается сэру Аурэлю Стейну, одному из самых выдающихся археологов своего времени. Но реальные факты говорят о другом.

Примерно в 1899 г. даосский монах по имени Ван начал расчищать одну из пещер Дуньхуана, вход в которую был в течение веков блокирован камнепадами и песчаными наносами. То было богоугодное дело, и он, прихватив чашу для подаяния, направился странствовать с целью собрать средства для дальнейших раскопок и заплатить нескольким рабочим. Когда пещера была расчищена, они занялись очисткой фресок, но штукатурка треснула, обнажилась кирпичная кладка, которая закрывала вход в библиотеку, заполненную свитками до самого потолка. Об этом доложили начальнику провинции, и вскоре поступил приказ от самого губернатора провинции Ваньсу назначить Вана хранителем манускриптов и на время опечатать их, пока не будет принято решение, что же делать дальше. Так продолжалось до 1907 г. пока сэр Аурель не явился к вышеупомянутой пещере. Далее история известна уже из уст самого археолога, так как все это приключение с самого начала можно рассматривать как хорошо просчитанный заранее грабеж.

Его первая встреча с Ваном не была столь обещающей. «Он выглядел очень странно, очень стеснительным и робким, с лицом, на котором временами мелькало скрытая гримаса хитрости, и выражение которого было далеко не одобрительным». Но даже при первой встрече археолог получил полезную для себя информацию: губернатору провинции еще не было отправлено никакого официального перечня ценных находок. На следующий день китайский помощник Стейна Цзян убедил монаха разобрать часть каменной кладки, блокирующей вход в пещеру и позволить Стейну взять несколько свитков для изучения. В эту ночь и в последующие Цзян возвращался в лагерь Стейна с выбранными им манускриптами, спрятанными в длинных рукавах его одеяния, чтобы «провести более тщательное их изучение», в соответствии с договоренностью. Оценив ценность и размер возможной «добычи», Стейн испугался, что «хитрый монах,

подогреваемый мирскими страхами и душевными сомнениями, вдруг встревожится или перестанет доверять Стейну и закроет тайник прежде, чем Стейн сумеет добыть бесценные манускрипты». Вести переговоры о сумме вознаграждения археолог поручил своему помощнику, которому было дозволено поднять цену до 5000 рупий за находку, сумму, которую выделил Стейн, посчитав, что этого достаточно для того, чтобы старик ушел на покой и вернулся в свою родную провинцию, потому что в Дуньхуане для него слишком жарко. В результате Цзян установил цену в 500 рупий. Стейн позже написал: «Когда я сейчас смотрю на то богатство археологических материалов, которые выручил за эту сумму, сделка мне кажется просто невероятно удачной». К концу пребывания Стейна в Китае количество книг, выносимых из пещеры каждую ночь, было слишком большим даже для объемных рукавов Цзяна. Трое самых преданных слуг Стейна каждую ночь совершали рейды к реке с огромными мешками, чтобы переправить манускрипты на другой берег. Однако проблема окончательного вывоза книг из Китая не была еще решена, но, как выяснилось вскоре предусмотрительный Стейн заранее привез с собой большое количество пустых деревянных ящиков. Ни у кого не возникло бы вопросов о содержимом ящиков, раз они были ввезены в Китай и вывозятся в том же количестве. Он был уверен, что все эти меры успокоят Вана, который демонстрировал чрезмерную нервозность. Историю можно завершить словами самого Стейна.

Чрезмерная предусмотрительность и осторожность были вознаграждены. Я получаю удовольствие от того, что вижу, как скромному даосу, по-своему честному, теперь снова легко дышится².

Естественно, китайцы расценили эту историю как изощренное воровство. Стейн даже не принес элементарных извинений за то, что сокровища мирового значения были вывезены им из Китая. Возможно, лучшее, что могли придумать англичане в его оправдание, так это то, что Стейн не мог допустить, чтобы все эти 7000 бесценных свитков попали во Францию. Правда, год спустя французский ученый вывез из той же пещеры еще 3000 свитков для французской Национальной библиотеки.

Дуньхуан был процветающим центром уже в период Северных и Южных династий (420—589), к тому же человек, объединивший Китай, возродивший его из хаоса и основавший династию Суй (581—618), был ярким покровителем буддизма. Он назвал себя Вэнь-ди Культурным императором, и приложил максимум усилий для распространения буддизма, сооружая ступы (то были ступы, так характерные для буддистской культуры, которые со временем трансформировались в китайские пагоды, служившие для монахов местом медитации), рассылая монахов со святыми реликвиями по всей стране; и даже в указах он именовал себя не иначе, как учеником Будды. Принято считать, что изначальной его целью было укрепить и консолидировать таким образом разобщенные части собственных владений³, а буддизм как раз и выступил в качестве этого консолидирующего элемента — это было проверкой, насколько широко может распространиться буддизм в Китае. Но его далеко идущие планы не успели воплотиться в жизнь. Сын, который сменил его на троне (Ян-ди, Император украшенный), претворял в жизнь более грандиозные проекты. Он отправил огромное количество крестьян на возведение роскошных дворцов в Сиани и Лояне и построил прославивший в веках династию Суй и его имя Великий канал, соединив уже существующую сеть каналов так, что баржи могли свободно проплывать от Янцзы до Желтой реки и затем, достигнув княжества Вэй, доходить до западной столицы государства — Сиани.

Существовало превосходное экономическое обоснование этого проекта. На второй план отошла необходимость высоких урожаев пшеницы и проса, выращиваемых на равнинах Желтой реки, на первый план вышли посеvy и урожаи риса, которому благоприятствовала почва, питаемая водами Янцзы. А так как высокие налоги на зерно остались неизменными, все богатство сосредотачивалось на юге Китая, в районе Янцзы, и остро вставала необходимость оперативного переноса богатств на север. Однако, судя по династийным историям, Ян-ди в одинаковой степени жаждал как личной славы, так и экономической стабильности. Канал давал императору королевскую привилегию контролировать земли, подчиненные ему. Он построил специальные плавучие дома, известные как драконьи лодки, в которых он и его подданные степенно двигались по каналу при помощи тысяч слуг, одетых в парчу, которые тащили корабли, ухватившись за зеленые

веревки. Сообщается, что иногда эта процессия растягивалась на шестьдесят миль.

Как и во времена короткого правления династии Цинь, бремя принудительного труда, свалившееся на плечи народа в связи с новыми проектами, было тяжелее, чем народ мог выдержать. Официальная история — естественно, описывающая правление Ян-ди в темных тонах: ведь он был последним в династии, — гласит, что число рабочих насчитывало миллионы, 40% которых погибло при строительстве великолепных императорских дворцов. Повозки с трупами «были постоянно на виду у всех, проходящих по дороге»⁴. Примечательно, что эта фраза напоминает описание последних дней династии Цинь, когда «тела тех, кто умирал за день, сваливались в кучи на рынках»⁵.

На фундаменте, заложенном династией Цинь, новая династия Хань построила свое более прочное здание. Так и в этом случае дальнейшие события были абсолютно предсказуемыми. В 613 г. вспыхнуло восстание, в 616 г. Ян-ди был вынужден спасаться бегством по построенному им же каналу на вновь отстроенных домах-кораблях, потому что старые были разрушены во время беспорядков. Двумя годами позже он был предательски убит своими же солдатами. На севере страны один из его высокопоставленных чиновников занял западную столицу — Сиань и со временем основал новую мощную, прославившуюся в истории династию.

С приходом династии Тан начался новый кульминационный период китайской истории. Великие достижения, в сфере искусства того времени свидетельствуют о том, что этот период был высшей точкой расцвета китайской культуры. Изысканные изделия из металла свидетельствуют о совершенстве отливки металлических сосудов мастерами, которые следовали традиции мастеров династии Шан Инь, что жили двумя тысячелетиями ранее. Самыми известными и характерными для танского времени находками являются огромные выразительные керамические фигуры лошадей, верблюдов, конюхов, торговцев, танцовщиц и демонов, — они изготавливались в основном для церемонии погребения, следуя традиции, берущей начало еще во времена династии Хань. Живописных полотен древнего Китая сохранилось весьма немного, но по ним можно судить, что чаще всего писались портреты и сцены из жизни. Если судить по найденным образцам, в эпоху Тан эти жанры живописи достигли своего пика.

Сохранившиеся портреты, немалая часть которых — изображения тринадцати императоров — находится в Британском музее, отличаются монументальностью, что однако, никак не сказывается на их реализме.

Прославили династию Тан и поэты: они довели до совершенства самый характерный элемент китайской поэзии — разительную простоту образов, их непринужденную чистоту, которые можно встретить еще в «Каноне стихов», написанном за века до Конфуция. И это только одна из характерных черт поэзии Китая, потому что китайских поэтов, как никого другого, занимали вопросы стиля и формы, тонкого использования метафор; и именно благодаря этому китайская поэзия стала узнаваемой во всем мире.

Среди всех китайских поэтов наиболее широко известен Ли Бо, который родился, предположительно в 701 г., через восемьдесят лет после прихода к власти императоров династии Тан. Он представляет всё самое романтическое в китайской поэзии и китайском отношении к жизни. Он никогда не сдавал экзаменов, но в 19 лет покинул родной дом и присоединился к отшельникам, последователям даосизма. Именно даосизм определил его судьбу и способствовал становлению как поэта. Большую часть своей жизни, он провел вдалеке от придворных страстей и ссор, странствуя по стране. В его стихотворениях мы находим образы лунного света, рек, гор, деревьев, цветов, описание чувств, вызванных общением с друзьями, печаль расставания, веселье после хорошей пирушки. Никто другой не смог бы с такой простотой и неповторимой задушевностью пробуждать столько чувств, как это смог сделать Ли Бо в своих коротких стихах:

*Она, девушка Дунъян, босая стоит на берегу,
Он, лодочник Гуй-цзи, — в лодке,
Луна еще не спряталась,
Они смотрят друг на друга — их сердца
разбиты⁶.*

О своей жизни он говорит:

*Зачем я живу среди зеленых гор?
Я улыбаюсь, но ничего не отвечаю на вопросы,
моя душа спокойна:*

Она живет на других небесах и на земле, которая никому не принадлежит.

Персиковые деревья в цвету, быстро течет вода...⁷

Через все его работы проходит тема радости и освобождения, которые дарит человеку вино, но самый очаровательный образ поэта с чашей вина принадлежит его более молодому современнику, Ду Фу

Сотни стихов написал Ли Бо о бочках с вином

Он спал в кабаке в Цзяне,

Когда за ним послал император, он не смог взойти на борт его баржи,

Но ответил: «Ваш покорный слуга — бог вина»⁸

В поздние годы династии Тан встречается иной вид поэзии, в котором использовался более простой язык, а образы отражали повседневную жизнь с большей реалистичностью. Таков, например, поэт Бо Цзюйи, который не обыгрывал в своих стихах многогранность образов цветов и травы, не заигрывал с образами луны и ветра. Он считал, что поэзия должна быть понятна всем и делал акценты на справедливость политической и социальной жизни Китая. Его поэзия оказала влияние на современных поэтов Запада (например, на Брехта, который делал немецкие версии приведенных Артуром Уэйли стихов и включил один из них в «Добрую женщину из Сычуани»). В приведенном стихотворении Бо Цзюйи протестует — в своей характерной манере, усиленной яркостью нарисованной картины, — против жестокого обращения с крестьянами со стороны солдат дворцовой стражи под предводительством евнухов, как, например, в стихотворении «Остановился на ночь в деревне на северном склоне горы Цзыгэ»:

С утра я бродил

По склонам горы Цзыгэ,

А вечером спать

К подножью в деревню сошел.

В деревне старик

Встретил радушно меня.
Он для меня
Открыл непочатый кувшин.
Мы подняли чарки
И только к губам поднесли -
Толпой солдатня
Внезапно к нам в дом ворвалась.
В лиловой одежде,
Топор или нож в руке.
Их сразу набилось
Больше десяти человек.
Схватили солдаты
С циновки мое вино,
И взяли солдаты
С блюда мою еду.
Хозяину дома
Осталось в сторонку встать
И руки сложить,
Как будто он робкий гость.
В саду у него
Было дерево редкой красы,
Что он посадил
Тридцать весен тому назад.
Хозяину дома
Жалко стало до слез,
Когда топором
Под корень рубили ствол...
Они говорят,
Что на службу их взял государь.
Они берегут
Священный его покой.
Хозяину дома
Разумней всего молчать:
Начальник охраны
В большой при дворе чести^{[16].9}.

Реалистичный взгляд на жизнь мы можем увидеть и в произведениях Юань Чжэня, лучшего друга Бо Цзюйи, выходца из царского рода «северных варваров», по которому сложно было судить о предполагаемой жестокости его предков. Оба они занимались наукой, были признанными поэтами и высокопоставленными чиновниками, оба достигли своего положения, успешно сдав экзамены. Об их дружбе Артур Уэйли сказал, что она «возможно, самая известная в истории Китая»¹⁰.

Они встретились на экзамене в 802 г. К тому времени оба уже выдержали и провинциальные, и столичные экзамены (причем, Юань Чжэнь — в возрасте 14 лет — самый младший возраст для участников), которые давали им статус ученых и поэтов, но не гарантировали служебного назначения. Таким образом, двое молодых людей оказались в знаменитом столичном городе Сиань в долине Вэй, который ранее был столицей династии Чжоу, затем Цинь, Хань, Суй и теперь Тан, чтобы принять участие в последнем этапе экзаменов, успешное прохождение которого гарантировало им получение государственной должности. Экзаменам предшествовала определенная процедура: пять чиновников, занимающих в столице высокие посты, должны были поручиться за кандидатов, которые, в свою очередь, объединялись в группы из пяти человек, связанных, взаимной ответственностью друг за друга. Отцы кандидатов не должны быть ни торговцами, ни ремесленниками — настолько сильна была вековая подозрительность к этим слоям населения. И Бо, и Юань успешно сдали экзамены. (Называть их так не является фамильярностью, подобной тому, как скажем, называть Шекспира Вильямом. Китайцы всегда сначала пишут фамилию, а потом имя — этот принцип позже переняли и другие страны, он использовался в случаях, когда надо было составить список или написать официальный документ. Так, Мао — это фамилия председателя, а Цзэдун — имя.)

Эти двое и еще несколько успешно сдавших экзамены кандидатов получили при дворе работу в библиотеке, где исполняли свои обязанности только два раза в месяц. Это место было определенным «залом ожидания» для молодых и талантливых людей, жаждущих более подходящей и достойной работы. Бо Цзюйи переехал из даосского монастыря, где ранее снимал комнату, в апартаменты, в собственные апартаменты в огромном доме. Он уже мог позволить себе вести жизнь,

полную удобств, слагать стихи, встречаться с друзьями, посещать выставки художником или прогуливаться по берегу искусственного озера неподалеку. Как он писал в одном стихотворении, адресованном Юань Чжэню и еще одному молодому другу:

*Жалование в 16000 единиц
И месячный запас риса — этого более чем достаточно,
Конец всем заботам о еде и одежде,
Небольшая занятость —
Все это, наконец, дало мне возможность почувствовать себя
молодым,
И каждый новый день — день счастливого отдыха...¹¹*

И хотя молодой человек, работая в библиотеке обзавелся большим кругом друзей, между Бо и Юанем складывались отношения другого рода. Отъезд Юаня в восточную столицу Лоян дал толчок творчеству Бо: он написал стихи, исполненные тоски и печали от разлуки с другом, названные «На прогулке в раздумьях о Юань Чжэне»:

*В одиночестве с тех пор, как пришла весна, я совершил
несколько прогулок.
Многие удовольствия ушли после твоего отъезда.
Сегодня, прогуливаясь в абрикосовом саду, мне невыносимо
тяжело это осознавать:
Кажется, все в мире вышли на прогулку, все, кроме тебя¹².*

В любой другой стране такая дружба натолкнула бы на мысль о гомосексуальных отношениях между молодыми людьми — скорее, туманного и декадентского характера, чем в более грубом варианте елизаветинского периода, — но в Китае то была высокая дружба, которая основывалась на общении без малейшего намека на физическую близость.

К 806 г. двое друзей начали готовиться к сдаче очередного экзамена, это был уже четвертый и самый трудный этап, который сыграл бы определяющую роль в их дальнейшей карьере, так как теперь вопросы касались не классической литературы, а современной

политики, и успешная сдача такого экзамена могла предоставить пост в высшей государственной структуре. Чтобы тщательно подготовиться, Бо и Юань переехали из города в даосский монастырь, где когда-то жил Бо и готовился к сдаче предыдущих экзаменов. Подобный выбор места пребывания не означал, что они были приверженцами даосизма. На самом деле, религией, которую они оба считали своей, был буддизм, а их высокие достижения в изучении наук и успешное прохождение всех этапов экзаменов указывают на то, что они были также и достойными конфуцианцами. Все образованные люди в Китае имели право выбрать для себя самые понравившиеся им элементы этих трех направлений.

Принято полагать, что на этом последнем испытании, придворном экзамене, тему сочинения задавал сам император, и было бы разумно избегать какой-либо критики текущего положения вещей в государстве. Но Юань, который был более амбициозным и дерзким, чем Бо, решил, что пришло время все изменить. После того, как он не без труда ответил на вопросы предыдущих экзаменов, он посчитал, что лучший способ получить высокую оценку — это бросить вызов, критикуя правительство. Он заявил, что Бо с ним согласен, все же остальные кандидаты посчитали его безумцем.

То, что сделал Юань, было весьма опасной стратегией. В предыдущем столетии, в 755 г., один из генералов, командующих северной армией, поднял и восстание. Звали его Ань Лушань. Восстание было настолько успешным, что за короткий промежуток времени были взяты обе столицы: западная и восточная — Сиань и Лоян, а император — свергнут. Через два года его убил собственный сын, власть династии Тан была восстановлена, но в самых отдаленных районах страны еще вспыхивали восстания. Полвека спустя император на экзамене спросил у кандидатов, что было причиной отклонения от изначальной политики династии и что бы кандидаты предложили для исправления положения.

Бо Цзюйи сделал то, что собирался, как и ожидал от него Юань, в своем ответе он подверг критике правительство, в частности, сделал акцент на высоких налогах, тяжком бремени населения, указал, что это является результатом ошибочных и несправедливых расчетов правительства. Но все его объяснения были обобщающими и подходили под понятия, описанные в учении Конфуция. У Юаня были похожие представления, однако он сделал акцент на несовершенстве

системы управления, важнейшей в государстве, но представил это так, что фактически невозможно было разглядеть в этом ошибку самого императора. Юань аргументировал свои слова тем, что слабые места в системе управления появляются из-за того, что император выбирает не тех людей в качестве высокопоставленных чиновников. Причина этого кроется в том, что на экзаменах основные вопросы касаются классической литературы, и таким образом у сыновей образованных аристократов появляется преимущество, так как им проще сдать экзамены в силу их воспитания. Экзамены должны быть открытыми для широкого круга людей, и ключевые посты в системе управления должны быть предоставлены тем, кто продемонстрирует умение решать практические вопросы, касающиеся повседневной жизни. Это был совет, фактически не имеющий отношения к вопросу, заданному на экзамене, и Юань дал бы этот ответ вне зависимости от того, какой вопрос был бы задан. И конечно, такой ответ должен был обидеть образованных господ, которые были выбраны экзаменаторами. Возможно, он надеялся привлечь к себе внимание самого императора, и это у него получилось. По итогам экзаменов Юань получил наивысшее количество баллов, Бо был на втором месте.

Бо Цзюйи получил пост в аппарате управления провинции, Юань — при дворе, отныне в его обязанности входило находить изъяны в политике управления и подвергать их критике. И если бы императору нравились критические предложения Юаня, то вскоре он получил бы гораздо более высокую должность и рассматривал бы более трудные проблемы. Приступив к своим обязанностям, Юань разработал план «десять пунктов возрождения династии». Несколько пунктов касались административных перемен, но в нем также говорилось о том, что император должен принимать меньше подарков, проводить меньше времени на охоте и уменьшить количество наложниц в гареме. Юань был вызван к императору для объяснения и вскоре очутился в тюрьме. Через несколько недель его отпустили, отстранили от должности и выслали в восточную столицу, где он получил всего лишь незначительную должность.

Через несколько дней после освобождения Юаня скончалась его мать, это событие заставило его устраниваться от участия в политической жизни государства, поскольку конфуцианский траурный обряд оплакивания усопших родителей длится два-три года. Государственный

служащий получал жалование на протяжении всего времени отсутствия на своем посту, что является все же довольно приятной компенсацией даже для того, кто отсутствует по причине столь тягостных событий. Обычно простой служащий прерывал свою трудовую деятельность дважды в жизни — по нынешним меркам это явно было выгодно. Хотя, естественно, существовали жестокие правила: они не имели права просто отдыхать и даже заниматься любовью со своей женой в течение первого года траура.

Тем временем Бо Цзюйи уверенно продвигался по служебной лестнице. В 807 г. в возрасте тридцати пяти лет он стал доктором академии Ханьлинъ, где отвечал за составление императорских указов (во время исполнения своих обязанностей он пять раз сдавал экзамены, они фактически определяли образ жизни кандидата). Теперь он стал достаточно известным, чтобы император распорядился написать его портрет и вывесить в зале, где были собраны портреты уважаемых людей страны.

По возвращении к трудовой деятельности после длительного траура, Юаню предоставили, возможно, по ошибке, другую должность, теперь он должен был докладывать о несоблюдении законов другими чиновниками. Цензура играла огромную и важную роль в истории Китая: чиновники следили за собственными же сотрудниками и составляли, на основе полученных сведений, отчеты: как только Юань получил эту должность, поток гневных реляций полился из-под его кисти. И снова он превзошел себя, когда попытался сместить управляющего восточной столицей. Но в суд в Сиани вызвали не управляющего, а самого Юаня. Но дороге в Сиань он ввязался в драку с евнухом императорского гарема из-за свободных апартаментов во дворце. В результате его выбросили на улицу и в полном изнеможении он вынужден был искать приюта у матери Бо, она привела в порядок его одежду и подлечила снадобьями. Через несколько дней его отправили в маленький провинциальный городок Китая для работы на абсолютно незначительном посту, что в то время расценивалось как изгнание.

На протяжении следующих пяти лет дружба поддерживалась перепиской — весьма необычное положение вещей для того времени. В то время официальную почту развозили курьеры, которые иногда брались передавать и частные письма. Но что касается весьма

отдаленных мест, то туда письма передавались с оказией: человек, взявшийся передать письма, достигнув места назначения, передавал их дальше по цепочке, и так до тех пор, пока письма не доходили до адресатов. Иногда этот процесс занимал целый год.

Поэзия была главной темой и основным содержанием писем Юаня и Бо. Как и в Англии времен Елизаветы, умение писать рифмованные строки была не только признаком поэтического дарования, но обязательным критерием оценки того, кто претендовал на звание человека образованного (сохранилось около 50000 стихов, написанных 2300 поэтами во времена династии Тан). Любимым занятием во время пирушек была игра, которая заключалась в «поочередном» рифмовании: каждый участник игры должен был продолжить рифмованную строку, придуманную предыдущим игроком. Другим ничего не оставалось, как играть в нее на расстоянии. Юань, находясь, в ссылке, отправлял самые дерзкие, какие только мог придумать, стихи, а Бо должен был их продолжить. Импровизация — одна из важнейших особенностей поэзии. Однажды, еще в предыдущем веке, известие о некоем ребенке-вундеркинде дошло до императорского двора, и императрица У (Цзэтань), единственная женщина-императрица в истории Китая, распорядилась привезти ребенка во дворец. Когда семилетнюю девочку привели к ней, императрица велела ей сочинить стих на тему «прощания с братьями». Результат был похвальным:

*Из шатра разлуки ветер уносит листья.
На пути к прощанью внезапно опустились тучи.
Ах! Как жаль, что люди не похожи на диких гусей,
Которые повсюду следуют друг за другом¹³.*

Эти стихи подходят под описание короткой встречи Бо и Юаня в 815 г. С несколькими друзьями они поехали на юг Сиани на пикник, а на пути домой всю дорогу импровизировали, придумывая красивейшие стихи, соревнуясь друг с другом в их написании. Остальные члены компании, как позже скажет Бо, не могли вставить ни слова», — что вполне объяснимо при таких спутниках.

В то время поэзия получила широкое распространение как географически, так и среди различных слоев общества. Когда в 817 г. Юань приехал в очередную провинцию на новое место ссылки

(казалось, он зарекомендовал себя как слишком опасный для общества элемент, чтобы находиться где бы то ни было вблизи столицы), он увидел на стене свиток со стихотворением, написанным, как он определил, Бо Цзюйи. Он переписал его и послал своему другу по почте. Оказалось, что это стихотворение Бо Цзюйи написал пятнадцать лет тому назад после сдачи самого первого экзамена и подарил его куртизанке. Бо любил рассказывать, что одна из таких девушек брала большие деньги с клиентов, так как в список ее услуг входило прочтение одного из самых длинных его, Бо, стихотворений; говаривали, что в чайных домах часто расплачивались стихами Бо и Юаня вместо денег.

За передвижением чиновников по стране пристально наблюдали специально уполномоченные для этого люди. Как и современные дипломаты, они ехали туда, куда их пошлет император, а служащим государственного правления не разрешалось удаляться от Сиани дальше, чем на девять миль, без разрешения императора. После первых лет беззаботной службы в дворцовой библиотеке, Бо и Юань виделись крайне редко. В 819 г. им обоим были предложены новые места службы, и одновременно, по какому-то чудесному стечению обстоятельств, их лодочные пути пересеклись. Юань развернул свою лодку в обратном направлении и некоторое время сопровождал Бо вверх по реке, но когда уже казалось, что он отклонился от своего курса достаточно далеко, они снова развернули свои лодки, на этот раз Бо сопровождал Юаня в плавании вниз по реке. Так они провели вместе несколько чудесных дней, а лучшим воспоминанием стал пикник при луне возле странной расселины, из которой низвергался водопад, там на камнях они записали стих. И, наконец, обменявшись подарками в виде стихов, друзья поплыли каждый своей дорогой.

Два года спустя они снова встретились в Сиани но теперь, наконец-то, к власти пришел новый император, который назначил Юаня чиновником, чего тот так долго ждал, и поэтому у него не было времени на безделье. Его даже назначили главным советником, но он, как обычно, стремясь как можно быстрее воплотить свои планы в жизнь, пренебрегал всеми традиционными процедурами, в результате чего его вскоре понизили в должности, на этот раз он стал провинциальным губернатором.

В 823 г. Юань нанес Бо трехдневный визит. Бо к тому времени, почти сознательно избегавший высоких постов, прекрасно себя чувствовал в роли губернатора Ханчжоу одного из самых красивых городов Китая, расположенного в холмистой местности и окруженного дивной красоты озерами. Юань проезжал мимо и решил навестить друга. Толпы народа выстроились вдоль улиц, чтобы посмотреть на них. Их дружба, как писал Вэйли, «стала народным достоянием».

Им было суждено увидеться еще всего лишь раз, в 829 г. Дружья хорошо выпили, а когда пришло время прощаться, Юань со слезами на глазах протянул Бо два свитка с написанными стихами, в которых с грустью прощался с другом, будто предвидел, что эта встреча была последней. В одном из стихов он написал:

*Не брани меня за то, что я все еще здесь!
Я знаю, что пробыл здесь слишком долго;
Я долго пытался сказать «прощай!»,
но не смог найти подходящих слов.
Позволь мне не уходить,
ведь так мало осталось нас,
из нашей поседевшей компании;
Завтра, возможно, ты уже
не досчитаешься кого-то из нас¹⁴.*

Через два года Юань умер. Члены его семьи попросили Бо написать надгробную надпись и в знак благодарности подарили ему серебряное седло и нефритовый пояс Юаня — знаки отличия государственного чиновника. Бо подарил их от имени Юаня буддистскому монастырю.

Бо пережил своего младшего друга на пятнадцать лет. И этот последний период жизни он прожил в комфорте и умиротворении в восточной столице Китая Лояне, занимая «тепленькое местечко» младшего преподавателя при небольшом дворе принца крови. Когда он путешествовал, его переносили на самых удобных носилках, его сопровождали виночерпии и музыканты:

*Со мною слуги, способные в игре на трубе и струнных;
На лошадях за мной следуют хранители ковшей и кубков.*

*Вместе с весенним ветром, овевающим мне лицо,
Я повелеваю им остановиться и налить мне чашу вина¹⁵.*

Его сад был заполнен редкими цветами, предметами искусства, которые он привозил из разных районов страны, из тех мест, где в разное время занимал государственные посты. Там были и белые лотосы и лодка, доставленная из самого Сучжоу, украшенная головой дракона на корме, важно вышагивающие цапли и кусок скалы интересной формы, привезенный из Ханчжоу. Он содержал десяток танцоров и музыкантов, которые развлекали его, иногда они играли на маленьком островке на озере. У него были девушки-певицы, ведь к тому времени не только аристократы содержали небольшие гаремы в закрытой части домов. Ивовая Ветвь была его любимой наложницей, но даже она не могла сравниться с Персиковым Лепестком, которую он знал много лет назад. Когда у него собирались друзья, винные чаши без конца передавались по кругу, свитки со стихами доставались из ларцов. Ивовая Ветвь пела для них, музыканты играли его любимые мелодии, например отрывки из музыки к даосскому представлению «Радужные юбки и серьги из перьев», которое он когда-то видел во дворце. А иногда он сам брал в руки лютню и играл «Осенние думы», традиционную китайскую мелодию.

Семидесятилетие в государстве было официальным возрастом ухода на покой, соответствующим 68, 69 годам в пересчете на наш возраст, так как считалось, что в день рождения ребенку один год, и после праздника Нового года все китайцы становились на год старше, поэтому ребенок, рожденный в конце года мог достичь возраста двух лет будучи рожденным на свет всего несколько недель назад, и такие счастливики уходили на покой в возрасте шестидесяти восьми лет. Условия выхода на пенсию были невероятно великодушными. Бо оплачивали до ста дней по болезни, и половину жалованья он получал до конца жизни. Судя по стихам, сочиненным Бо в этот период, все указывало на то, что он получал огромное удовольствие от жизни, уйдя на покой:

*В правилах ухода на пенсию есть ли пункт,
по которому запрещается пение безумных песен*

*или кружение в пьяном танце?*¹⁶

Даже теперь он предавался наслаждениям неумеренно. Бедная Ивовая Ветвь была с большим сожалением отпущена.

Бо серьезно относился к своей посмертной славе. В 835 г. он закончил работу над полным собранием своих сочинений, которое было представлено в виде шестидесяти свитков, и перевез их в буддийскую библиотеку при Монастыре западного леса в Лушань. Он настоятельно потребовал, чтобы никто не имел доступа к свиткам без согласия на то монахов, и ни один из свитков никогда не был вынесен за пределы монастыря. Немного позже он передал полное собрание своих сочинений еще двум буддистским библиотекам, а в последний год жизни добавил к последнему экземпляру следующее послесловие:

Полное собрание моих произведений состоит из семидесяти пяти глав, в которых собрано 3840 произведений, длинных и коротких, в прозе и стихах. Один экземпляр хранится в Монастыре западного леса в Лушане, второй в библиотеке монастыря Наньчань в Сучжоу, третий в Хранилище монашеских уставов во внутреннем дворе Пагоды чаши для подаянии в монастыре Шэншань Лояне, один находится в распоряжении моего племянника Черепахи, а четвертый у моего внука Тань Гэтуна — это те, кто поклялся хранить переданные мною произведения в своем доме и передавать как семейную реликвию своим наследникам. Все иные труды, которые мне приписываются, но отсутствуют в собрании сочинений, не являются подлинными¹⁷.

Его выбор именно буддистских монастырем для хранения рукописей был не очень удачным. Ненависть правительства к буддистам росла, в 845 это вылилось в осквернение монастырей, а произведения искусства, хранившиеся там, были разграблены. Бо прожил достаточно долго и за всеми переменами следил с широко открытыми от ужаса глазами. Он умер в возрасте семидесяти четырех лет в 846 г. По его скрупулезное редактирование работ себя оправдало:

его сочинения сохранились именно в том виде, в каком он и хотел их видеть.

Разногласия между даосизмом и буддизмом обострились особенно, когда пришлая религия стала более влиятельной, чем собственно китайская. В эпоху Северных и Южных династий (420—589) в маленьких царствах возникали стычки на религиозной почве: в 446 г. даосы в сговоре с конфуцианцами настоятельно требовали от императора У в Северной Вэй издать указ об уничтожении буддистских храмов, картин, манускриптов и казни монахов. В следующем столетии политика изменилась: император У, основатель династии Лян на юге, принял буддизм и в 517 г. приказал уничтожить все даосские храмы. В 574 г. император династии Северная Чжоу (в это время каждый правитель маленького царства называл себя императором), которого также звали У, хоть и преследовал буддистов, но, к удивлению советников, запретил даосам использовать их храмы. И наконец в 845 г. началось самое масштабное наступление на буддизм, организованное даосами и конфуцианами: было уничтожено 4000 монастырей и еще в десять раз больше храмов и гробниц; более четверти миллиона монахов и монахинь обязали вернуться к мирской жизни, огромное количество плодородных земель перешло к государству. Удивительным было то, что и на этот раз их гонителем стал другой император У.

Прежде чем рассмотреть, как гонения на буддистов отражались на каждом отдельном монахе, попавшем в водоворот истории, следует отклониться от темы, обратив внимание на императоров разных династий, которых звали У. Именно из-за этой путаницы с именами в западной исторической науке можно найти так мало образов китайских императоров того времени, которые представляли бы из документов как яркие индивидуальности (возможно, это произошло еще и потому, что никто из них не внес особого вклада в историю своего времени, ведь чиновники-историки не интересовались причудами характеров своих правителей). У — это имя клана, означающее «военный». Единственной женщиной-императрицей, в чьих руках сосредоточилась вся власть в государстве, была императрица У, потому что она родилась в клане У. Могущественный император, правитель династии Хань, который во II в. до н. э. расширил границы своей империи, выбрал себе имя У-ди, «Воинственный император», как отображение своих амбиций. Ничего нет странного в том, что императорское имя У было

столь распространенным; например, в европейской истории мы насчитываем, по крайней мере, восемнадцать королей с именем Людовик. Единственной сложностью в китайской истории, по сравнению с европейской, является то, что китайцы наотрез отказывались от уродливой привычки нумеровать правителей с одинаковыми именами. Для нас является нормальным встретить на страницах книги имя Людовика XVIII, но если бы мы наткнулись на что-нибудь подобное в другой культуре, то обязательно отметили бы это как отсутствие фантазии, что-то типично бюрократическое, особенно если лишить римские цифры их фальшиво светского подтекста. Китайцы, как никакой другой народ, получают удовольствие от произнесения имен, поэтому они конкретизируют, расцвечивают имя правителя, а не нумеруют. Так император У-ди, живший во II в. до н. э. — Хань У-ди, то есть «Воинственный император династии Хань», он также известен как Сяо У-ди «Младший Воинственный император». Точно также император, который устроил расправу над буддистам в 845 г., официально именовался Тан У-цзун, «Воинственный первопредок династии Тан». Такие уточнения, конечно же, помогают разобраться кто есть кто, но для обыкновенного читателя, не специалиста в области китайской истории, подобные уточнения в именах только запутывают и сбивают с толку.

Одним из самых известных первых путешественников в Китай был Эннин, буддистский монах, который приплыл в Китай в 838 г. и успел лицезреть рассвет китайского буддизма, но стал и очевидцем преследований буддистов в 845 г. Он был в составе посольства Японии, прибывшего в Китай. Их прибытие было не самым приятным, так как корабли разбились о скалы в устье реки Янцзы, правда, это было нормальным явлением для того уровня японского кораблестроения, на котором оно находилось в те времена. После этого инцидента японское посольство пересело на более приспособленные для плавания по реке лодки, сделанные китайцами, на которых оно и продолжило свой путь вверх по Великому каналу. Монах описал в дневнике некоторые детали этого пути: деревни, постоянные дворы, дома чая или иные, расположенные на берегах реки, посадки бамбука, огромные стаи белых уток и гусей, невероятное количество торговцев, плывущих вверх и вниз по течению. Единственное, что приносило неудобство, так это москиты, которые жалили так, словно кололи иглами. Японцы

мирно плыли реке на сорока лодках, соединенных канатами попарно или по три, привязанных к друг другу буксирными тросами. Удивительно то, что всю флотилию тянули всего два буйвола. В те времена все еще помнили торжественную процессию императора, который впервые проплыл на своем корабле по этим водам двумя столетиями ранее. Эннин пишет: «Канал двадцати футов в ширину, он прямой, без рукавов. Он был вырыт по приказу императора Ян-ди династии Суй»¹⁸.

Эннин прибыл в Китай, чтобы познакомиться с системой правосудия, разыскать буддистские манускрипты и увезти их в Японию. Для этой цели ему пришлось задержаться в Китае, остальные же члены посольства вернулись на родину. Сначала это задание казалось невыполнимым из-за многих преград которые чинили чиновники прибрежных районов. Но, попав во внутреннюю часть страны, он отметил, что может путешествовать, где захочет, и был встречен с большим радушием. Не проходило и дня, чтобы в каком-нибудь монастыре ему не предоставили жилье, еду и развлечения. Везде встречались чиновники которые проявляли интерес к религии, хотели пообщаться с монахом Эннином, получить знания, понять различия в их религиях.

В 840 г. Эннин отправился в паломничество на У-тай, что в горах на северо-востоке от Сиани. Священное место представляло из себя пять высокий холмов с закругленными вершинами, которые, как писал Эннин, «выглядели как перевернутые чаши». На каждом холме были построены террасы с бассейнами, пагодами и храмами, и счастливый Эннин гулял с другими паломниками по поросшим деревьями ущельям, в которых звенели водопады, и в это время года цвели горные цветы. Среди всех буддистов только китайцы люблены в горы и горные пейзажи — такое отношение досталось им еще от даосов. Здесь паломники легко находили себе ночлег, здесь Эннин обнаружил и место пребывания своего предшественника, который прошел тем же путем, что и он. Японский монах Рэйсэн проделал это путешествие за двадцать или тридцать лет до него и подарил Монастырю золотой террасы необычный сувенир — изображение Будды, нарисованное на полоске кожи, срезанной с собственной руки. Оно было помещено в позолоченную бронзовую пагоду, и местные монахи специально для Эннина открыли ее и предоставили ему для изучения. Изображение

было выполнено на кусочке кожи размером четыре дюйма в длину и три в ширину.

Когда монах был на У-тай, туда прибыла делегация с богатыми императорскими дарами по случаю дня рождения императора: едой, одеждой и вином. А для всех монахов была организована праздничная трапеза. Эннину это послужило доказательством доброго расположения официальной властей к буддизму. А через три недели он отправился в путешествие на юго-запад страны с целью попасть к императору.

На самом же деле день рождения, который праздновался на У-тай, был днем рождения императора У, к тому времени правившего страной всего год, и подобное расположение его и внимание были ничем иным, как простой данью устоявшимся традициям. Через год, пребывая уже в Сиани, Эннин записал в своем дневнике об изменении отношения к буддистам. Они все еще приглашались на праздник по случаю дня рождения императора, но все внимание уже было обращено на даосов. Через несколько месяцев император приказал закрыть все буддийские монастыри, а монахов и монахинь, которые практиковали магию, нарушали обет целомудрия или совершали какие-то другие грехи, изгнать. В принципе, это не было абсолютно бессмысленным указом, но это было пусть и скромное, но многозначительное предупреждение о начале гонений.

К 844 г. Эннин сделал запись в своем дневнике, что император находится под таким сильным влиянием даосов, что, будучи в преклонном возрасте делает все, что бы они ни посоветовали, особенно, что касается поиска «эликсира бессмертия». Он построил для них огромные Палаты бессмертных на территории дворца, а даосские наставники поспешили пообещать, что он «поднимется до девятого неба, пребывая в бессмертии, благословляя народ, а они будут молиться о долгой жизни императора»¹⁹. Самому же императору советовали принимать «эликсир бессмертия», снадобье, в состав которого «входило десять фунтов сливовой кожицы, десять фунтов пушка персика, десять фунтов лапчатых перепонки живых кур, десять фунтов черепахового волоса и кроличьих рогов»²⁰. Эннин с удовольствием и некоторой иронией записал все эти странные ингредиенты в своем дневнике. Не без удовольствия он пишет о том, что, несмотря на избиения и наказания торговцев, невозможно было найти эти составляющие на рынке.

Но нельзя обвинять императора в том, что он по совету даосов отвергал буддизм. По мнению китайцев, существовало еще несколько причин, по которым любая иностранная религия считалась достаточно подозрительной. С экономической точки зрения было неразумно, что огромные площади передавались во владение монастырей в качестве подарков от людей религиозных, ведь территории, на которых жили монахи, не приносили никакой прибыли государству, поскольку монахи были освобождены от трудовой и военной повинности и даже от уплаты налогов. Более того, монахи считали себя святыми и ставили себя на ступень выше богатых администраторов-чиновников — такое отношение берет свое начало в буддистской религии Индии, где даже самый бедный священник-брахман считался принадлежащим к высшей касте, нежели всеми уважаемый махараджа, однако это не привилось в Китае. И, возможно, самым худшим в поведении буддистов было то, что они нарушали конфуцианские каноны: считалось, что они не обладают сыновней почтительностью не только потому, что они брили головы, проявляя тем самым неуважение к самому дорогому дару своих отцов — собственному телу, но и вследствие обета безбрачия. Парадокс, заключающийся в том, что в конфуцианстве грехом было сохранять безбрачие, хотя и трудно понять, однако здесь все логически обосновано, если посмотреть сквозь призму конфуцианской идеологии. Только через сына и сыновей сына можно выполнить главный долг перед своим отцом — продолжить поклонение духам умерших предков. Была еще одна менее логичная причина неприязни конфуцианцев к буддистам — обычно евнухи принимали буддизм. И как раз гонение на буддистов в 845 г. не без причин связывают с исконной враждой между этими двумя группами, евнухами-буддистами и государственными чиновниками-конфуцианцами.

Друг Бо Цзюйи, которого звали Хань Юй, в летописи о царской власти описал несколько ключевых моментов, свидетельствующих против буддизма, двадцатью пятью годами ранее, в 819 г. Его целью было восстановить чистоту рационального конфуцианства, не запятнанного предрассудками буддизма и даосизма, в чем он и преуспел, правда, несколько опередив свое время, потому что эта концепция стала популярной только в период правления следующей династии, Сун (960—1279), и получила название неоконфуцианство. В своем труде он протестовал против ежегодного действа, когда фаланга

пальца, предположительно принадлежащего Будде, проносилась по улицам в сопровождении толпы празднично одетых людей, затем процессия направлялась во дворец, чтобы к реликвии приложился император. Но так как император, при котором писал Хань Юй, был расположен к буддизму, бедный реформатор вскоре был отправлен в ссылку, хотя его труд позднее стал считаться классическим. Вот что он писал:

Будда был варваром, который не говорил на китайском языке и носил одежду другого стиля. Его высказывания никак не соотносились с принципами наших древних царей, так же как и стиль его одежды не согласовывался с нашими законами. Он не понимал ни долга, что связывает правителя и подданного, ни сыновней почтительности, что связывает отца и сына. Если бы он дожил до сих пор и прибыл бы ко двору по велению правителя, Его Величество, возможно, и согласился бы его принять, но после единственной аудиенции в зале Сюаньчжэн, пира во дворце по случаю приема гостей, демонстрации одного комплекта его одеяния, его бы под стражей проводили до границ страны и изгнали бы за ее пределы, запретив обманывать народ. Как же сегодня, когда он давно мертв, сгнившие кости его, нечистые останки могут законно приноситься во дворец?²¹

Четверть века спустя императору У даже не понадобились подобные красноречивые высказывания в собственное оправдание, и с 844 г. указы о запрете буддизма пошли сплошным потоком. Для начала были уничтожены небольшие храмы и гробницы, а все монахи и монахини, не записанные в официальных учетных книгах, были лишены духовного сана. Далее все монахи и монахини в возрасте до сорока лет были принуждены вернуться к мирской жизни не найдя работы и не имея более веской причины для сбора милостыни, как пишет Эннин в свое дневнике, большинство из них ступило на преступный путь. Вскоре этот возраст увеличился до пятидесяти лет и те, кому было за пятьдесят, при малейшей ошибке в поведении лишались духовного сана. Наконец, в 846 г. был издан декрет, который предписывал разрушить все буддистские храмы, кроме одного на

территории каждой административной единицы и четырех в каждой из двух столиц. Все драгоценные металлы были содраны со статуй и переданы в государственную казну. «Они ободрали золото с изображений Будды, разбили бронзовые и железные статуи Будды, взвесили все металлы», — пишет Эннин, добавляя: «Как жаль! Как можно ограничивать число бронзовых, железных и золотых Будд в стране?»²². Это действительно было одной из проблем.

Иностранные монахи были депортированы. Для Эннина это была одновременно и плохая новость и хорошая, он сам писал: «Было и грустно, и весело». За последние четыре года он написал уже около сотни прошений с просьбой разрешить ему отправиться домой, но безуспешно. Все это не помогло реализации его желания. Множество сочувственных записей с пожеланием удачи приходило от его мирских друзей. Перед долгожданным отъездом домой поднялась огромная суматоха с укладкой драгоценных его манускриптов и завершением всех неоконченных дел. Впервые за много лет он надел мирскую одежду, кто-то принес ему фетровую шляпу, чтобы скрыть его обриту голову. Даже высокопоставленные чиновники присылали ему прощальные подарки. Два рулона шелка, огромное количество чая, два мешка денег. В каждом по тысяче монет, прибыли от главного министра местного военного ведомства. Но цензор Ли превзошел всех. Он приехал проститься лично, и его дарами были: десять рулонов парчи, две коробочки с изображением святых, сосуд с благовониями, свиток «Алмазной сутры», написанный серебром (ее Эннин по приезде домой подарил японскому императору в Киото), две фетровые шляпы, пара башмаков и еще два мешочка монет. Цензор настоял на том, чтоб проводить Эннина до Сиани, и они проболтали всю ночь, укрывшись в деревенском амбаре. В конце концов и ему пришлось распрощаться с Энниным:

Ты встретился с трудностями в лице нашего повелителя и теперь направляешься в родной край. Твой верный ученик сомневается, что встретит тебя еще раз в этой жизни, однако в будущем, в раю Будд, я снова буду твоим учеником, как и сейчас. Когда ты попадешь под покровительство Будды, пожалуйста, не забудь своего ученика²³.

Он попросил Эннина отдать ему свое одеяние и шарф, дабы он мог дома воскурить благовония перед ними.

Трудности преследовали монаха на протяжении всего пути. Чиновники, борясь с небольшой партией пришлых монахов за большинство в правительстве, не позволили им свободно перемещаться по стране, прогнали их к береговой линии, и Эннин решил, что разумнее всего будет спрятать где-нибудь свои манускрипты и путешествовать без них. Со всех сторон ему оказывали помощь.

Последняя удача Эннина заключалась в том, что в 846 г., тогда Эннин еще не нашел корабля, внезапно умер император (вероятнее всего, результат от принятия даосского зелья, предназначенного для продления жизни, получился противоположным, что немудрено, так как двумя самыми любимыми ингредиентами даосов были мышьяк и ртуть). Следующий император изменил политику, открыл множество монастырей и казнил дюжину даосских советников, которые имели такое влияние на его предшественника. Эннин смог спасти свои манускрипты, которые и были истинной причиной его визита в Китай, и на конец в 847 г. он отплыл домой, чтобы насладиться оставшимися ему 16 годами жизни в качестве высокопочтимого патриарха японского буддизма.

В Китае же эта религия никогда более не обрела своей былой славы, однако и не исчезла совсем. Поддержка простыми китайцами Эннина в смутные времена показала, что буддизм был еще слишком популярен в народе, чтобы его можно было ограничить приказами свыше. Он стал одной из важнейших составляющих китайского мировоззрения, хотя всего лишь одной из многих. Даже в коммунистическом Китае существовала официальная буддистская церковь, которая к 1960-м годам объединяла 100 миллионов мирян и около 500 000 монахов. Некий социолог, посетив деревню на юго-западе Китая примерно в 1940-х годах нашел среди фамильных дощечек в маленькой гробнице (которые к тому времени имели даже самые бедные семьи) картинку, где были вместе изображены Конфуций, Будда, Лао-цзы и Сунь Ятсен, отец-основатель Китайской Республики. Метод китайских историков до недавнего времени заключался в том, чтобы, сохраняя факты о том, что было в прошлом, а всех культурных явлениях и достижениях, так толковать их, чтобы это толкование удовлетворяло требованиям существующей идеологии.

Как должны были измениться традиции в последние годы правления династии Тан, что факт иноземного происхождения буддизма стал основным обвинительным аргументом против него? В первый век правления династии Тан Китай был наиболее открытым для международного общения за всю свою историю, за исключением короткого периода в начале нашего века. Сиань с населением в два миллиона человек вне стен города и в миллион внутри стен города был самой большой столицей в мире. Иностранные торговцы и послы стремились туда, и их иноземные одеяния воспроизводились с большим тщанием в керамических статуэтках. Персидские правители династии Сасанидов искали здесь убежища, когда потеряли свой трон в 650 г. Что интересно, статуэтки династии Тан были найдены на территории Египта. 751 г. принес серьезные перемены. Армии династии Тан продвинулись в Центральную Азию дальше, чем в свое время армии Хань, однако здесь, на реке Талас, на востоке от Ташкента, они были разбиты новым народом, еще более безжалостным, чем самые жестокие кочевники. Их разбили арабы, которые распространяли ислам за пределы своих земель. Их успех был ошеломляющим. Именно арабы изгнали Сасанидов из Персии через 20 лет после смерти Пророка. Они двинулись в Испанию в 711 г. и вскоре дошли до Франции, до Пуатье, что всего в 180 милях от Парижа. Всего несколько лет спустя, после того, как они разбили китайцев на северо-западе, они двинулись на Китай с юго-востока. В 758 г. они пришли, чтобы сжечь и разграбить Кантон. Через семь лет после этих двух катастроф вспыхнуло восстание молодого генерала Ань Лушаня, который сам был из варваров и которым временно вытеснил правителей династии Тан из обеих столиц. Неудивительно, что после череды подобных катастроф, Китай прекратил борьбу.

Восстание Ань Лушаня, вспыхнувшее в середине правления династии Тан, в какой-то степени подорвало ее силы, так же как захват власти Ван Маном подорвал в свое время силы династии Хань. В обоих случаях династия восстановила свой статус через некоторое время, но второй период правления уже ни в том, ни в другом случае не достиг былой славы первого. Именно в период своего расцвета, в конце VII — начале VIII вв., при династии Тан наблюдалось максимальное развитие экономики, искусства и военного дела.

Был еще один аспект китайской культуры, менее значительный, который при династии Тан также достиг пика развития — если можно так выразиться. Книги о сексе были давно известны в Китае. Среди названий восьми таких книг, внесенных в библиографию ханьской императорской библиотеки, были «Шесть руководств любовных утех мастера Жунцзина», или «Рецепты пестования потенции Желтого императора и трех государей». Ни одна из этих книг не сохранилась, однако сохранились книги, написанные в период династии Суй, предшественницы династии Тан, и эти руководства стали популярны в период династии Тан. В книгах были приведены рисунки различных поз, существовал обычай давать подобную книгу в приданое дочери (подобная традиция существовала в Японии вплоть до XIX века). Пара хранила книгу в своей постели, постель была огромной, с ивовыми перегородками и занавесками — практически небольшая кабинка. Но нормальными атрибутами считалась подставка для туалетных принадлежностей, зеркало, каркас, на который вешали одежду, и иногда бронзовое кадило для окуривания одеял. Поэтому там было достаточно места как для теории, так и для практики. Рекомендуемые позы варьировались от самых обычных до невероятных, но они не вызывали отторжения так как отличавшиеся природной любовью красивым именам и названиям китайцы именовали их поэтически. Так невесту посвящали в тонкости «порхающих бабочек», «феникса, резвящегося в алом ущелье», «погони за девятым днем осени». Даже сам процесс был опоэтизирован. Супругу предлагалось все время изменять ритм: медленный удар должен походить на движение карпа попавшегося на крючок; быстрый удар должен напоминать полет птицы против ветра»²⁴.

Был только один аспект, который мог вызвать у супруги недовольство. Многие из этих ритуалов были тесно связаны с практикой даосизма, где секс играл центральную роль, и это означает, что большинство практик было направлено на продление жизни. Считалось, что сексуальные отношения укрепляли мужскую силу — *ян* супруга усиливался в тесном контакте с *инь*, — но исключительно важно было избегать потерисемени. В качестве решения проблемы указывали на необходимость строжайшего самоконтроля в последний момент соития, когда мудрый любовник «закрывает глаза и концентрирует мысли, надавливает языком на небо,

выгибает спину и вытягивает шею, раздувает ноздри и распрямляет плечи, закрывает глаза и глубоко вдыхает». Это подразумевает, что партнерша остается неудовлетворенной, но даже если и выполнять эти наставления до последней буквы, способ окажется эффективным только в семи случаях из десяти. Для любовника, который не способен на подобный самоконтроль этот процесс будет еще менее интересным: как только он ощутит приближение оргазма, он «должен быстро и сильно указательным и средним пальцами левой руки нажать на точку между задним проходом и мошонкой одновременно глубоко вдыхая и скрежеща зубами. Вероятно, мудрые жены должны были прятать от мужей эту книгу.

Династия Тан прекратила свое существование в 907 г. Затем последовал еще один период хаоса, который разделял наиболее стабильные и четко определенные общенациональные династии. В данном случае этот промежуток времени продолжался около пятидесяти трех лет. Показателем уровня политических беспорядков, сопровождавших жизнь как минимум одного поколения, является то, что в эти пол века на севере существовали пять сменявших одна другую династий и десять отдельных царств на юге. Стабильность вернулась лишь в 960 г. с установлением династии Сун — первой династией, базой которой стал юг с новой столицей в городе Кайфэн. Именно при сунской династии система бесклассовой бюрократии достигла своей наиболее развитой формы. Господство ученых над наследственной аристократией началось с восстановления системы экзаменов при императорах династий Суй и Тан, однако в танский период в этой системе оставались бреши в особенности это касается так называемой «протекции», с помощью которой обладающие властью могли обходить экзамены, устраивая своих сыновей, а иногда и людей, не имеющих с ними никаких родственных связей, на важные посты. При династии Сун «протекция» еще не была полностью отменена, однако в это время подавляющее большинство высших должностей все же предназначалось для тех, кто проявил свои таланты на экзаменах, или для тех, чьи имена часто звучали на рассмотрении результатов экзаменов. Говорят, что в первый век правления династии Сун без высшей ученой степени невозможно было стать цензором или советником, то есть занять должности в единственных департаментах ниже министерского уровня, находясь на которых можно было влиять на принятие важных государственных решений. Ученые наконец сыграли свою роль в культурном наследии Китая. Начиная с династии

Сун они способствовали установлению непревзойденной и не имеющей аналогов в истории Китая внутренней стабильности (нечего и говорить о том, что это их личная высокая заслуга), даже несмотря на то, что в некоторые последующие периоды она ослабевала.

Основатель династии Сун сознательно следовал принципу отбора чиновников на основе личной одаренности. Династия Тан в последние годы своего правления двигалась к экономическому и административному коллапсу до тех пор, пока не была полностью истощена мощными крестьянскими восстаниями на севере. Как и в других подобных случаях, от этого остались в выигрыше только подавлявшие восстания генералы. Пять генералов попеременно удерживали трон в течение нестабильного пятидесятилетия, известного в истории как эпоха Пяти династий. Шестой генерал стал основателем династии Сун. Он обезопасил свою династию, гарантируя, что в этом ряду амбициозных генералов не будет седьмого. Он сознательно сломил власть остальных себе подобных, переместив лучшие воинские части в центр, под свое собственное начало, и отправив потенциальных противников в пограничные районы с более слабыми частями армии. Такая политика в кратчайшее время укрепила власть императора, однако причинила ей вред в целом, и император был принужден в большей мере полагаться на экзаменационную систему, с тем чтобы ограничить исходившую от наследственной аристократии опасность. Брат императора, наследовавший трон основателя династии, очень образно выразился об экзаменационной системе: «Нас волнует, что сердца, облаченные в грубые материи, имеют качества нефрита, но остаются незамеченными»¹.

Экзамены были чрезвычайно волнующим событием. Кандидатам было необходимо подняться посреди ночи, чтобы с рассветом предстать перед комиссией. Они брали с собой еду, чтоб подкрепить силы во время этого тяжелого испытания: холодный рис и лепешки как раз подходили для этого случая. Об опоздании не могло быть и речи, поскольку во время экзаменов двери запирались на засов, а в период более поздних династий даже опечатывались. Каждый претендент сидел в отдельном маленьком отсеке, отгороженный от кого бы то ни было не только тремя стенами, но и покатою крышей над головой. Экзаменационные залы с рядами этих маленьких

секций сохранялись вплоть до конца XIX в. и вызывали удивление западных туристов.

Такая предусмотрительность, вызванная необходимостью предотвратить возможность списывания и получения преимущества по сравнению с другими кандидатами в ходе экзаменов, была широко распространенным явлением, являясь составной частью китайской традиции. Во времена династии Хань существовал своеобразный метод, не позволявший кандидатам выбрать именно тот вопрос, который они лучше всего знали. Каждый должен был пустить стрелу в таблицу с вопросами и дать ответ на вопрос, который ему удалось «прострелить». Это был вполне подходящий способ, так как Конфуций призывал заниматься стрельбой из лука, считавшим одним из искусств, которым должен владеть благородный муж. Во время правления династии Тан на имя кандидата, написанное в его бумагах с ответами на экзаменационные вопросы, перед проверкой накладывали лист чистой бумаги; при сунской династии мера предосторожности получила дальнейшее развитие. Во избежание определения имени по почерку было создано специальное Бюро экзаменационных переписчиков, в котором переписывались все экзаменационные ответы. Даже экзаменаторы подвергались строгому контролю. Подобно папскому анклаву экзаменаторы запирались (иногда на неделю, им запрещалось общаться с внешним миром до тех пор, пока не будет достигнуто согласие в оценке последнего письменного ответа. Экзаменаторы тоже подвергались своего рода испытанию, так как их собственные достоинства оценивались в зависимости от того, насколько успешной будет карьера тех, кого они сочли прошедшими экзамены с высокими оценками. Таким образом, возникала определенная связь между экзаменатором и наиболее успешно сдававшими экзамен кандидатами; в интересах самого экзаменатора было содействовать карьере своего бывшего кандидата. В дальнейшем занявший высокий пост экзаменатор мог рассчитывать на серию благодарственных стихотворений от лучших кандидатов в знак бесконечного уважения.

Очень важным фактором было то, что любой кандидат в случае провала на экзаменах мог, не потеряв при этом лица, бесконечное множество раз снова пытаться сдать их. Бывали случаи, когда кандидат сдавал экзамены на пятнадцатый раз, известны семидесятилетние

кандидаты, иногда оказывалось, что деды и внуки вместе писали ответы на экзаменационные вопросы. Успешно сданные экзамены были не только стартом для карьерного роста, прошедшие это испытание получали определенный статус в обществе. Даже на обыденном уровне это означало, что сдавший экзамены может носить несколько иную одежду, что напоминает отличия в школьной форме. Среди представителей богатых семей попадались люди не амбициозные, которые после сдачи экзаменов вполне могли возвратиться к спокойной жизни в своих владениях и вести жизнь, что напоминает концепцию должной жизни английского джентльмена XVIII в.

Ни одно общество не было обществом равных возможностей, поскольку практически невозможно избавиться от преимуществ и недостатков социального происхождения. Правители династии Сун пошли даже дальше, чем кажется с первого взгляда (они сделали это за несколько десятилетий до завоевания Англии норманнами). Экзаменационные работы хранились в течение двух лет. Удачно сдавшие экзамены были людьми разного материального достатка, часто происходили из семей, которые на протяжении трех столетий не имели никакого отношения к чиновничьей элите. Невероятно, как теперь зависели высокопоставленные чиновники от совершенствования в интеллектуальном плане. Во время правления Ранней Сун практически все поэты и писатели занимали самые высокие административные посты, за исключением двух или трех. Это сочетание человека творческого и политического деятеля в одном лице было фактически невозможным на Западе. Например, в Ханчжоу две большие дамбы на озере были названы именами великих поэтов Бо Цзюйи, творившего во времена правления династии Тан, и Су Дунпо, жившего во времена династии Сун. Вполне нормальная ситуация, ведь мы тоже называем улицы или административные комплексы именами великих поэтов и писателей. Например, канал Мильтона и дамбу Александра Попа. Но есть одно ключевое различие: вышеупомянутые дамбы были названы в честь поэтов потому, что те несли ответственность за их возведение или совершенствование, так как занимали высокие посты в той местности.

Су Дунпо мы можем рассматривать как личность, характерную для династии Сун, так же как Бо Цзюйи для династии Тан. Су Дунпо — это восхитительный образец ученого, занимающего высокий пост,

человека, обладающего широким кругозором, одаренного в различных областях искусства, талантливого от природы; он прославился своими интеллектуальными, художественными и моральными качествами. За свои стихи и прозу он был удостоен высокого титула в области литературы. Его ценили и как живописца и как теоретика искусства, его каллиграфия была такой совершенной, что образцы его письма выбили на камне еще при его жизни. Он был человеком широким: любил вино, обожал изысканные блюда, он придумал рецепт приготовления свинины, который вошел в китайскую традиционную кухню. К тому же он никогда не боялся высказывать собственное мнение в высоком собрании.

В 1070 г., в возрасте тридцати двух лет, Су был приглашен ко двору в Департамент истории, что однако, не давало ему оснований для критики политики императора. Но то был период, когда Ван Аньши самый могущественный министр внутренних дел династии, настаивал на необходимости экономических реформ. Су пытался противостоять жестокости Вана, который добивался поставленной цели, убирая со своего пути цензоров, не согласных с его аргументами. Всего за год он представил три меморандума на имя императора, последний из которых насчитывал 9000 слов. Они были написаны далеко не в самой мягкой форме. Он упомянул распространившиеся слухи о возобновлении разного рода наказаний для подавления недовольства широких масс:

Даже до Вашего Величества и некоторых министров, особо приближенных к Вашей особе, уже доходили подобные слухи, но Вы проявили свое безразличие к подобного рода информации, сказав: «Почему это я должен волноваться, услышав эти сплетни, когда для них нет никаких оснований?». Конечно, не все они правдивы, но, тем не менее, если они появились, значит на то были веские причины. Человек должен быть жаден, чтобы быть обвиненным в воровстве. У него должны отсутствовать моральные устои, чтобы женщины обвинили его в аморальности...²

Слова эти, как может показаться, слишком агрессивны, чтобы их обращать к императору. Но его не тронули, и он написал третий меморандум, и по традиции был отправлен в провинцию, правда, ею оказался красивый город Ханчжоу. Было очевидно, что подобную критику император воспринимает как естественную для последователя

учения Конфуция; он даже защитил Су от гнева Вана и его единомышленников.

Позже Су был сослан в более отдаленный район Китая, где занимал незначительный пост, не имея практически средств к существованию. Правда, несмотря на нищету, он оставался ученым, но теперь ученым в отставке. Он обращался с посланиями и оспаривал казавшиеся ему несправедливыми решения местных органов власти, а также обрабатывал свои десять акров земли. По вечерам он собирал жому друзей, которым читал стихи, рисовал, играл в шахматы, что сопровождалось распитием вина, собственного его приготовления, если ничего другого достать не получалось.

Все образованные китайцы наслаждались спокойной жизнью среди красот природы. Это было своего рода даосской передышкой от конфуцианских обязанностей, передышкой, которая делала терпимой и даже желанной потерю должности в правительстве. Согласно даосизму, было естественным рано или поздно но пытаться найти эликсир бессмертия. Су Дунпо искал его не буквально, не как химическое вещество волшебной силы; он стремился к трансформации самого себя с помощью воздержания и самоконтроля. В своем дневнике Су вспоминает, что Бо Цзюйи начал делать то же самое гораздо раньше, только пошел более простым путем, построив большую печь в своем загородном доме. Бо пытался сплавить серу и ртуть, как говорилось в рецепте II в. до н. э. Он не смог этого сделать, возможно, к счастью, потому что в рецепте говорилось, что смесь надо проглотить, но его веселое описание эксперимента вызывает умиление:

*Глиняная подставка была абсолютно квадратной,
Прибор показывал, что горшок — абсолютно круглый.
При первых же движениях мехов в печи
Алый отблеск показал, что все было верно.
Я очистился сердцем и дрожал в священном трепете;
К середине ночи я взглянул на происходящее.
Оба компонента спокойно сосуществовали.
Их взаимоотношения были невероятными:
Они были сцеплены подобно мужу и жене,
Переплелись, словно драконы, кольцами.
Колокол звонит в Цзяньцзигуане,
Занимается рассвет над горой в сиреневом тумане.*

*Кажется, я не всю пыль смыл с моего сердца.
Этапы плавления смешались.
Маленький глоток эликсира означала бы вечную жизнь,
Малейшая неточность, и все мои старания напрасны³.*

Конфуцианцы смогли приспособиться к требованиям современности. Официальной религией в Китае, религией, с которой порою соперничала идеология Конфуция, было поклонение божествам природы, небу и земле. Проводились ритуалы, во время которых император становился частью круговорота природы и сообщал своему народу о смене времени года, начале сева или уборке урожая. Эти ритуалы проводили конфуцианцы, поэтому для них было естественным принимать во внимание все, что связано с духовным миром человека. На практике же иногда казалось, что духи следуют принципам конфуцианской бюрократии: самые знаменитые истории рассказывают о том, что существовал внешний уровень «государственной» службы, где служащие небесной канцелярии получали повышение только в том случае, если контролировали происходящее на земле, и все шло в нужном русле. И Бо Цзюйи и Су Дунпо приходилось общаться с духами. Так как Бо жил во времена более агрессивно настроенной династии, он выбрал более жесткую линию. Когда в 823 г. в страну пришла засуха, он занимал пост губернатора Ханчжоу. В связи с засухой он молился Черному Дракону Севера в следующих выражениях:

Мы просим тебя об услуге, ведь твоя божественность и власть зависят от нас. Существа, подобные тебе, не могут считаться божествами только по своему личному соизволению, только те, кто им поклоняется, делают их таковыми. Если в течение трех дней пойдет ливень, мы поверим в твои божественные силы, и дождь будет самым великим вознаграждением для почитающих тебя крестьян⁴.

Су Дунпо столкнулся с такой же проблемой однако старался «подкупить» духа. Когда обычные заклинания и обращения к духу дождя не помогли он попытался узнать, когда последний раз этот дух

был благосклонен, и ему ответили, что с того момента, как император даровал ему звание виконта ни разу. Тогда Су провел исследование и узнал, что в период правления династии Тан этот дух носил титул герцога. Он написал императору послание с просьбой вернуть духу прежний титул, и еще до того, как пришел ответ, небо заволочли грозные тучи.

Когда Су собирал у себя друзей, для того, чтобы вечер удался, он заготавливал все необходимые для этого составляющие — вино и чернила. Вот что нам стало известно о том, как он собирался пообедать с ученым-художником:

Два длинных стола были поставлены таким образом, чтобы они сидели друг к другу лицом. На столах лежали кисти, стояли чернила и лежало 300 листов бумаги, на краю стола стояли еда и вино. Когда Дун-по увидел это, он от души посмеялся и сел за стол. После каждого глотка вина они брали чистый лист бумаги и писали стихи. Двое мальчиков-помощников все время наполняли чернильницы, но с трудом поспевали за писавшими. К вечеру вино закончилось, так же как и бумага. Затем каждый из них забрал написанное товарищем, и они попрощались. Позже они обнаружили, что никогда им еще не удавалось так хорошо поработать⁵.

В тот день целью их была каллиграфия. Но когда кто-либо брался за кисть, он сам не знал, о чем будет писать. Стих ли созрел в его голове, решал ли он просто заняться чистописанием, выражая себя через выведение кистью великолепных каллиграфических иероглифов, или же решал нарисовать картину, - все было возможно. Нет ничего удивительного в том, что одна и та же кисть служила для написания стихотворения, которое должно было быть красиво написанным, чтоб им можно было любоваться, для каллиграфии, где было необходимо описывать образы и ориентироваться в пространстве, что необходимо для изобразительного искусства, для написания картины легкими и твердыми мазками, что требует такого же спокойствия и дара импровизации, как и написание стихотворения.

Различные виды деятельности были альтернативными способами передачи одного и того же побуждения. Вот традиционный образец,

где «безмолвное стихотворение» — картина:

*У мастера Ли была фраза, которую он не захотел выразить
словами,
Поэтому он взял светлые чернила и написал безмолвное
стихотворение⁶.*

Даже темы могут быть одинаковыми. Нижеследующий стих, которые называется «Рыбак», можно считать описанием по крайней мере дюжины картин. Этот стих написал великий ученый и писатель династии Сун — Оуян Сю, который был покровителем Су Дунпо: он принимал у него экзамены и первым открыл его талант:

*Ветер относит нить его удочки,
В соломенной шляпе и накидке цвета травы
Рыбак не замечен среди высокого тростника
Сквозь густой весенний дождь тяжело что то разглядеть
вдали,
И туман, поднимающийся от реки, скрывает холмы⁷.*

Равнины, цветы, деревья и птицы стали самыми популярными и любимыми образами живописи времен династии Сун и последующих династий, почти вытеснив остальные темы. Го Си, один из самых выдающихся пейзажистов династии Сун и современник Су Дунпо, объяснял это бегством от повседневной жизни. Удобный аргумент следования религии даосов:

Для человека естественно уставать от толкотни и суеты общества, в котором он живет и естественно желание, которое не всегда и не всем удается осуществить, увидеть бессмертных среди облаков на небесах. В мирные времена при хорошем императоре, окруженному заботой и теплом родителей человеку было бы глупо углубляться в поиски самого себя, поскольку в этом случае у человека есть обязанности, которые он не может или просто не хочет оставлять без внимания... Но мечта об уединении в лесах,

общении со святыми духами всегда жила в нас. По привычке мы не обращаем внимания на образы и звуки природы. Теперь есть возможность увидеть все это в работах великих мастеров живописи. Кто-то может представить, что он сидит на камнях у водопада, слушает крики обезьян и пение птиц или, сидя у себя в гостиной, глядит на сияющие горы и блестящую воду. Разве это не наслаждение? Вот почему пейзажи пользуются такой популярностью⁸.

Может показаться странным тот факт, что Го Си утверждает, будто художники могут изобразить любой узнаваемый пейзаж лишь глядя на причудливые вершины гор; на самом же деле, природа предоставляет огромный выбор одинаково фантастических картин. Поэтому уставший чиновник мог достать с полки свиток и позволить своей душе блуждать по ландшафтам, которые буквально развертывались перед ним вместе со свитком.

Коллекционирование картин являлось лишь одним из многих увлечений, ставших модными во времена правления династии Сун. Неподалеку от Аньяна было найдено много бронзовых и нефритовых изделий. Вероятнее всего, они были изготовлены мастерами династии Шан, но даже при том, что точный их возраст не был установлен, они стимулировали интерес к изучению древности. Оуян Сю автор стихотворения о рыбаке, тщательно изучал древние надписи, которые обнаружил во время «странствий по стране, в горах и по побережьям озер, среди не надежных камней и в недоступных ущельях, в диких лесах и заброшенных гробницах»⁹. Он делал с них оттиски, и в результате получилась «Коллекция древних надписей», которая насчитывала около 1000 единиц. Оуян Сю был озабочен тем, чтобы сделать стиль своей поэзии простым и сжатым, избегать напыщенных фраз, которые были тогда в моде. Он изобрел стиль которому дали название «древний стиль», потому что так писали те, кто жил еще до основания династии Хань. Ученые тоже пытались возродить дух древнего конфуцианства в его первоначальном виде, когда он еще не покрывался пылью веков. Подобные интересы всегда наталкивали на ассоциации периода правления династии Сун с Ренессансом в Европе, когда возрождались античные принципы в искусстве. Но в Китае этот

процесс принял эндемический характер, так как здесь он был связан со строгими канонами интеллектуального развития.

Главным знатоком искусства династии Сун стал император Хуэйцзун — он собрал огромную коллекцию живописи, она насчитывала 6396 картин, написанных 231 художником, датирующихся периодом от конца династии Хань до времени правления этого императора. Сам он был выдающимся художником. Одна из самых прекрасных сохранившихся картин того периода — «Девушки, тянущие шелковые нити» - написана именно им. Ему больше всего нравилось рисовать птиц, тщательно прорабатывая при этом детали рисунка, что смотрится очень привлекательно, когда сделано искусно.

Но император не хотел ограничиваться осознанием собственного совершенства. Он пытался навязать свой стиль другим, и для этого у него было главное — власть. Он основал Академию, где мастера живописи сдавали экзамены наравне с простыми людьми. Одно из стандартных заданий при поступлении в Академию — нарисовать копию с картины императора (ситуация, которая превратила для современных ученых атрибуцию картин в сущий кошмар). Другим было задание разрисовать стену дворца, причем экзаменующиеся не могли сосредоточиться на рисунке, поскольку их постоянно прерывали. Император частенько прохаживался среди художников и «когда видел, что они изображают не совсем то, что ему хотелось бы, он замазывал их рисунки и сообщал, как и что должно изменить»¹⁰.

Каждая Академия тяготеет к определенным стандартам, и эта не стала исключением. Произошел раскол между старательными профессионалами, привыкшими писать по канону, и творческими личностями, которые развивали тенденцию спонтанного самовыражения. Су Дунпо был первым, кто описал это. Его тяга к рисованию в основном пробуждалась в алкогольном опьянении:

*Когда я выпью вина,
Мои кишки прорастают и ветвятся,
А из моей печени и легких
Появляются камни и бамбук.
Изрыгаясь из моей груди, поистине великолепные,
Они находят выражение себе на твоих белоснежных*

стенах¹¹.

Ученые — люди, которые с наименьшей вероятностью достигают совершенства в этой тенденции. Этот идеал был достигнут школой буддистских художников во времена Поздней Сун. Они принадлежали как раз к тому направлению, которое больше остальных интересуется спонтанностью — к дзен буддизму, который в Китае больше известен под названием чань. Одним из самых известных был Лян Кай, идеальный образ романтика, художника «без правил», прямая противоположность образу слуг Хуэй-цзуна. Он начал карьеру в Академии, получил наивысшую оценку, был удостоен самой высокой награды — Золотого пояса, но достаточно грубо отказался от всех почестей и удалился в чаньский монастырь, где провел остаток жизни в написании картин и неумеренном потреблении спиртного. Здесь он встречал своих учеников громкими криками, все время бурчал и ругался на них, но все же написал несколько потрясающих картин в те короткие светлые промежутки, когда у него было хорошее настроение. Его портрет древнего старика Чана, срезающего бамбук, отвечает, по мнению Су Дунпо, всем требованиям классической живописи. Склонившаяся фигура старика написана широкими мазками и напоминает иероглиф, часто использующийся в китайской каллиграфии (фигура на картине является «китайской» во всех смыслах этого слова). И портрет поэта Ли Бо, принадлежащий его кисти, своей точностью и еще большей лаконичностью по праву являет собою один из самых замечательных образов Китая.

Живопись была лишь одним из искусств, достигших высот во время правления династии Сун. Практически каждый период китайской истории отмечен выдающимися успехами в гончарном деле, но ничто не сравнится с классической элегантностью фарфоровых изделий мастеров династии Сун, которые зачастую украшены однотонными рисунками. Это период приятной простоты между энергичностью и реализмом, отразившихся в статуэтках династии Тан с одной стороны, и диковинными орнаментами, характерными для росписи фарфора во времена более поздних династий — с другой.

То было время интеллектуального подъема. В 981 г. была полностью завершена огромная энциклопедия, которая вмещала в себя тысячи разделов, систематизированных отрывков из книг более ранней

периода. Подобная энциклопедия архитектуры, классическая в своем роде, появилась примерно в 1100 г., а еще одна была посвящена географии (работа с подборкой материала была излюбленной для китайских ученых). Еще в XII в. появилась книга под названием «Императорская медицинская энциклопедия», за которой последовали монографии по ботанике и зоологии. Примерно в 1086 г. появился один из самых первых докладов о магнитном компасе, а за сорок лет до того — «Компендиум военного дела», где было дано описание пороха, который на тот момент использовался только в различного рода бомбах и огненных шарах, которые закладывали в катапульты или использовали для фейерверков во время праздников. Из огромного количества исторических трудов, накопившихся в Китае за многие века, Сыма Гуан в том же веке составил первую сводную работу по истории Китая; до него такая попытка была сделана Сыма Цянем двенадцатью столетиями ранее. Император дал этому труду название «Зерцало, управлению помогающее», поскольку там четко говорится о важности истории для китайцев. Наконец, были изданы конфуцианские каноны, равно как и многие буддистские и даосские манускрипты.

Развитие книгопечатания стало крайне важным и необходимым в условиях подобного взрыва в сфере интеллектуального развития, а это, в свою очередь стало возможным благодаря изобретению бумаги. Это достижение приписывают дворцовому евнуху Цай Луню и относят примерно к 105 г. н. э. Среди самых значимых изобретений китайцев на первом месте стоят бумага, печать, порох и компас, однако бумага является самым ранним изобретением, но тем не менее, именно она пришла в Европу последней спустя 10 веков после ее изобретения.

Уже через сорок лет после появления бумаги и начала ее применения она стала дешевым материалом для переписки и написания книг. Примерно в 143 г. в письме ученый извинялся перед другом за использование такого дешевого материала. Вот свидетельство этого:

Я посылаю вам произведения Сюй-цзы в десяти бумажных свитках. Единственное оправдание мое в том, что шелк я просто не могу себе позволить финансово, поэтому мне ничего не остается, кроме как предоставить вам копию на бумаге¹².

В последующие столетия использование бумаги распространилось по всей восточной Азии. Поражение китайцев и победа арабов при Таласе в 751 г. были причиной того, что бумага стала распространяться в Европе. Большая часть взятых в плен китайцев и привезенных в Самарканд, были мастерами по изготовлению бумаги и построили там мастерские. Спустя несколько десятилетий Гарун аль-Рашид, один из самых известных арабских визирей, привез некоторых из этих мастеров в Багдад. В следующем столетии, примерно в 890 г., письмо, написанное в Египте, заканчивалось так: «Приношу извинения за папирус» — прямо противоположная извинению при переписке в Китае, эта фраза указывает, что в то время бумага в Александрии была новым и дорогим материалом. Из Египта техника изготовления бумаги распространилась через арабские провинции в Северной Африке в Испанию, но понадобились еще три столетия, прежде чем первая мастерская книгопечатания стала известна христианскому миру в 1189 г. на французской территории Пиренеев. Это произошло через 1000 лет после того, как бумага в Китае стала дешевым товаром, доступным для всех слоев населения, и китайцы уже осваивали новые области её применения. Арабские купцы, путешествующие на Востоке в IX в., с ужасом сообщали: «Они нечистоплотные, никогда не моются водой после отправления естественных нужд, и всего-навсего подтираются китайской бумагой»¹³.

Печатное дело развивалось постепенно и даже бессистемно. В его основе лежала традиция ставить печати или штампы на бумажных или шелковых документах. Кроме того, в среде буддистов существовала огромная потребность в производстве амулетов и изображений святых, которые обычно в массовом порядке штамповались при помощи небольших камней. Но наиболее важное событие в этом ряду на самом деле не имело никакого отношения к концепции печатания. В 175 г. н. э. император династии Хань приказал ученым переписать и выбить на камне тексты шести наиважнейших книг Конфуция, чтобы передать их последующим поколениям в первоизданном виде. Когда работа была закончена, ученые сняли копии с драгоценных документов на бумагу с помощью приема, похожего на современный с помощью медных или латунных оттисков. Во времена всех последующих династий стало традицией выбивать тексты и комментарии на камнях, а потом делать бумажные копии. Таким образом, копии с классических трудов

Конфуция были распространены по всей стране способом, очень похожим на печатание.

Однако самой ранней книгой, напечатанной на бумаге, которая известна нам, является сборник буддистских текстов. Это один из раритетов, найденных сэром Стейном в Дуньхуане, копия «Алмазной сурры». Это шесть больших блоков, каждый размером с два с половиной фута в длину и почти фут в ширину. Эти свитки являются очень важными и ценными предшественниками всех последующих книг не только потому, что там есть гравюра на фронтисписе, но и потому, что они содержат посвящение и колофон: «Напечатано 11 мая 868 г. Ван Цзе для свободного распространения, с огромным уважением к своим предкам, чья их память»¹⁴.

Конфуцианцы, в свою очередь, могут похвастаться своим первым в мире масштабным проектом в области печатной продукции, хотя и произошло это почти случайно — скорее всего, они более руководствовались экономичностью, нежели желанием поспособствовать распространению литературы. Удивительно, как много Китай сделал открытий и сколь многого достиг в период хаоса — во времена правления Пяти династий после упадка династии Тан и перед началом правления династии Сун.

Фэн Дао традиционно приписывают роль изобретателя книгопечатания. Он был главным советником при четырех из этих пяти династий. В 932 г. он предложил императору второй из них, Поздней Тан, следовать классической системе управления, как это делали правители династий Хань и Тан, и сохранять манускрипты, выбивая их на камне. Суть этого предложения сводилась к поднятию престижа правителя и укрепления режима, который в то время авторитетом не пользовался. Но предложение было отклонено с достаточно простой отговоркой: «Нашей династии есть чем заняться, кроме того, как выбивать на камнях манускрипты»¹⁵. Однако Фэн Дао не ограничился этими словами и выдвинул потрясающее предложение: в Сычуани он видел книги которые представляли собой блоки из деревянных досок, и решил, что работа с деревом намного дешевле и быстрее, чем работа с камнем. Император согласился с ним. Двадцать один год и три династии спустя Фэн Дао с гордостью представил правителям пусть и другой династии, полное собрание классических произведений и комментариев к ним в ста тридцати томах. В течение последующих

пяти лет к власти пришла династия Сун, и ученые и их ученики активно использовали предложенный вариант «книгопечатания».

Всплеск интеллектуальной энергии во времена правления династии Сун сопровождался необычайной роскошью двора и высокопоставленных чиновников, что традиционно привело к экономическому кризису. Во время правления династий Хань и Тан финансовое благополучие было связано с расширением границ государства, завоеванием новых территорий и расцветом торговли. Но эти династии были достаточно агрессивно настроены, что не было характерным для династии Сун — частично потому, что окраины и провинции Китая были ослаблены сосредоточением всей власти в столице, частично из-за жесткой системы экзаменационного отбора что привело к увеличению образованного слоя, интеллектуальному развитию народа и уменьшению количества профессионалов-военных. Профессия воина больше не пользовалась популярностью, и такое положение оставалось неизменным на протяжении многих столетий. Ван Аньши, выдающийся государственный деятель династии Сун, предостерегал императора:

Кто сегодня может быть уверен в том, что воины, охраняющие границы, и императорская армия будут сохранять мир? Но со времени появления в стране большого числа образованных людей, которые презирают оружие, — а из этого вытекает тот факт, что никто из них не имеет никакого представления о верховой езде и стрельбе, а также не имеет ничего общего с военным искусством, — возникает вопрос: кто же станет исполнять воинскую повинность, кроме как наемные солдаты?¹⁶

Он четко и доступно объяснил, какую опасность с экономической точки зрения таит непомерная роскошь, в то время как не завоевываются новые земли и не повышается производительность труда:

Проблема правительства в наши дни состоит не только в больших затратах, но и в том, что отсутствуют ресурсы внутренней экономики.

Те, кто озабочен увеличением личного семейного благосостояния, делают это за счет города, те, кто хотят улучшить материальное положение города, делают это за счет государства, а те, кто хочет увеличить благосостояние государства делают это за счет природных ресурсов. Можно провести аналогию сложившейся в стране ситуации с семьей, где сын не предпринимает никаких усилий для увеличения благосостояния семьи, а живет на иждивении отца. Хоть семья надеется на то, что все ее члены смогут увеличить общий достаток, этого никогда не произойдет, поскольку какие-либо действия в этом направлении происходят только за закрытыми дверями, и нет ничего, приходящего извне¹⁷.

Две проблемы, военная и экономическая, были тесно связаны между собой. Многолетняя система в которой крестьяне время от времени обязаны были нести воинскую повинность, была заменена профессиональной армией — уровень профессионализма в данном случае определялся размером оплаты услуг военных. Некомпетентность тех, кто хотел быть нанятым в армию, в сочетании с нарастающим давлением кочевников с севера привело только к тому, что размеры армии разрастались, и в какой-то момент в XI в. она потребляла 80% всех внутренних государственных ресурсов.

Слабая армия, вызвавшая еще одну экономическую проблему, и незначительный прирост капитала предвещали большую беду. Правители династии Сун не усвоили урока правителей династии Хань — необходимости налаживания отношений с северными царствами. Династия Хань постоянно конфликтовала с сюнну, так же как и Сун с государством Ляо. Сначала они пытались наладить отношения, посылая северянам подарки. Но цена становилась все выше, а агрессия не утихала. И только тогда, когда У-ди изменил политику примирения на агрессию, проблемы взаимоотношений начали как-то решаться. Еще в 1004 г. император династии Сун предпринял попытку подкупить северян и установить мирные взаимоотношения между его государством и «дикими» соседями, так же как это делали его предки. Размер «подарка» был определен в 300 000 «единиц» — определенной валюте, которая давала возможность расплачиваться с разными народами за различного рода услуги; единицей было принято считать

сверток шелка или фиксированное количество пшена, медные монеты или серебро. Спустя сорок лет цена за мир возросла втрое, а мира все не было. Суммы, хоть они и кажутся огромными на самом деле составляли всего лишь 2% от дохода династии Сун. Но подобная дань, больше похожая на выплату откупных вымогателям, была унижительной для династии.

Как и при правлении других династий, регулирование оттока капитала из государственной казны привело к тому, что на крестьян буквально обрушились налоги, в то время как крупные землевладельцы и чиновники (в Англии Коббетт назвал их «пожирателями налогов») были освобождены от уплаты каких бы то ни было податей. Чтобы восстановить справедливость, Ван Аньши между 1069 г. и 1076 г. представил проект сомнительных реформ, сомнительных не только для того времени, но и для любого другого. Основная идея реформ заключалась в том, чтобы выплата основных налогов перекладывалась всех состоятельных людей, точно не известно, чем он руководствовался, предлагая такой способ решения экономических проблем, были ли его побуждения глубоко социалистическими или то была попытка практического решения сиюминутной проблемы, но доказательства говорят о последнем. Однако эта идея не получила одобрения многочисленных слоев населения, которые сопротивлялись ее реализации. Итог государственных проблем на практике эти реформы ни чему не привели.

В 1076 г. Ван был выдворен на пенсию, так мешал оппозиции, и в течение последующих сороки лет шла борьба между его оппонентами и беспринципными соратниками на политической арене; ситуация все ухудшалась. Это привело к восстаниям крестьян, которые на протяжении всей истории Китая были неизменным признаком невыносимого поведения правительства, и в 1120-х гг. император Хуэйцзун отставил рисование картин и занялся решением важных государственных вопросов.

Появившееся на севере новое государство, которое называлось Цзинь, набирало все больше сил и было в состоянии справиться с варварами Ляо, надоедавшими империи. Император решил объединиться с Цзинь в борьбе против варваров. Результат был абсолютно предсказуемый: когда варвары были побеждены, правители

Цзинь не стали придерживаться условий заключенного соглашения: они начали завоевание земель, двигаясь в южном направлении. Вскоре они заняли Кайфэн, императорскую столицу, сместили императора с трона, захватили в плен его семью и всех придворных — всего примерно 300 человек. К власти императорская семья больше не вернулась.

Один из принцев смог бежать, потому что отсутствовал в столице, когда город пал. Цзиньцы продолжали двигаться в сторону Янцзы, но на юге от Желтой реки китайцы все же сумели их остановить. После нескольких лет смуты новый император и члены его правительства смогли укрепиться в Ханчфоу. Здесь династия Южная Сун, правившая лишь половиной страны, просуществовала еще один век. Хаос, обрушившийся на Китай при наступлении северян, ярко отражен в истории одной из самых известных китайских женщин-поэтов Ли Цинчжао. В её стихах присутствует та страсть к древности, которая была присуща Оуян Сю, императору Хуэй-цзуну и многим другим в то время.

В 1100 г., в возрасте девятнадцати лет она вышла замуж за молодого ученого Чжао Минчэна. Увлечением всей его жизни было коллекционирование манускриптов на камне и бронзе. Она так описывает начало их совместной жизни:

Когда мы поженились, моему мужу был двадцать один год, он учился в Бяньланской Национальной Школе. Наши семьи были бедны, мы были вынуждены экономно распоряжаться деньгами. Но каждый месяц, когда мой муж получал стипендию, он закладывал кое-какую одежду в ломбард и, получив в итоге 500 монет, мы отправлялись в храм Сянго, для того чтобы приобрести несколько копий манускриптом, а на обратном пути заходили на рынок, чтобы купить, небольшое количество фруктов. Вернувшись домой, мы вместе перечитывали эти манускрипты, и в это время мы были так счастливы, как будто жили в царстве небесном. Через два года мой муж получил официальное назначение в провинцию. Теперь мы были обеспечены едой и могли позволить себе покупать новую одежду, а он получал удовольствие от того, что теперь мог удовлетворить свою страсть к интересующим его манускриптам из любого уголка

империи. Через некоторое время он собрал великолепную коллекцию... Но он был одержим своим собирательством, и когда видел очередной экземпляр рукописи или картины какого-нибудь известного художника или бронзовое изделие, датированное прошлым веком, или даже более раннее, он опять закладывал свою одежду, если ему не хватало средств на покупку¹⁸.

Они с удовольствием проводили ночи, рассматривая и обсуждая картины и различные бронзовые изделия, и ложились спать только тогда, когда догорали свечи. Иногда после ужина они сидели в библиотеке с чашечкой чая и играли в забавную, на наш взгляд, игру. Они давали друг другу задание найти какой-нибудь отрывок из многочисленных книг, которыми были заставлены все полки. Победитель имел право первым приступить к чаепитию: «Иногда, — рассказывает Ли Цинчжао, — я так смеялась, что весь чай проливался мне на одежду, и нечего было пить». Но то было время обострения политической ситуации в стране:

Мы слышали, что варвары внезапно атаковали столицу. Мы в спешке начали упаковывать нашу драгоценную коллекцию в коробки с дурным предчувствием, понимая, что у нас больше нет возможности ее хранить.

В последующие три года после падения Кайфэна молодая пара переезжала с места на место по мере того, как их изысканная империя сокращалась. И каждый раз они были вынуждены оставить или продать часть коллекции. В 1129 г. Чжао был назначен на новую, более опасную, нежели ранее, должность. Он принял решение отправить жену и остатки коллекции в более безопасное место. Сначала они путешествовали вместе по реке, но потом он вынужден был продолжить свой путь в одиночестве верхом на лошади.

Он стоял на берегу, и сердце его было бесстрашным, как у тигра, а глаза сверкали. Когда мы прощались, и я стояла в лодке, меня охватил ужас. Я спросила его, что мне делать,

если я узнаю, что ситуация в городе ухудшилась.

Он ответил, что я должна, в первую очередь, избавиться от тяжелого багажа, лишней одежды и одеял, затем я могу продать книги и картины, а лишь в крайнем случае старинные изделия из бронзы, но изделия из фарфора он приказал оставить у себя и хранить до конца. Он вскочил на лошадь и умчался по пыльной дороге в неизвестность.

Она больше никогда его не видела. Позже она узнала, что он умер от болезни, совсем не на поле брани. Постепенно она продавала его коллекцию, чтобы как-то содержать себя, очень много ездила по стране, навещая те места, где они бывали вместе:

*Напротив нашего окна
Растут банановые деревья.
Своей зеленой кроной они затевают сад,
Своей зеленой кроной они затевают сад.
Их листья распускаются и сворачиваются,
Будто хотят скрыть свои чувства.*

*Я грущу, раскинувшись на подушках,
Глубокой ночью я слушаю дождь.
Капли стучат по листьям,
Они стучат по листьям —
А он не знает, что этот звук
Снова разбивает мне сердце.*

Воры забрали последние предметы коллекции, но она сохранила его манускрипт — законченную часть его «огромного труда». В 1132 г. ситуация в стране как-то стабилизировалась. Ли Цинчжао обосновалась в Ханчжоу и пыталась опубликовать его рукопись, в результате в свет вышла книга «Цзиньшилу», или «Собрание надписей на камнях и бронзе», состоявшее из тридцати глав.

Готовя книгу к публикации, в отдельной главе она описала их совместную жизнь. После этого она уехала из Ханчжоу, и о ее дальнейшей судьбе нам ничего не известно.

Ханчжоу располагался в очень выгодном месте. Город окружали озера и рисовые поля, которые были неудобны для передвижения верхом, а именно в этом была сила северных племен. Прекрасному городу предстояло увидеть свои лучшие годы под властью Южной Сун, но описываемые события произошли за много лет до того, как императоры наконец признали Ханчжоу своей столицей. Они все еще надеялись отвоевать северные земли. Стихотворение, обнаруженное на стене жилища в Ханчжоу, рисует нам дихотомию ситуации: прелесть этого красивого города и желание вернуть город, находящийся в руках варваров:

*Холм за холмом, павильон за павильоном —
Прекратятся ли пенье и танцы у Западного озера?
Теплый дождь на время успокаивает и зовет призадуматься
О том, что есть место, которое мы помним еще со времен
мира¹⁹.*

Но враг с севера представлял собой более страшную угрозу, чем могли представить себе китайцы. Новой угрозой стали степняки-монголы. Император династии Сун повторил ошибку, сделанную ранее, и прибег к помощи монголов, для того чтобы вытеснить за границы империи варваров Цзинь, которые были разбиты в 1234 г. Династия Сун продержалась еще несколько десятилетий — в основном, из-за беспорядков в Монгольской империи, — но в 1239 г. она подчинилась монголам. В результате власть в Китае впервые в китайской истории захватили варвары и императором стал хан Хубилай.

Постоянной проблемой Китая на протяжении всей его истории было то, что земли к северу от него были населены ордами воинственных кочевников. Даже само слово «орда» (*ordo*) происходит из тех мест. В малоприспособленных для жизни степях Монголии и Сибири жили люди, обладающие действительно суровым нравом. Вероятнее всего, именно из-за условий местности они были вынуждены кочевать в поисках новых пастбищ для скота. В истории Китая названия многих племен упоминаются особенно часто, двигаясь на юг, они доходили до Великой стены, зачастую преодолевали ее, захватывали новые территории и даже основывали собственные малые династии. Лишь три народа — гунны, тюрки и монголы проникли вглубь Европы, поразив разум европейцев тем, какое огромное расстояние они преодолели. Нашествие монголов было самым успешным и устрашающим.

Самые поразительные в истории человечества перемены в жизни произошли с Темучжином — человеком, который известен в истории как Чингисхан. Его жизнь не была историей мелкого правителя, который постепенно расширял свои владения. Отец Темучжина был главой небольшого клана, его отравили, когда Темучжину было всего восемь лет, после чего клан, оставшись без действующего правителя, изгнал его мать вместе с детьми. Согласно «Тайной истории монголов», написанной через 20-30 лет после смерти Темучжина, он и его мать, а также несколько родных и сводных братьев жили в лесу, питаясь дикими растениями и мясом мелких зверьков, не брезгуя даже мышами. Другими словами, у них не было даже скота, обеспечивающего кочевника едой, питьем, одеждой, дровами и даже крышей над головой. Все это можно было бы представить как романтическое описание тех глубин, из которых поднялся человек, возможно, благодаря случайно попавшейся ему мышке, однако, то же самое можно было бы отразить и в менее красочной форме. Не менее трудным было и восхождение

Темучжина к власти, посредством постепенного присоединения других кланов, принявших его в качестве правителя, и только лишь когда ему было около сорока лет его выбрали верховным ханом монголов, которые сами были лишь одним из племенных сообществ, занимавших степи. Тем не менее когда он умер двадцать лет спустя, его империя простиралась от Каспийского моря до северного побережья Китая.

Военное преимущество великой империи Чингисхана заключалось в мастерстве монгольских всадников, которые, стоя в стременах, натягивали свои тяжелые луки, нанося противнику сокрушительные удары, или скакали с донесениями дни и ночи напролет преодолевая невообразимые расстояния, между укрепленными постами, разбросанными по степям и пустыням Центральной Азии. Однако рост империи также был обусловлен и психологическим фактором, основываясь на беспощадной комбинации долга и страха. Собирая собственную монгольскую армию, Чингисхан поощрял такие человеческие качества, как смелость и верность. Тех, кто прекрасно сражался против него, но был побежден в схватке с ним, повышали в звании. Наказывались только трусость и предательство. Позже, когда он распространил свое влияние на другие земли, условия были изменены: в городах, жители которых осмеливались оказывать ему сопротивление устраивались публичные расправы: жителей выводили за стены города, и воинам-монголам приказывали рубить их боевыми топорами (иногда требовали принести уши убитых в качестве доказательства того, что воин отправил на тот свет необходимое количество врагов). Слухи о жестокости монголов, подобно невидимому союзнику, неслись впереди орды. Также действовались шпионы, для того чтобы проникнув в город, окруженный высокими стенами, они говорили его жителям о том, что покорная сдача приведет к помилованию. Зачастую жителей даже не нужно было уговаривать, так как альтернатива иному выбору уже была печально известной.

Еще при жизни завоевателя огромная империи была разделена между его четырьмя сыновьями. Посыльные, способные преодолевать до 200 миль в день держали Чингисхана в курсе их дел и походов. С такой системой и таким отцом, естественно, ни у кого не возникало и мысли о разъединении. Однако в следующем поколении, когда его внуки наследовали отдаленные земли империи, такого естественного единения уже не было.

Это было поколение Хубилая. Его отцом был самый младший из сыновей Чингисхана, но, тем менее его семья стала самой могущественной спустя двадцать пять лет после смерти великого хана. В 1351 г. Мункэ старший брат Хубилая, был избран великим ханом и стал четвертым, кто получил право носить этот титул Чингисхана. Он поручил Хубилаю продолжить завоевание Китая, другому своему брату, Хулагу, приказал идти на юго-запад через Иран. К 1258 г. Хулагу захватил и разрушил Багдад, через четыре года он уже взял Дамаск и достиг Средиземноморья. Три брата сформировали пирамиду власти, в которой вершиной был Мункэ, расположившись в самом сердце Монголии, в столичном городе Каракорум; Хубилай владел землями у Северо-Китайского моря, Хулагу — у Средиземного моря. Однако в 1259 г. Мункэ умер.

Практически сразу же признаки разлада стали очевидными. На востоке Хубилай воевал со своим младшим братом, и ему понадобилось четыре года, чтобы утвердить свои притязания на титул Великого хана - и это был первый случай, когда внутрисемейные вопросы решались с помощью оружия. В то же самое время Хулагу воевал на Кавказе со своим двоюродным братом, который правил землями Золотой орды на юге России. Отчасти причиной войны был захват новых территорий, отчасти — вопросы религиозного характера. Двоюродный брат принял ислам и с негодованием воспринял жестокое завоевание халифата, осуществленное Хулагу, продолжавшим придерживаться семейных шаманских верований. Эта война имела одно незначительное, но крайне любопытное последствие, которое не мог предвидеть ни один из братьев. Однажды они задержали двух венецианских купцов: Никколо и Маттео Поло, которые вели торговлю в землях возле Каспийского моря. Им настоятельно предлагали продолжить путь на восток, так как в сложившейся ситуации это был наиболее безопасный маршрут, и они с неохотой вняли этому совету.

Тем временем хан Хубилай-хан все больше ассимилировался в Китае. В 1260 г. он сделал Пекин расположенный к югу от Великой стены, своей зимней столицей, а спустя семь лет начал масштабное восстановление и реконструкцию города, практически полностью разрушенного в 1215 г. его дедом. Видимо, он осознал, что произошло смещение «центра тяжести» в его империи. В 1271 г. он объявил о создании новой китайской династии, для которой избрал китайское

название Да юань, что переводится как «Великое начало», и стал ее первым императором. По китайской традиции Чингисхану дали посмертное имя Тай-цзу которое означает «Великий предок». Наступление армии Хубилая в южном направлении на земли, контролируемые династией Сун, продолжалось еще несколько лет, пока, наконец, в 1276 г. он не подчинил себе Ханчжоу. Через три года последние очаги сопротивления сунской династии были уничтожены. Сыном Неба стал Великий хан. Никогда раньше Китайская империя не достигала таких огромных размеров однако, по правде говоря, власть Хубилая как Великого хана над его отдаленными родственниками была чисто номинальной.

С самого начала Хубилай выказывал намерение править, придерживаясь традиционной китайской системы управления. Даже когда его власть распространялась только на поместье, выделенное ему братом в долине р. Вэй, он установил в Сиани традиционную китайскую административную систему. Однако в одном существенном вопросе ему пришлось отклониться от традиционного китайского образца.

Будучи завоевателем, он по очевидным причинам предпочитал саму китайскую систему государственной службы китайским чиновникам. Нескольким отдельно отобранным ученым были предложены соответствующие должности, однако государственные экзамены были приостановлены и возобновлены только в 1315 г., когда сама их система была изменена так, чтобы работать против китайских кандидатов. С другой стороны, среди монголов было мало людей, способных занять высокие посты в администрации. Решением Хубилая стало привлечение иностранцев, значительная поддержка которых стала возможной благодаря стабильности в Центральной Азии.

На протяжении столетий перемещения по Шелковому пути были прерваны из-за неудачной попытки Китая контролировать кочевников с одной его стороны и из-за столкновений христиан с мусульманами с другой. Теперь, когда вся территория, по которой проходит этот путь, контролировалась одной властью, часто называемой Монгольским миром (*Rex Mongolica*), он вновь стал относительно безопасным маршрутом. Путешествия по Шелковому пути активизировались настолько, что в 1340 г. привели итальянца Франческо Пеголотти (*Francesco Pegolotti*) к мысли о составлении «путеводителя» по этому

региону. Он описал места остановок в пути, расстояния между ними и пошлины, взимаемые за те или иные товары. Его советы были в высшей степени практичными. Так, например, по поводу того, как следует подготовиться к путешествию говорится: «Первое, что следует сделать, это отпустить длинную бороду и не бриться». По поводу цен сообщалось: «Вы можете подсчитать, что торговец с переводчиком и двумя слугами с товарами на 25 тысяч золотых флоринов должен потратить по пути в Китай от шестидесяти до восьмидесяти серебряных слитков, но не больше, конечно, если он постарается. На всю дорогу из Китая в Тана (город Азов на Черном море) включая затраты на жилье, слуг и прочие услуги, цена составит примерно пять слитков за каждого вьючного животного или даже меньше; также вы можете считать, что один слиток приравнивается к пяти золотым флоринам». По поводу комфорта: «Если торговец хочет взять с собой женщину из Таны, он может так поступить; если не хочет, то нет никаких обязательств по этому поводу, но только если он все-таки возьмет с собой одну женщину, то будет чувствовать себя в пути гораздо более комфортно, нежели в том случае, если бы он не взял с собой женщины». Об опасностях: «Вы можете полагать, что дорога из города Тана в Сара менее безопасная, нежели другие участки Шелкового пути, но даже в самой скверной ситуации эта дорога будет безопасной, как ваш собственный дом в том случае, если вы движетесь группой из шестидесяти человек». О торговых соглашениях в Константинополе, западном конце маршрута: «Измельченный миндаль в мешках: если покупатель берет один мешок, то вес миндаля учитывается вместе с весом мешка; однако если покупатель берет больше одного мешка, то вес мешка и веревки вычитаются из веса, так что покупатель не должен платить больше, чем за один мешок с веревкой; при покупке всего остального тара прилагается, и веревка дается покупателю даром». Миндаль — лишь один из упоминаемых итальянцем товаров. Список товаров, которые он перечисляет, у любого торговца, средневекового или же современного, вызовет страстную зависть: «Беличьи меха, славянские белки, ласточки и хорьки, барьяны шкуры, финики, фундук, грецкие орехи, соленая осетрина... перец, имбирь, обработанное бразильское дерево, лак, куркума, благовония, ртуть, нашатырь, медь, куски янтаря разных размеров, кораллы.. шелк-сырец, шафран, стебли и цветы

гвоздики, мускатный орех, гвозди, кардамон, вьюнок, мелкий жемчуг, манник, бура, гуммиарабик, «кровь дракона», засахаренные фрукты, золотая проволока, декорированный шелк» и множество других товаров¹.

Именно по этому пути братья Поло впервые добрались до двора Хубилая в 1260 г.; по этому пути Хубилай отправил их обратно с дружественным посланием Папе и просьбой предоставить сотню образованных священников (возможно, это была попытка получить достойных людей для государственной службы) и немного лампадного масла, горящего в светильниках у Гроба Господня в Иерусалиме; по этому пути братья в 1275 г. снова возвратились к хану с флаконом драгоценного масла в сопровождении Марко, сына Никколо, которому было около двадцати лет. Не было только священников, так как Папа не придал значения числу «сто», отправив к Хубилаю двух монахов-доминиканцев, которые отказались идти дальше, как только столкнулись с первыми трудностями в дороге. Марко, тем не менее, предполагал, что в данной ситуации его присутствие компенсировало первоначальное разочарование Хубилая:

Когда Великий хан увидел Марко, молодого человека величественного и благородной внешности он спросил, кто это. «Господин», ответил ему отец Марко, Никколо, — «это мой сын, самое дорогое, что у меня есть, которого, я, подвергаясь опасностям и преодолевая великие трудности привез к тебе из далеких земель, чтобы он служил тебе». Хан принял его весьма благосклонно, отнесся к нему доброжелательно и внес его в список самых почитаемых людей, поэтому тот пользовался почетом и уважением при дворе².

Марко любезно отблагодарил хана в другой части своей книги, где дано яркое описание Хубилая:

Он хорош собой — не слишком высокий и не слишком маленький, а среднего роста. Его телосложение также отличается красотой - он не слишком толстый и не слишком худой; более того, он хорош со всех сторон. Его белое

лицо частично покрыто нежным, как роза, румянцем, что делает его внешность приятной; у него красные черные глаза и нос также очень красив и хорошо посажен³.

Эта историческая встреча произошла в Летнем дворце Хубилая в Шанду, что к северу от Великой стены и в двухстах милях от Пекина. В своих записях Марко упоминает это место как Цяньду. Марко также принадлежит описание великолепных павильонов Летнего дворца, расположенных за стеной, окружающей «около шестнадцати миль земли с фонтанами реками и лужайками», которое спустя пять веков вдохновило Колриджа на создание образа Занаду.

Более непосредственным следствием теплого приема Марко стало то, что он стал одним из иностранцев, включенных в систему администрации. На протяжении последующих семнадцати лет он путешествовал во многих местах, выполняя поручения императора, а записи, сделанные им в это время, впоследствии, вероятно, составили основу его книги. Его видение Китая было достаточно ограниченным, поскольку он никогда не учил китайский язык (монгольского для него было вполне достаточно), к тому же он путешествовал по стране в качестве доверенного лица завоевателей. Детали, которые привлекали его взор, также кажутся достаточно случайными. В одной из наиболее знаменитых частей своей книги он детально описывает, как китайцы побывают и сжигают удивительные черные камни, не пригодные для строительства (другими словами — уголь), но он не упоминает о чаепитии, которое с III в. н.э. постепенно распространилось из Южного Китая и стало национальной традицией.

Описание каких-либо частных встреч встречается в книге Марко настолько часто, что их можно принять за рутинный ответ всем тем, кто задавал ему после возвращения в Италию самый невозможный из всех вопросов: «Скажи, что представляет собой Китай?» «Народ, — мог бы устало ответить Марко, именно так, как он и делал в главе за главой, — идолопоклонники, они подчинены Великому хану и пользуются бумажными деньгами. Неудивительно, что Марко, выросшего в семье торговцев, так удивили бумажные деньги, имевшие хождение в Китае за много веков до того, как они впервые появились в Европе. Для человека, всю жизнь имевшего дело лишь с драгоценными металлами в качестве наличных, самым удивительным было то, что, казалось, для

правителя было возможным получить нечто взамен ничто. Называя бумажные деньги монетами, Марко описывает процедуру следующим образом:

Они делаются с такой тщательностью и ответственностью, будто сделаны из чистого золота или серебра. Многочисленные чиновники уполномочены ставить свою подпись на каждой выпущенной «монете». Когда «монета» готова, начальник, назначенный правителем, обмакивает доверенную ему печать в киноварь и ставит её на «монету». Теперь «монета» готова к употреблению. И если кто-нибудь попытается ее подделать его накажут штрафом, который будут выплачивать его родственники вплоть до третьего поколения. На «монеты» ставятся различные знаки в зависимости от их будущей стоимости. И эти деньги делаются в Пекине только людьми, назначенными правителем. И каждый год он печатал такое количество денежных знаков, за которое можно было бы купить все сокровища империи хотя сами эти бумажки ему ничего не стоят.⁴

Словами «ничего не стоят» Марко невольно акцентировал внимание на опасной иллюзии бумажных денег, и китайцы в конечном итоге продемонстрировали неспособность контролировать собственное изобретение. Монголы не были первыми, кто ввел в обращение бумажные деньги, так как уже в эпоху Сун экономика основывалась на бумажных купюрах, которые, в свою очередь, произошли от более ранних обменных документов. В последнее столетие правления династии Сун, когда население утратило уверенность в надежности бумажных денег, их стоимость стремительно упала (несмотря на новый выпуск денег, который император надеялся сделать более привлекательным за счет печати на шелковой бумаге с тонким приятным ароматом). Сходная ситуация повторилась и при закате монгольской династии. Более осторожные минские императоры ограничили количество имеющихся в обращении бумажных денег, а в начале XV в. отменили их окончательно. После этого бумажные деньги никогда не вводились снова вплоть до 1851 г.

Большая часть книги Марко состоит из описаний различных городов и районов Китая. Легко понять, что его любимым городом был Ханчжоу, «величайший город, какой только можно найти в мире, где столько удовольствий, что можно подумать будто находишься в раю». Вряд ли автор отдавал себе отчет в том, что его удивило больше: количество мостов или количество проституток, хотя последнее явно занимало его больше. «Иностранцы, — объясняет он, будто бы речь идет о ком-то другом, — те, кто хотя бы раз доставил себе удовольствие с ними, находятся как будто в экстазе и настолько очарованы их сладостью и обаянием, что никогда не смогут их забыть»⁵

Комментируя миролюбие и спокойным образ жизни китайцев (путешественников из Европы с их шумными ссорами и убеждением посредством силы постоянно поражало, что в Китае никто не носит оружия или даже не хранит его дома), он добавляет, что люди в этой стране проявляют величайшее дружелюбие к иностранцам, «приехавшим к ним в торговых целях» и даже приглашают к себе домой. Конечно, в последующие века, когда начался приступ ксенофобии, все изменилось, и, по-видимому, одной из причин этой перемены могло быть противодействие китайцев монголам и тем иностранцам, которые состояли у них на службе. Однако Марко был одним из первых таких иностранцев, и если его дела в Ханчжоу были преимущественно торговыми и большую часть времени, проведенного в Китае, Марко потратил по своему усмотрению, то ему повезло застать самые последние времена этой древней китайской традиции. Марко заметил, что в Ханчжоу люди сильно возмущались при виде ханских солдат, «так как им казалось, что с помощью этих солдат их лишили законных правителей. Также Марко с восхищением отмечал, как строго соблюдается в Китае комендантский час — даже свет в окне после установленного времени приводил к наказанию — считалось, что это было необходимой мерой предосторожности против восстаний. Так монголы приспособляли к своим нуждам традиционные китайские запреты.

Днем Ханчжоу выглядел более непринужденно. Всего за десять лет до того, как Марко посетил этот город, он был столицей угасающей династии Южная Сун и все еще оставался торговым центром очень богатого района. Главная улица шириной в сорок ярдов пересекала город, и на некоторых ее участках располагались шумные рынки (они

находились под строгим наблюдением стражей, однако и это также всегда было давней традицией). Марко, даже будучи венецианцем, был поражен богатством этого города. Он упоминает проезжающие по улицам города великолепные экипажи с шелковыми занавесками, в которых богатые люди со своими семьями или группой наложниц направлялись в один из парков; описывает плавающие по озеру расписные суда, в которых распивали вино и любовались на великолепные дома, храмы и сады, расположенные по берегам водоема, или рассматривали плывущих в других лодках; самого Марко сильно поразили два дворца, находящиеся на двух островах на озере, полностью обставленные прекрасной мебелью, с бельем и посудой, которые мог арендовать любой человек, желающий организовать угощение.

В сохранившихся в Ханчжоу рукописях, относящихся ко временам, непосредственно предшествовавшим падению династии Сун, содержатся практически полные описания всего того, что можно было бы приобрести в этом столь богатом городе (городе, в котором равное место с богатством занимала бедность, хотя об этом и не говорится ни в одном из описаний). Ежедневная однопроцентная прибыль являлась нормой для владельцев лавок и в результате их количество росло стремительными темпами, в то время как большинство предлагаемых товаров находилось за пределами материальных средств жителей. Однако те кто прибыл на рынок с определенной целью, знали что лучшая кожа носорогов — в лавке у Цяня, шли по дороге от канала к маленькому озеру Цинху, для покупки гребней из слоновой кости рекомендовали магазин Фэя, а на Угольном мосту можно было найти хороший выбор расписных вееров; за лучшими из головных уборов стоило сходить в восьмую лавку Капи на улице Старой монеты. Разнообразие харчевен было столь большим, что вполне сопоставимо с многообразием ресторанов в современных столицах. Отварная свинина была определено хороша в харчевне «Вэй Большой нож» возле Кошачьего моста, так же как пироги с медовой начинкой в пятой лавке Чжоу. Тем не менее видимая простота этих фирменных блюд не была повсеместной, поскольку в описаниях так же упоминаются ароматные моллюски, приготовленные в рисовом вине, гусь с абрикосами и суп с красным перцем и мидиями⁶. Некоторые харчевни завоевали популярность тем, что ограничили себя узким кругом подаваемых

блюд. Так, например, в одной из харчевен предлагались только блюда покрытые сахарной глазурью. Кулинарное мастерство — одна из наиболее прославленных и старых китайских традиций. Даже сейчас в лучшем пекинском ресторане предлагается только утка, однако ее готовят пятидесяти девятью способами.

Торговцы могли хорошо принимать Марко, возмущаясь только солдатами, но ученые и официальные лица, чье положение в обществе было узурпировано им и другими иностранцами, могли воспринимать его менее дружелюбно. Так, вскоре после падения своей империи они видели Ханчжоу в ином свете. Если Марко и видел огромный заброшенный дворец в конце главной улицы, то ни разу упомянул его в своих записях. Для китайского поэта, жившего в то же самое время, это здание было наиболее значимым:

Посещение бывшего императорского дворца в Ханчжоу

*Как древние руины растет высокая трава:
ушли стража и привратники.
Развалившиеся башни и осыпающиеся стены
наполняют тоской мою душу.
Под кровлей дворцовых залов летают ласточки туда-сюда,
Кругом — тишина. Не слышно более щебетания птиц и
крика попугаев⁷.*

Эти строки написаны в первые два десятилетия после того как императоры покинули город, поэтому образы высокой травы и разрушающихся дворцов вполне могут быть и метафорами, но они хорошо передают позицию китайского ученого того времени. Многие отказались сотрудничать с завоевателями и скромно ушли с авансцены. Художники и поэты выражали свою неприязнь к завоевателям весьма утонченным образом. Изображения бамбука и цветов сливы, на протяжении долгого времени являвшихся излюбленным объектом для ученых-художников, стали как никогда популярными. Каждое растение рассматривалось как символ ученого, находящегося в затруднительном положении. Бамбуковые стволы перед штормом гнутся от ветра, но не ломаются, а сливовое дерево цветет в холодную погоду, подобно

ученому в отставке, поддерживающему жизнь китайской культуры во время этой варварской зимы.

Монголы были мало заинтересованы в подобном понятном лишь посвященным искусстве, но был один жанр живописи, который их привлекал. Это были картины, изображающие лошадей, жанр, имеющий продолжительную историю в китайском изобразительном искусстве, который, хоть и в символической манере, но все еще практиковался с незаурядным мастерством некоторыми китайскими учеными-художниками. На сложный вопрос, стоит ли сотрудничать с захватчиками, изображавшие лошадей художники давали разные ответы. Одним из самых известных художников был Чжао Мэнфу, потомок первого императора сунской династии. Он вместе с группой других ученых был приглашен на службу ко двору Хубилая в 1286 г. Чжао Мэнфу принял это предложение и впоследствии стал главой Ханьлинской академии, был губернатором в нескольких городах, однако его предательство послужило поводом для китайских историков отрицать его высокие достижения в области живописи⁸.

Тем не менее незанятость интеллектуалом на государственной службе имела и положительный аспект. До этого времени основным источником дохода ученых была служба в качестве официального лица, открывавшая возможность пользоваться различными служебными привилегиями. Считалось не совсем приличным зарабатывать деньги непосредственно литературными занятиями. Теперь, когда экзамены были приостановлены, ситуация изменилась, и это пошло на пользу двум жанрам — драме и роману, двум формам искусства, которые уже давно приобрели популярность благодаря уличным актерам и рассказчикам, но никогда еще не стремились к высоким литературным достоинствам.

Более пяти столетий назад танский император Сюань-цзун, очень любивший театральные развлечения, основал первую китайскую драматическую академию в своем Грушевом саду (до сравнительно недавнего времени выражение «Молодые люди из грушевого сада» употреблялось как вежливое обозначение актеров). Тем не менее придворные представления состояли в основном из пения и танцев или же представлений, в которых играли только двое актеров. Теперь, когда власть принадлежала монголам, отстраненные от службы ученые начали сочинять полномасштабные драмы, в которых пытались

разрешить такие серьезные конфуцианские вопросы, как, например, конфликт между личными чувствами и сыновней почтительностью. Такие произведения стали основанием классического китайского театра в то же самое время когда в Японии возникает театр Но. Классические китайские романы, в лучших из которых дано яркое и детальное описание повседневной жизни ученых, появились при более поздних династиях. Однако и при юаньской династии образованные люди уже пытались применять свои таланты в этом жанре.

Хан Хубилай сумел сохранить китайскую империю в прежних границах, существовавших при завоевании Китая. Однако смогут ли преуспеть в этом его менее могущественные наследники? Среди тех кто задавал себе этот вопрос, была и семья хитрых венецианских купцов, стремившихся избежать хаоса, который мог начаться в стране. Неоднократно они обращались к стареющему хану с просьбой дать им разрешение вернуться на родину, но хан нуждался в них и каждый раз отвечал отказом, который, несомненно сопровождался дорогими подарками и признанием их выдающихся заслуг. Наконец им повезло — в 1392 г. хан решил воспользоваться огромным опытом венецианцев как путешественников. Новая семнадцатилетняя невеста должна была быть послана к двоюродному племяннику Хубилая, внуку его брата Хулагу бывшему в то время ильханом Персии. Однако дорога по суше была закрыта из-за новых столкновений между двоюродными братьями монгольского правителя, поэтому трем венецианцам было поручено сопровождать невесту морским путем вдоль побережья Индии. Хубилай вызвал их на последнюю аудиенцию, и «сказал им много добрых слов о любви, которую он к ним испытывает». Он одарил их рубинами и другими драгоценностями, передал письма для Папы, королей Испании и Франции и даже, как это ни удивительно, Англии. Посланники хана доставили девушку в целости и сохранности, но, добравшись до Персии они узнали, что ильхан незадолго до их приезда скончался, и девушку выдали замуж за его сына. Она распрощалась с семьей Поло со слезами на глазах, и Марко наконец-то вернулся в Венецию.

Марко не сам писал свою книгу, и, видимо, он даже не думал об этом. Но несколько лет спустя он оказался пленником (война постоянно велась между Венецией и Генуей), в заключении он повстречал друзей, один из которых был профессиональным сочинителем романов. Этому

человеку Марко продиктовал свою историю о путешествии в Китай и о тех приключениях, которые выпали на его долю. Это предопределило судьбу книги — ее сочли за роман, так как самоуверенная Европа не хотела признавать ценности его описания более развитой цивилизации на Востоке. Прошло немало времени, прежде чем картографы согласились нанести на свои карты информацию, которую привез Марко. Однако Колумб, отправляясь на запад на поиски Китая и Индии, взял с собой подробно откомментированную книгу Марко Поло.

Хан Хубилай скончался в 1294 г. в возрасте семидесяти девяти лет, и на трон взошел его внук Тимур. По словам Марко, это был «доблестный, добрый, мудрый и рассудительный человек, который еще до этого часто поступал очень хорошо». Ему удалось поддерживать империю в мире и спокойствии вплоть до своей смерти в 1307 г., но после династия стала клониться к упадку. Споры между наследниками престола — фамильная слабость — привели к начавшейся в 1328 г. гражданской войне. Экономика страдала от инфляции, природные катаклизмы на севере Китая привели к бедствиям и голоду.

Вечной проблемой Китая был разлив Желтой реки, которая переполнившись водами, стекающими с гор, затопляла равнины. Как остроумно заметил европеец, приехавший в Китай во времена правления следующей династии, «Хуанхэ не подчиняется ни китайским законам, ни китайским порядкам»⁹. Одним из объяснений причин многовековой стабильности Китая и тенденции к абсолютизму в управлении было необходимость сильного централизованного контроля при разливе Хуанхэ. Несмотря на хорошо разработанную систему дамб, река часто выходила из берегов, иногда ее устье смещалось приблизительно на триста миль и она впадала в море либо к югу, либо к северу от щаньдунского полуострова. Во времена заката династии Юань несколько разрушительных наводнений привели к тому, что император направил сотни тысяч крестьян на строительство дамб, но ужасные условия работ, несмотря на их необходимость, привели к нескольким восстаниям. В то же время крестьяне, жившие на юге страны, где воды реки не наносили урона урожаю, страдали от непомерного налогообложения, что также привело к восстаниям в этом регионе. В результате страна переживала хаос, характерный для времени упадка каждой из династий, но на этот раз восстания были подкреплены стремлением свергнуть иностранных тиранов.

Среди многих групп, кто стремился совершить это и объявить себя обладателем Небесного мандата самой сильной оказалась партия под предводительством буддистского монаха Чжу Юаньчжана. Он происходил из крестьянской семьи, которая отдала его в монастырь за две миски риса в день, составлявшие плату послушника. Однако вскоре храму стало не по силам содержать послушников, и он оказался на улице прося милостыню. Принято считать, что как раз в это время он присоединился к Обществу белого лотоса, одному из многих тайных обществ, издавна известных в Китае как очаг сопротивления. Такие общества были тайными по необходимости, поскольку открытое сопротивление немедленно влекло за собой карательные меры. Став императором, Чжу Юаньчжан отрицал то, что когда-то являлся членом тайного общества, однако в этот период своей жизни он уже перешел на другую сторону и сам занимался подавлением этих тайных союзов.

К 1355 г. Чжу возглавлял группу восставших отрядов. В 1356 г. он захватил Нанкин, где на протяжении последующих десяти лет укреплял свою власть, организовав для этого свою собственную административную систему, и изгонял как противников всех других восставших вместе с монголами. В 1368 г. он направил армию на север и захватил Пекин, объявив о начале правления династии Мин, что означает «Светлая».

Выбрав столь возвышенное название для династии, не связанное с названием города или района, новый император следовал примеру монголов. Не отказался он и от некоторых принципов репрессивной политики, проводившейся монголами. Однако главной целью новой династии был отказ от всего иностранного и возвращение к славным китайским традициям прошлого. Отстранение от власти варварской автократии выходцем из крестьян приятно напоминало начало правления самой впечатляющей из ранних династий — династии Хань.

Последние из оставшихся монголов были изгнаны из отдаленных районов страны в 1382 г. Несмотря на влияние такой сильной личности, как Хубилай хан и притока иностранцев в страну, годы оккупации не оказали продолжительного влияния на Китай. Китайская живопись продолжала развиваться в русле собственных традиций, фарфор юаньского периода выглядит настолько же китайским, как и в любой другой период. Система государственного управления была перенята монголами у китайцев, хотя сами монголы предпочитали не допускать

того, чтобы правительственные посты занимали китайцы. Конфуцианство стало еще более привлекательным для китайцев после девяноста лет варварского правления. В конце XIV в. китайцы вновь обрели национальную уверенность в себе, которую монголы так и не смогли уничтожить.

Однако и китайцы также не смогли оказать сильное и продолжительное влияние на монголов. Последние с легкостью вернулись к своему грубому кочевому образу жизни в степях, будто они никогда не вкушали нектара Китая или не пили своего молока в этом китайском раю.

Девиз правления «Хунъю» («Огромная военная сила»), избранный в начале династии и продленный впоследствии до конца жизни первого императора намекает на характер его царствования. Это было осознанное обращение к временам былого могущества, когда Китай расширял свои границы при династии Тан. В первые годы правления Минов обещание вернуть Китаю былую славу и былые границы неуклонно соблюдалось. Правители Кореи, Монголии, Китайского Туркестана и Вьетнама признали власть Китая, к вассальным государствам присоединились Таиланд и Бирма. Во время правления третьего императора династии Мин под девизом Юнлэ, или «Вечное счастье» армады китайских кораблей двинулись на юг и запад под командованием императорского евнуха адмирала Чжэн Хэ, дошли до берегов Цейлона и Индии, и даже далее — вплоть до Персидского залива и берегов Африки. Чжэн Хэ привез императору всевозможные экзотические предметы, а также список правителей отдаленных государств, которых должны были добавить в список вассалов Китая, потому что каждый подарок привезенный ко двору, рассматривался как дань, и его даритель как вассал. Такое количество успешных экспедиций (в период с 1405 г. до 1433 г. было организовано семь морских экспедиций) было исключительным событием в китайской истории, поскольку отправляться в далекие морские путешествия для китайцев было, в общем, не характерно и уникально по своим масштабам для любого государства того времени. Следующая экспедиция, снаряженная после 1405 г., насчитывала 62 судна и 28000 человек.

В Китае возрождались старые традиции. В 1373 г., пять лет спустя после основания империи, был издан указ, согласно которому каждая деревня должна проводить древний ритуал распития вина, который был отменен во время правления монгольской династии. Эта церемония

была призвана внедрять конфуцианские ценности на уровне деревни. «Если все селения будут соблюдать этот ритуал, — писал автор, живший в начале правления династии Мин, — тогда будет нетрудно восстановить древние традиции; ещё легче будет возродить период процветания, сыновней почтительности, а народные обычаи станут благороднее»¹.

Первым из чиновников, преуспевших в восстановлении этого ритуала, был губернатор Сучжоу. Он проводил его так искусно, что заслужил почетное упоминание в официальных хрониках. Поскольку ритуал в Сучжоу являлся образцовым для остальных провинций, он стал чем-то большим, нежели обычное сельское мероприятие. Стариков привозили издалека, в центре внимания был 105-летний старик, рожденный еще при сунском правлении и ставший символом связи поколений. Церемония начиналась с чтения закона — краткого наставления или фрагментов из конфуцианской классики о должном поведении человека в обществе, а затем, после множества взаимных любезностей, пожилые люди садились пировать. Сохранилось описание подобного праздника на котором «седобородые старики были разделены на возрастные группы — девяностолетних, восьми десятилетних и семидесятилетних, им отвешивали поклоны, выслушивали их советы, приветствовали и общались с каждым из них, демонстрировали хорошие манеры, обмениваясь комплиментами в ожидании чтения текста закона. Вокруг них собралась большая толпа любопытствующих; все они были сильно тронуты увиденным, и их чувства приходили в состояние гармонии»². После празднования губернатор Сучжоу лично провожал старейшего гостя до городской окраины города, где прощался с ним выказывая свое великое почтение. В селении, где жил старец, после этого события был учрежден Зал поколений и долгой жизни. Конфуцианство вновь, восторжествовало.

Однако в одном существенном отношении минская династия была абсолютно не конфуцианской. Минские императоры предпочитали открытый деспотизм гуманному правлению, опирающемуся на управление образованных чиновников. Этот политический курс был избран еще Хунью (императоры династий Мин и Цин в истории Китая названы по девизам правления, а не их личными именами — фактически, это был император, правивший под девизом Хунью, однако

эта оговорка, как правило, опускается). В 1380 г. он ликвидировал несколько высших административных постов, сосредоточив исполнительную власть в своих руках. В конце жизни он писал: «Тридцать один год я трудился, исполняя волю Неба, терзаемый переживаниями и страхами, не отдыхая ни дня»³. Однако последствия его переутомления порой оказывались губительными для его подданных. Например, когда до него дошли слухи о том, что губернатор Сучжоу (ещё недавно получивший от него награду за восстановление церемонии распития вина) распространяет революционные идеи, то несчастный был казнен без дальнейшего расследования. Через месяц император признал, что совершил ошибку, но это признание было скорее исключением. Бесчисленное количество людей пострадало от ужасных наказаний за незначительные проступки, а несколько чиновников были казнены только за то, что подозревались в умышленном написании уничижительных каламбуров в документах, призванных восхвалять императора. В результате среди чиновничества возрастали конформизм и чувство тревожности. Минули те времена, когда процветали свобода мысли и свобода слова, как это было в начале правления сунской династии. Жизнь китайских чиновников в большей степени, чем когда-либо становилась похожей на жизнь в традиционной английской школе-интернате. И дело было не только в решающем значении государственных экзаменов. Возникла всеобщая одержимость системой рангов и привилегий, которая подкреплялась строго регламентированными цветами одежды. Желтый цвет — цвет императора, а пуговица на чиновничьей шапке в то время, пока он поднимался по иерархической лестнице, успевала поменять девять оттенков. Было установлено множество мелких табу, более подходящих для школы, чем для государственной администрации; нарушения строго карались. Император определил список слов, которые запрещалось произносить и писать, потому что они встречались в его имени или именах его многочисленных предков. Случайное употребление запрещенного слова считалось чрезвычайно серьезным проступком и могло разрушить многообещающую карьеру, препятствовать успешной сдаче экзаменов, а в некоторых случаях каралось смертной казнью. Были установлены и дополнительные правила поведения, например в присутствии императора подданные должны были торопливо пробегать, а не

проходить спокойно. Так же были строго регламентированы промежутки времени между отправлениями личных гигиенических потребностей. Как правило, официальные лица жили в небольших помещениях на территории дворцового комплекса, но раз в пять дней они должны были уходить домой; это время получило название «для принятия ванны и мытья головы». Позже уже не существовало специальных помещений для проживания чиновников, но их рабочая неделя увеличилась, был установлен выходной в каждый десятый дни службы, которые назывались первое, среднее и последнее купания. Подобные правила поведения были подробно описаны в книге «Гунгогэ», или «Таблица заслуг и проступков» — своего рода шкале, по которой чиновник мог квалифицировать свои проступки. Одна из самых объемных книг такого рода была написана еще при правлении династии Юань, но её издание приходится на минскую эпоху. Она включала десять разделов, каждый из которых рассказывал об определенных служебных ошибках, совершаемых чиновниками. В разделе о пьянстве, среди прочих прегрешений, упоминалось:

- Продолжительные возбуждающие мысли 10
- Демонстрация обнаженных частей тела в случае справления нужды в ночное время 1
- Распутные мечты 1
- Подобные мечты влекут распутное действие 5
- Пение фривольных песен 2
- Разучивание фривольных песен 20
- Не уступил женщине дорогу на улице 1
- Если при этом взглянул на женщину 2
- Если продолжительное время смотрел на нее 5
- Если позволили себе похотливые мысли о ней 10
- Если вошел в жилище чужой женщины без предварительного оповещения 1
- Рассказывал чужой женщине о любовных делах 10
- Если это было сделано с целью вызвать в ней мысли о возбуждении 20
- Рассказывал непристойные истории с целью возбудить женщину 20
- Исключение: случай, когда подобные истории

рассказываются с целью вызвать чувство стыда у женщины⁴.

Подобный пуританский подход был немыслим при предыдущих династиях, он появился лишь при династии Юань, особенно в той части, которая касается полной изоляции женщин (однако вполне вероятно, что это была вынужденная мера их защиты от монгольских солдат). Однако ханжество стало типичной чертой конфуцианцев при правлении династий Мин и Цин, когда возрастающий деспотизм правителей служил как раз для усиления этого качества свойственного и английской старомодной школе. Первый император Мин позаимствовал у монголов и такой вид наказания, как порка стеблями тростника, что также говорит в пользу проведенной нами аналогии. Чиновники, которые вызывали недовольство у Хунту и его последователей, подвергались публичной порке. Бывали даже случаи, когда провинившегося забивали до смерти.

Неудивительно, что многие чиновники предпочитали уйти со службы. На тот момент образовалось множество семей служилого класса, которые могли себе это позволить. В других обществах посты получали при наличии земельных владений. В Китае при поздних династиях земельные наделы получали при наличии поста на государственной службе. Выходцев из семей потомственных ученых имели достаточно, земли, для того чтобы жить не испытывая нужды и поэтому целиком и полностью посвящали себя общественной жизни, живописи, поэзии и в качестве элиты местного общества решали некоторые важные вопросы, не получая за это вознаграждения.

Размышления о таком приятном, хотя и во многом паразитическом существовании, содержатся в официальной биографии Шэнь Чжоу, одного из наиболее выдающихся художников того времени:

Шэнь Чжоу родился в Чаньчжоу [в 1427 г.].

В период Юнлэ его деду был предложен высокий пост в правительстве, от которого тот отказался. Он построил себе небольшой домик-мастерскую, который назвал Западным домом и где каждый день принимал гостей и распивал с ними вино. Его дядя Чжэнцзи и отец Хэнцзи, ушедшие со службы ученые, тоже построили себе дом из бамбука, где читали, сочиняли стихи и рисовали. Даже слуги в их доме были

образованными людьми, ценившими литературу и каллиграфию.

Когда Шэнь Чжоу подрос, он прочел все книги, которые смог найти. В поэзии он подражал Бо Цзюйи, Су Дунпо и Лу Ю, в каллиграфии следовал Хуан Дунцзяню, и в этих видах искусства он добился восхищения всего мира. Однако наибольших успехов он добился в живописи, удостоившись чести быть признанным лучшим художником династии Мин.

Губернатор хотел порекомендовать его на государственный пост, но Шэнь Чжоу, обратившись за советом к «И цзину», отказался от предложения, после чего ушел в отставку. Он жил в прекрасной местности, изобилующей ручьями, бамбуковыми рощами и с павильонами, окружавшими его роскошный дом, в котором было множество книг и антикварной бронзы. Известные ученые со всей страны приезжали к нему в гости. Его добродетели и литературный талант действительно были светочем того времени.

Он ко всем относился благосклонно, однако тех, кому он мог открыть свое сердце, было совсем не много. Его лучшими друзьями были У Куань, помощник главы управления государственных дел, Ду Му, главный командующий управлением военных дел, Вэнь Линь, губернатор Вэньчжоу, и его сын Вэнь Чжэнмин, художник. Все они были высокочтимыми гражданами, людьми благородного происхождения, вдохновленные духом древности, чистые и прямодушные, подобно золочу и нефриту⁵.

Книга, в которой Шэнь Чжоу нашел совет избегать активной деятельности, была «Канон перемен» («И цзин»), руководством для гаданий, датированным раннечжоуским периодом, в которой, однако, присутствуют многочисленные позднейшие вставки. К ней часто обращались великие люди в истории Китая, также она приобрела популярность на Западе среди людей, желающих добавить что-нибудь к своему гороскопу. Как и в большинстве предсказательных систем, советы были весьма общими («будет прогресс и достижение, но следует быть решительным и точным в своем поведении») или загадочно непоследовательными («образ проникновения находится под

ложем, молодая лиса намочила хвост, переправляясь через поток»), поэтому вопрошающий обычно решал, что лучше всего поступать так, как ему нравится. Трудно поверить, что Шэнь Чжоу понадобился совет предсказателей, чтобы вести такую же приятную жизнь, какую вели его отец, дядя и дед.

Черета морских экспедиций начала XV в. прервалась так же неожиданно, как и началась. Позже морские путешествия возобновились, но маршруты были уже иными, благодаря чему в страну попал один из самых восприимчивых и способных иностранцев среди тех, кто побывал на китайской земле и составил записи своих впечатлений.

В 1571 г. Маттео Риччи готовился стать иезуитом, шел тридцать первый год с того дня, когда с целью «спасти и наставить ближних на путь истинный» было создано Общество Иисуса. Он отправился в Западную Индию, в Гоа, где на протяжении четырех лет (с 1578 г. по 1582 г.) преподавал в церковной общине и занимался самообразованием, пока его не отправили в Макао, после того, как китайцы дали разрешение португальцам основать там торговый порт. В 1583 г. он вместе со своим другом основал первую миссию в Китае, но прошло восемнадцать лет, прежде чем они попали в императорский дворец в Пекине и получили разрешение преподнести дары, которые привезли из Европы.

Удивительные вещи произошли с ним за это время. Риччи невероятно быстро изучил китайские иероглифы до такой степени, что смог составить словарь и пособие по китайской грамматике для себя и своих братьев. Он изучил самые известные произведения китайской классической литературы и перевел пять из них на латынь. Он отмечал, что «ни одно из языческих обществ, известных Европе, не знало так глубоко свою древнюю историю, как знают китайцы». Особенно он симпатизировал древнему философу Кун Фу-цзы, который «предпочитал спокойно наблюдать за птицами, имеющими отношение к будущему, чем развивать ложные представления относительно него» и назвал его латинским именем Конфуций. Затем он приступил к написанию собственных книг на китайском языке включив в них огромное количество упоминаний о христианстве, сочинил книгу о моральных парадоксах и трактат о дружбе в форме диалога с китайским ученым, который стал настолько популярен у китайцев, что

они перепечатавали его несколько раз, а также перевел первые шесть книг Евклида. Он создал карту мира, «поместив Китай в самом центре, что отвечало представлениям китайцев о местонахождении их государства, и доставило им огромное удовольствие и удовлетворение»⁶. Он носил шелковые одежды китайских чиновников, которые нарекли его Ли Матоу («Ли» был наиболее подходящим фамильным знаком для «Риччи» в китайском языке, в котором отсутствует звук «р», а «Матоу» — производное от Маттео). Закономерным вопросом, который позже возник в Риме, был следующим, кто кого обратил в свою веру?

Риччи, в отличие от иностранцев, приезжавших в Китай после него, понимал, что расположения китайцев можно добиться только адаптируясь к местным идеям, вместо того чтобы опровергать их. Отчасти это была сознательная политика, направленная на распространение веры, однако это также было и следствием широты его взглядов и интересов. Риччи был превосходным путешественником, редко воспринимающим неизвестное как нечто недостойное внимания, обладающим невероятно острым восприятием и способностью описывать увиденное. Отличным примером может послужить его заметка о книгопечатании в Китае:

Их способ производства печатных книг весьма изобретателен. Текст пишется чернилами кистью из лучшего волоса. Затем лист переворачивается и накладывается на деревянную доску. Когда бумага полностью высыхает, ее ловко снимают и на доске остается только тонкий слой бумаги с отпечатавшимися знаками. Затем стальным резцом рабочий срезает поверхность дощечки вокруг контуров иероглифов, пока они не начинают выступать, подобно барельефу. С такой дощечки умелый печатник может сделать до полутора тысяч копий в день. Китайские рабочие делают их так быстро, что это занимает ровно столько времени, сколько у нашего печатника уйдет на набор шрифта и внесение необходимых исправлений⁷.

Единственное, чему китайцы хотели учиться у Риччи, так это естественным наукам, а отнюдь не христианской религии, и именно

знания новых западных технологий обеспечивали иезуитам место при дворе. Риччи надеялся, что эти две составляющие будут идти рука об руку, отмечая в своих записях, что «китайцы не спешили принимать целительное духовное снадобье, пока оно не было приправлено интеллектуальной добавкой». На самом деле эта «интеллектуальная добавка» была явно несвежей, потому что Риччи излагал устройство вселенной по Птолемею, а учение об элементах по Аристотелю, от чьих концепций Европа уже отказалась. Однако поскольку во многом остальном он был прав, достаточно забавно читать о том, как он удивлялся глубине незнания китайцев, даже не подозревая о собственном невежестве:

Они никогда не слышали о том, что небо — это твердая субстанция, что каждая звезда занимает определенное место на небесах, что звезды не перемещаются беспорядочно, а что существует десять небесных светил, которые двигаются за счет противодействующих сил. Их познания в области астрономии были столь примитивны, что не включали информацию о существовании эксцентричных орбит и эпициклов⁸.

Еще более резко он выражался относительно китайского учения об элементах, которое, по его мнению основывалось на древних ненаучных основаниях, хотя его собственная теория, восходящая к Эмпедоклу и Аристотелю, была столь же устаревшей:

Не имея иных основ, кроме древних знаний, китайские ученые полагают, что существует всего пять элементов. Никто из них никогда в этом не сомневался. Эти элементы — металл, дерево, огонь, вода, и земля... Отец Маттео не обратил должного внимания на их веру в древние традиции [Риччи постоянно пишет о себе в третьем лице]. Он сообщил им, что существует четыре элемента, не больше и не меньше... Он написал по этому поводу комментарий на китайском языке, в котором отбросил теорию пяти элементов и обосновал теорию из четырех⁹.

Однако скорее именно технические открытия, нежели западные теории, позволили иезуитам в 1601 г. достичь своей цели в Пекине. Они томились в тянь-цзиньской темнице, брошенные туда коррумпированным евнухом, который намеревался присвоить себе подарки, предназначенные императору, когда совершенно неожиданно пришел императорский указ, предписывающий священникам явиться ко двору. Позже им рассказали, что император вдруг спросил: «Где эти часы, я спрашиваю, где часы, которые звонят сами по себе? Те, которые иностранцы привезли мне, как они пишут в своей петиции»¹⁰. Вот так механические часы открыли им дорогу ко двору. Император Ваньли, избалованный и слабохарактерный, правил из глубин своего дворца и не допускал к себе никого, кроме евнухов, поэтому Риччи так и не получил у него аудиенции. Привезенные им из Европы подарки забрали евнухи, чтобы передать императору, и те же евнухи, сообщившие о том, что император одобрил преподнесенные ему дары, вновь появились у Риччи только после долгого ожидания в состоянии неопределенности. Некоторые дары были религиозными - распятие, статуэтка девы Марии и несколько священных реликвий, однако именно часы послужили причиной того, что священнослужители получили разрешение на сооружение христианской церкви в Пекине. К часам были приставлены двое сведущих в математике евнухов, которые должны были заводить часы по мере надобности. Говорят, что это поручение упрочило их политическую власть, так как император все время держал игрушку рядом с собой и, таким образом, евнухи все время были рядом с ним. Однажды, когда мать Ваньли попросила показать ей чудо часы, император испугался, что она захочет оставить часы у себя, и, перед тем, как передать часы на ее половину дворца, он отключил механизм. Он уже подарил ей статуэтку пресвятой девы Марии.

Значение механических часов оценил по достоинству некий иезуит, описавший события, произошедшие после смерти Риччи. Прожив девять лет в Пекине и являясь выдающимся ученым, сведущим как в западной науке, так и в китайской классике, Риччи добился некоторого уважения и известности, поэтому после его смерти китайские друзья-чиновники посоветовали иезуитам обратиться к императору с просьбой выделить для захоронения почетное место, чтобы участок был достаточно большим для возведения церкви и

обители для миссионеров. Это была смелая идея. В истории Китая еще не было ни одного прецедента, чтобы иностранец был удостоен такой чести. Но все же предварительные приготовления были сделаны, и миссионеры остались дома в тот день, когда письмо было передано ко двору на рассмотрение императору.

«Когда император получил петицию, Тот, кто держит в своих руках сердца царей, вне всякого сомнения, напомнил монарху о тех дарах, которые ему преподнесли иезуиты, тем более, что рядом с ним стояли часы, которые он никогда не выпускал из поля зрения»¹¹.

Бог, вне всякого сомнения, сделал это напоминание поскольку ответ был положительным.

Основной вывод, который сделал Риччи, познакомившись с китайским мировоззрением, заключался в том, что в конфуцианских ритуалах нет ничего нечестивого:

Образованные люди [чиновники] отрицают, что они являются сектой, и считают себя классом или обществом, созданным для лучшего управления и общего блага государства. Можно сказать, что учение этого образованного сообщества совсем не противоречит христианским принципам, а само сообщество может извлечь для себя большую пользу из христианства, развиваться и усовершенствоваться с его помощью¹².

Риччи было приятно найти у Конфуция высказывание, которое почти буквально повторяло Золотое правило святого Маттео: относись к другим так, как ты хотел бы, чтобы они относились к тебе. Ему также было приятно отметить, что принцип сыновней почтительности соответствует пятой заповеди. Однако главным его выводом относительно конфуцианства — который позже стал предметом спора о ритуалах и привел к концу деятельности иезуитов в Китае — было то, что в церемониях, посвященных Конфуцию или духам предков, не было ни элементов идолопоклонства, ни религиозных предрассудков.

Это была просто дань почтения усопших. На этом основании Риччи даже испросил разрешения посетить церемонию в Храме Неба в Нанкине. Его описание этого события показывает, что он осознавал то, как тонок был лед, по которому он шел (курсив мой):

Высокопоставленные особы, имеющие отношение к литературе, отмечают торжественный день жертвоприношения в честь Конфуция, если слово «жертвоприношение» здесь уместно... За день, до этого действия они приглашают главу города посетить репетицию оркестра. Отец Риччи был приглашен на репетицию и, поскольку для него не стоял вопрос о посещении самой церемонии жертвоприношения, он принял приглашение... Отца Маттео сопровождали дети чиновников городского управления. Священники, из которых состоял оркестр, были одеты в роскошные одеяния, как если бы они собирались присутствовать на жертвоприношении»¹³.

Более тревожным был тот факт, что он заметил множество людей, которые, несомненно, пришли поклониться праху великих людей, мемориальные гробницы которых были расположены в центре города. Со свойственной ему пронизательностью, Риччи пришел к выводу, что восприятие этого ритуала различается в зависимости от класса, к которому принадлежит тот или иной человек:

Люди, в общем, не делают различий между почтением памяти усопших и поклонением божествам, потому что именно к божествам они обращаются при проведении этих ритуалов. Для образованных классов — это церемонии, проводящиеся в знак признательности за полученные ими блага, однако, простые люди, вне всякого сомнения, смешивают эту практику с поклонением божествам¹⁴.

Мысль о том, что религия — это опиум для народа, была высказана еще философом Сюнь-цзы за две тысячи лет до этих событий. По поводу подобного обряда он говорил: «Для благородных

мужей — это социальная практика, для людей низкого происхождения это поклонение духам»¹⁵.

Признав чистоту конфуцианских обрядов, миссионеры, тем не менее, буквально на каждом шагу наблюдали явные признаки идолопоклонничества. Буддийские и даосские храмы были переполнены изображениями гневных божеств и толпами приверженцев этих религий. Популярны в Китае верования были не менее многочисленными и многообразными, нежели в Индии. Так было всегда и так оставалось до недавнего времени. Даже священные тексты начала XX века для достижения успеха звали к помощи шести сотен божеств:

В добавление к вышесказанному, зываем к следующим божествам: божествам десяти направлений; всем бессмертным и мудрецам; небесному воинству; десяти высшим божествам; божествам луны, солнца и девяти главных звезд; божествам трех чиновников и четырех мудрецов; звездам пяти направлений; богам, охраняющим четыре пары небесных ворот, тридцати шести богам-громовержцам, охраняющим небеса; богам двадцати восьми главных звезд зодиака божествам-покорителям злых духов; верховному небесному божеству, Будде долголетия; божествам Кану и Ди Цзы; великим божествам триграмм девяти звезд; второстепенным чиновникам пяти направлений; второстепенным богам десяти направлений ворот и божествам кухонь; божественным генералом ответственным за год, месяц, день и час; божествам и духам четырех морей; девяти рек, пяти гор, четырех углов; холмов, лесов, рек и озер, колодцев и ручьев, каналов и заливов, двенадцати речных истоком, всем богам; *чэнхуанам* и их подчиненным; местным божествам; божествам дорог и мостов; божествам деревьев и бревен; божествам духовных командующих и солдат под командованием священнослужителей ко всем духам, ответственным за соблюдение запретов, приказов, писаний и правильного религиозного пути¹⁶.

Последняя фраза «соблюдение правильною религиозного пути» показывает те острые проблемы с которыми столкнулись иезуиты. Самое большее, на что они могли рассчитывать в Китае, так это на то, что их бог будет добавлен в список вышеперечисленных и принят китайцами.

Тем временем, святые отцы яростно уничтожали предметы языческого культа, как только им представлялась такая возможность. Здание, которое император даровал им под строительство церкви после смерти Риччи, было раньше китайским храмом. «Глиняные идолы были стерты в пыль, деревянные — преданы огню», после чего «изображение Иисуса Христа в золотой оправе было водворено на место, где раньше стояли идолы, и поклонение единому богу сменило идолопоклонничество». Эта замена одних изображений другими уже неоднократно становилась объектом иронии, так же как и симпатии иезуитов к конфуцианству, ни имевшему ничего общего с их верой.

Общество Иисуса было основано в Европе для борьбы с идолопоклонством и суевериями, что было, по сути, тем же самым, что и нападки иезуитов на китайских божеств. Равным образом те черты конфуцианства, которые делали его таким привлекательным для миссионеров, были общими с соответствующими чертами Реформации, так как отказ неоконфуцианцев от религиозных предрассудков буддизма и даосизма очень напоминал очищение христианства Мартином Лютером. Заключенная здесь ирония оказалась, в конце концов, наиболее болезненной для иезуитов. Дело в том, что конфуцианцу было довольно трудно объяснить разницу между двумя иностранными религиями, где принято поклоняться священным реликвиям. Когда Риччи приехал в Пекин, министры представили на рассмотрение императора Ваньли меморандум, в котором содержалось напоминание о том, как Хань Юй осуждал поклонение кости из пальца Будды:

Этот человек [Риччи] появился при дворе через двадцать пять лет после своего приезда в Китай. И что он предложил императору в качестве дани?

Странные вещи, не имеющие ничего общего с теми редкими ценностями, которые привозили посланники из далеких стран. Так, например, он привез с собой изображения Небесного правителя, его матери и кости бессмертных. Как будто бессмертному, который отправился на небо, нужны кости! Танский Хань Юй говорил, что подобные предметы могут принести только вред и потому не должны попадать во дворец... Мы предлагаем одарить Ли Матоу чашей или поясом и отправить его назад. Ему нельзя разрешить жить ни в одной из наших столиц, входить в тесный контакт с жителями

нашей страны¹⁷.

Однако они не упомянули про часы, которым позволили остаться.

Несомненно, единственным и величайшим успехом всей деятельности Риччи в Китае были его достижения в изучении китайского языка и литературном творчестве. Письменное слово играло огромную роль в китайской культуре, оно было значительно большей ценностью, чем даже разговорный язык, ценностью приобретшей фактически священное значение. Для китайцев было немыслимым выбросить лист бумаги с написанными на нем словами (если было необходимо уничтожить какую-либо записку, ее сжигали или закапывали в землю), это наказывалось, согласно правилам, изложенным в «Таблице достоинств и недостатков». Причиной тому была одна специфическая особенность: китайский язык намного проще для понимания, когда слова написаны на бумаге, чем их устное произношение. Риччи сделал пометку в своих записях:

Китайцы, общаясь друг с другом, не всегда четко понимают, что хотел донести говорящий, несмотря на то, что произносят слова довольно четко и излагают мысль кратко. Для того чтобы собеседник понял говорящего, иногда необходимо несколько раз повторить сказанное или даже написать. А если под рукой не было ни бумаги, ни кисти, они пытаются изобразить иероглифы на какой-нибудь поверхности водой, нарисовать пальцем в воздухе или даже на ладони собеседника¹⁸.

Причина такого непонимания заключалась в недостатке слогов, позволявших бы различать односложные слова китайского языка. В пекинском диалекте насчитывал 412 односложных слогов, в результате в небольшом словаре, состоящем из 4000 обиходных слов, было шестьдесят девять слов, произносившихся «и». Это положение несколько корректируется известной системой четырех тонов китайского языка (ровный, восходящий, восходяще-нисходящий и нисходящий), используемой для того, чтобы отличать один омофон от другого. Тем не менее они различаются отнюдь не с математической

точностью, так как из шестидесяти девяти слов, выраженных звуком «и», тридцать девять произносились с в нисходящем тоне. В этом случае «и» означало «грудь, пазуху», «другой», «пристально разглядывать», «крыло», «город», «переводить», «сто тысяч», «висеть» и еще тридцать других значений¹⁹. На практике китайцы избегают двусмысленности путем удваивания, присоединяя еще одно слово с таким же значением, но имеющее иное звучание. Это подобно тому, как мы различаем «*hang*» — «вешать» и «*hang*» — «казнить через повешение» или как дети различают «*funny*» — «смешной» и «*funny*» — «странный». В письменном виде было значительно проще понять смысл, поскольку каждым из тридцати девяти омофонов обозначается отдельным иероглифом. Еще во времена правления ранней династии Хань устный язык отличался от письменного, и вскоре это были как бы два отдельных языка факт — способствовавший обособлению людей образованных от простых китайцев. Еще одна трудность — при чтении китайских классических произведений вслух, если у слушателя не было в руках написанного текста, сложно было воспринимать услышанное. Напишите небольшой текст, состоящий из тридцати девяти слов «и», произносящихся в четвертом тоне, и на бумаге он будет иметь вполне ясный смысл, но при произношении будет выглядеть как постоянное повторение одного и того же звука.

По той же причине, если представители других культур молятся вслух, обращаясь к Богу, китайцы предпочитали писать записки божествам, которым поклонялись. Прочитав некоторые из таких записок, Риччи сделал вывод, что конфуцианские идеи были направлены на человеческие отношения, а не на духовные. Так, например, китайцы, поклонявшиеся духам предков, обязательно отчитывались в деяниях семьи перед предками. Вот пример из письма написанного Бо Цзюйи своему брату, отцу Черепахи, через два года после смерти брата. Это письмо было прочитано у гробницы как послание его духу, пока готовилось жертвоприношение, коим закончилось оплакивание:

В прошлом году весной я был назначен главным дворцовой библиотеки и получил фиолетовый пояс, этой весной я получил назначение на должность вице-председателя Департамента наказаний. Но мне пусто без тебя, у меня пошатнулось здоровье, и мне совершенно все равно, что со

мной будет дальше. Я потерял интерес к карьере чиновника любого ранга...

Все в семье, кроме Сусу, здоровы. Черепаха проявляет склонности к литературе, мы с ним каждый день читаем «Канон стихов» и «Канон истории». Через два-три года, думаю, он будет готов сдать первый экзамен. Ло Цзы взрослеет и проявляет себя с лучшей стороны, чем мы могли ожидать. У меня до сих пор нет сына. Чайный слуга, тетушка и остальные живут с Чжэнхуа; у него до сих пор та же работа... Яолян сейчас на ферме в Фули; он до сих пор не женат. Чжай-сян работает в соляном ведомстве в Пэнцзе. От них обоих приходят хорошие вести. Так как Костяной шлем, Каменный бамбук и Благовонная шпилька так долго нам служили, я решил, что после оплакивания я отпущу их. Мы взяли к себе Шаньян, и твоя жена присматривает за ней и воспитывает ее. В этом году я окончательно выкупил поместье Янлиня в Сягуй и пристроил к дому зал и внутренний дворик. Ты помнишь, мы с тобой это обсуждали, и ты сказал, что это должно быть сделано в случае твоей смерти.

А еще я купил дом на западе от Синьчана.

Я собрал твои записи и привел их в порядок. Они составили двадцать свитков... Я попрошу Его Превосходительство Господина Цуя написать вступление и передам твой труд в наследство Черепахе и Ло Цзы вместе с моими работами. Получил ли твой дух пользу от хорошей работы, сделанной твоей семьей в прошлом году? Принял ли ты жертвоприношения, которые мы приносили по утрам и вечерам в первый и пятнадцатый день каждого месяца?²⁰

Когда Риччи было разрешено приехать в Пекин, он пришел в восторг, увидев дивной красоты строения, своеобразную архитектуру, однако отозвался о ней несколько поверхностно: «изящество и красота архитектуры города подчеркиваются утонченными линиями». Читая сегодня его описания Пекина, мы убеждаемся, что город сохранил свой облик до наших дней. Пекин был значимым пунктом еще со времен правления династии Чжоу и в XII в. приобрел статус столицы. После

того, как государство Цзинь оттеснило Сунов на юг Ханчжоу, с помощью архитекторов, служивших при дворе династии Сун, был построен роскошный императорский дворец с прямоугольными внутренними дворами, напоминавший по стилю Запретный город. Но в 1215 г. город был разрушен Чингисханом, а в 1260 г. его внук Хубилай построил новый город на северо-востоке от разрушенной столицы Цзинь, постаравшись сохранить его прежний облик. И этот город, окруженный высокими стенами, назывался Ханбалык, именно им в свое время любовался Марко Поло:

В центре пространства, окруженного двойной стеной, стоит великолепный дворец великого императора, об устройстве которого я собираюсь вам поведать. Знайте, что это самое великое и прекрасное сооружение, которое можно когда-либо увидеть. Стены залов и комнат расписаны золотом и серебром и голубой глазурью, на них красуются искусно вырезанные из дерева львы, драконы, другие животные и птицы... потолок же сплошь покрыт золотом, серебром и росписью. Во дворец ведут две величественные лестницы из мрамора, которые поднимаются от пола и до верха мраморной стены, окружающей дворец, по этим мраморным ступеням попадают во дворец²¹.

Хунью, основатель династии Мин, очистил город от монголов, однако столицей Китая сделал город Нанкин, который находился южнее Пекина, где он чувствовал себя в большей безопасности. Третий император династии Мин, Юнлэ, переехал в Пекин, где построил еще один дворцовый комплекс на месте города Хубилая. С периода его правления до наших дней в Пекине сохранилось то же расположение зданий и основные памятники архитектуры. Единственным сохранившимся в первозданном виде до нашего времени шедевром этого периода (XV в.) был Храм Неба, расположенный в южной части города. Он построен на той же мраморной террасе, которую описывал Марко Поло и украшен золотом, серебром и голубой глазурью. Императорский дворцовый комплекс, также известный как Запретный город, неоднократно поджигался и разграблялся, поэтому его постройки являются относительно недавними. Однако китайское

отношение к архитектуре отлично от западного. Поскольку дерево было основным материалом для строительства, то никто не надеялся на то, что строение проживет долго, но как только оно разрушалось, его восстанавливали в первоначальном виде. Так в Китае есть здания, которые по европейским меркам можно считать не очень старыми, однако их конструкция на много древнее, чем возраст древесины.

Еще одной достопримечательностью Китая периода династии Мин, находящейся в Пекине, является Дорога духов — дорога с каменными скульптурами по сторонам, ведущая в укромную долину, где архитекторы по приказу императоров строили для них гробницы. Среди скульптур можно увидеть воинов, слонов, верблюдов и даже львов. Риччи описал в своей книге историю о том, как двое мусульман в 1570 г. приехали в Китай и привезли императору подарок, который был обречен на успех. «Этим подарком был лев — животное, о котором китайцы много слышали, но которого им крайне редко доводилось видеть. Император обрадовался такому подарку и щедро вознаграждал чужестранцев. Он пожаловал им должности в государственном суде, обеспечил достаточный доход из государственной казны, все это они могли передать по наследству; они остались при дворе и ухаживали за животным до тех пор, пока лев был жив. И даже после того, как лев умер, они не стали возвращаться на родину, чтобы им не пришлось воевать против Китая»²². Это был фактически первый живой лев, которого увидели китайцы. Но его фантазийные каменные сородичи к этому времени уже молчаливо стояли на своих постах.

В европейском сознании название династии Мин неотделимо от минского фарфора. Сам Риччи приводит лишь краткое описание этой великолепной китайской технологии, отмечая только, что «в Европе нет ничего подобного ни с точки зрения материала, ни с точки зрения его тонкой и хрупкой структуры», и добавляет, что во всем мире «фарфор высоко ценится теми, кто на своих приемах предпочитает утонченность, а не помпезность». Краткость описания Риччи была дополнена век спустя последователем Риччи, иезуитским священником из Франции д'Антрколем, который, как и Риччи, интересовался всем китайским. Он переводил труды китайских ученых, отсылал домой во Францию свои комментарии к различным работам в области истории, физики, этнологии, археологии, астрономии, заметки о прививке против оспы (за много десятилетий до того, как Эдвард Дженнер

открыл вакцину в 1790 г.). Однажды его любопытство привело его в город Цзиндэчжэнь на фабрику по изготовлению изделий из фарфора, сложная технология производства которого в самом Китае считается непревзойденной. Он описал это в двух письмах, адресованных его настоятелю. В первом письме, датированном 1712 г, он пишет, что этот город гончаров интересует его только с религиозной точки зрения:

В течение моих периодических посещений Цзиндэчжэня с целью получить ответы на интересующие меня вопросы о местной религии, я стал свидетелем того, как изготавливают фарфор, который пользуется всеобщей любовью и из Китая доставляется во все уголки мира. Несмотря на то, что даже моя любознательность не заставила бы меня приняться за подобное исследование я, тем не менее, решил, что детальное описание некоторых аспектов этой работы будет полезно для Европы²³.

Подобное отречение вряд ли бы звучало убедительно из уст человека, который так долго любовался тем, что он описывает, однако это было письмо настоятелю, в котором он описывал тяжкий труд низкооплачиваемых рабочих. Население насчитывало около миллиона человек, «которое ежедневно съедает более десяти тысяч порций риса и более тысячи свиней». Сам д'Антрколь считает, что количество людей преувеличено, однако замечает, как сложно передвигаться по городу среди носильщиков, снующих по узеньким улочкам. Он описывает город совсем как современный промышленный центр:

Вид, который вам открывается, — это... клубы дыма и языки пламени, поднимающиеся из разных частей города. Так что если приближаться к городу ночью, то кажется, что город горит в огне или напоминает гигантский горн с огромным количеством выходных отверстий.

Как и везде в императорском Китае, жизнь здесь протекала под строгим контролем:

Здесь есть полицейская охрана: на каждой улице есть один или несколько надзирателей, в зависимости от ее протяженности. У каждого надзирателя есть десяток подчиненных, которые отвечают за десяток домов. Они должны следить за порядком под угрозой наказания палками, которое здесь официально принято. На дорогах есть дорожные ограждения, которые закрыты ночью и открываются только сторожем для тех, кто знает пароль²⁴.

Цзиндэчжэнь стал главным центром производства фарфора, поскольку возле города были найдены залежи китайской глины, известной под своим китайским названием — каолин, и китайский камень, химические свойства которых и реакция при температуре 1400 градусов по Цельсию как раз и делают возможным изготовление уникального китайского фарфора. Китайский камень перетирают в порошок и смешивают с глиной, при высокой температуре нагрева смесь обретает свойства, присущие стеклу. Если не добавлять глину, то порошок просто растечется, но глина удерживает форму, а китайский камень придает прозрачность настоящему фарфору. Изобретение фарфора приписывают мастерам династии Тан и датируют примерно 700 г. н. э. это на тысячу лет раньше, чем фарфор начали производить в Европе. Несколько изделий были привезены в Европу в Средние века и с восторгом восприняты европейцами. За этим последовали века экспериментов в попытках симитировать процесс изготовления фарфора (превосходство китайского фарфора замечательно описывается в английском стихотворении 1685 г.: «О женщинах, как и о Чейни, надо заботиться: одна трещинка уже обесценивает ее до обыденного уровня»²⁵), но все, что у них получилось, - смесь матового стекла с глиной - достаточно мягкая масса, более хрупкая и менее качественная, чем китайский фарфор. Попытки продолжались вплоть до 1707 г, до тех пор, пока двое мастеров из Саксонии не раскрыли секрет китайского фарфора. Это стало началом производства дрезденского, или мейссенского, фарфора, и впервые в истории посуда из европейского фарфора была выставлена на Лейпцигской ярмарке в 1713 г., как раз на следующий год после письма д'Антрколя. Таким

образом, европейские мастера предвосхитили важные сведения, содержащиеся в этом письме.

Ни один вид фарфора не был так широко известен как бело-голубой китайский фарфор. Западные мастера стремились перенять технику его изготовления, копируя китайские образцы, центром производства этого вида фарфора стал город Делфт. Бело-голубой фарфор уже производился при правлении Юань и, что очень вероятно, еще в конце правления династии Сун, однако совершенства он достиг при династии Мин.

Необходимо незаурядное мастерство при обжигании этого вида фарфора, поскольку рисунок скрывается под слоем глазури, и во время обжига поверхность остается непрозрачной. Д Антрколь приводит подробное описание процесса:

Красивый голубой цвет вновь появляется на фарфоре после его исчезновения на какое-то время. Когда краска наносится в первый раз, фарфор кажется почти черным, затем когда изделие высыхает, наносится глазурь, скрывающая цвет, и он становится почти белым. Но огонь заставляет его проявиться во всей красе, подобно тому, как солнечное тепло заставляет прелестных бабочек вылетать из коконов²⁶.

Мастера Мин отошли от классической строгости изделий династии Сун, порой позволяя себе «барочное» изобилие орнаментации, хотя иногда они впадали и в другую крайность.

Когда Риччи наконец-то попал в Пекин и удостоился аудиенции у императора, династия Мин уже переживала период упадка. Как и все те, кто когда-либо был удостоен столь высокой чести, он прошел процедуру подготовки к приему — ему подобрали соответствующие одеяния, отрепетировали с ним церемониал, и тогда, наконец, евнухи торжественно отвели его в зал, где он отвесил низкий поклон пустующему императорскому трону. То, что император отсутствовал, не удивило его, поскольку всем было хорошо известно, что император Ваньли уже никого не принимал на протяжении многих лет. Даже министры видели его крайне редко. Когда он покидал стены дворца, на паланкин, в котором его несли, был накрыт балдахином, так же как и все остальные паланкины в процессии, это делалось для того, чтобы

никто не мог узнать, в каком из них находится император. Однако его отстранение от мирских дел не было чем-то вроде «святого молчания» Генриха VI. Это было потакание капризам избалованного юнца, который взошел на престол в девятилетнем возрасте и был окружен в основном женщинами и евнухами и для которого покой и дворцовые утехы стали всем, что он знал в этой жизни и что хотел знать. Но даже не покидая Запретного города, он умудрился потратить огромное количество денег на подарки наложницам и на развлечения, среди которых была и его собственная свадьба, отпразднованная с беспрецедентным расточительством. В возрасте двадцати двух лет он начал строительство собственной усыпальницы рядом с гробницами своих предков. Через шесть лет строительство было закончено, и огромная процессия крытых паланкинов выдвинулась из Запретного города к месту будущего погребения, чтобы исполнить последнюю «могильную» прихоть императора. Он решил устроить прием в своем «будущем доме». Второй раз он прибыл туда в 1620 г., на этот раз окончательно, и с тех пор покоился там, под этим рукотворным холмом, по традиции засаженным соснами, пока его гробница не была раскопана археологами в 1956 г. Внутри его усыпальницы нашли три лакированных гроба: император был погребен вместе с двумя женами с соблюдением всех необходимых церемоний. Все три скелета были облачены в черные одежды, украшенные золотом. От Ваньли, помимо костей, остались клочья волос и бороды. Следуя традиции, он был похоронен вместе с теми людьми и предметами, которые могли бы ему понадобиться в загробной жизни.

Наибольшую выгоду от уединенного образа жизни императора Ваньли получили евнухи. Основатель династии, Хунью, будто бы предвидев то, что приведет династию к упадку, воздвиг во дворце огромный диск, на котором было написано о том, что «евнухи должны быть отстранены от какой-либо административной работы»²⁷. Он запретил им прикасаться к документам и настоял на том, что нет необходимости давать им какое-либо образование. Столь строгое отношение к евнухам неудивительно для человека, который единолично управляет империей. Однако наследники престола, которые с самого рождения были окружены наложницами, и для которых евнухи были единственными друзьями и советниками, относились к ним по-другому. Неизбежная симпатия к ним видна в письмах, написанных главному

евнуху великим Канси, вторым цинским императором. Во время своих путешествий по империи, он передавал сплетни, а также разную интересную информацию тем, кого называл своими «домашними», имея в виду дворцовых женщин и евнухов. В одном из своих писем он писал:

Среди местной продукции, которую мне прислали мусульмане из Хами вместе с [пойманными] разбойниками из Джунгарии, только вяленая мускусная дыня была действительно вкусной. Я посылаю и вам немного. Но поскольку я боюсь, что вы не разберетесь, что с ней делать, то пишу вам: после того, как вы вымоете ее в холодной воде, погрузите ее в горячую воду, но ненадолго, а потом ешьте ее холодной или подогретой. Она вкусна, как свежая, и сок ее напоминает медовый сушеный персик. Там, где увидите дырочки от косточек, положите в них небольшие виноградины.

Передай это моим женам. Это легкомысленно, но сердце мое с вами — не смейтесь надо мной за это²⁸.

Канси был способен держать евнухов под контролем, хотя и очень их любил, чего нельзя сказать о более слабых минских императорах. Спустя столетие после указа Хунью, на территории дворца была открыта специальная школа, в которой евнухи получали образование под руководством избранных членов академии Ханьлинь. Число евнухов во дворце росло по мере того, как росло количество дел, для которых их нанимали. В XV в. они вели секретную документацию, касающуюся официальных лиц, состоящих при дворе, а когда при Ваньли все документы стали проходить через руки евнухов, они уже «держали руку на пульсе» всей империи (оставляя множество грязных отпечатков). Гром грянул в 1620 г, когда пятнадцатилетний император интересовавшийся только гончарным делом, недолго думая, передал все государственные дела в руки евнуха, который служил дворецким у его матери. Этот человек, Вэй Чжунсянь, строил политику исключительно на терроре, казнив всех своих врагов среди чиновников, взимая непомерные налоги, большая часть денег уходила на возведение храмов, посвященных ему, и укреплял свои позиции на троне при

помощи сети шпионов и информаторов, которая охватывала всю страну. Вэй был изгнан последним императором династии Мин, Чунчжэнем, который пришел к власти в 1627 г., но к этому времени было уже достаточно много тревожных симптомов, характерных для упадка династии. Массовые волнения, усугубленные голодом, которые могли быть преодолены только сильным правительством, привели к вооруженным восстаниям. На севере вновь появились варвары, начав захватывать земли китайцев, на этот раз это были маньчжуры. Они жили в отдаленном восточном районе, названном Маньчжурия, однако теперь они подступили к южной части Великой китайской стены и даже пытались захватить Пекин в 1629 и 1638 гг.

Первым, кому удалось захватить Пекин в 1644 г., был руководитель одного из восстаний. Вместо того чтобы собрать силы и отстоять город, последний минский император проявил слабость, покончив с собой. Он повесился в дворцовом павильоне, на холме с видом на Запретный город. Главнокомандующий армией, находясь на северо-востоке от Пекина, взял защиту империи в свои руки. Он повторил ошибку своих предшественников, обратившись за помощью к варварам, чтобы отстоять Пекин и подавить восстание. Маньчжуры согласились. А затем, не без помощи главнокомандующего армии Мин, который уже понял, в какую сторону ветер дует, маньчжуры заняли трон.

Это было решением, которое уже созревало в умах маньчжурских правителей на протяжении не которого времени. Веками они проводили политику расширения границ своих владений, так, например, они вторглись в Корею, и правители этой страны признали ее частью их государства. А в 1636 г. маньчжуры уже объявили о начале новой династии в Китае. Следуя примеру основателей династий Юань и Мин, они назвали новую династию Цин, что означало «Чистая». Но упоминание об этой династии впервые появилось в китайской летописи лишь через восемь лет, когда маньчжуры усмирили повстанцев в Пекине.

Династия Цин известна в китайской истории как династия пришельцев, захвативших Китай, однако, между завоевателями и завоеванными не было столь сильных культурных различий, как это было в случае с монголами. Если считать, что варварам была чужда учтивость поведения китайцев, то маньчжуры уже давно перестали быть варварами. Власть в Китае переходила в руки маньчжуров

постепенно. Долго продолжалась переписка между маньчжурским регентом (правитель в 1644 г. был еще ребенком) и китайским генералом, который защищал Янчжоу от лица двоюродного брата последнего императора династии Мин, воспринимавшегося его последователями в качестве законного Сына Неба. Маньчжурский регент, чтобы доказать, что Небесный мандат принадлежит новой династии и что лучше сдаться сейчас, ищет подтверждения своим словам в «Летописях весен и осеней» (в то время считалось, что они написаны самим Конфуцием), прибегая к источнику IV в. н. э. и заканчивает письмо словами:

В «Книге ритуалов» написано: «Только благородный муж может оценить хороший совет», поэтому я с искренней надеждой жду Вашего решения. Моя душа стремится к Вашему Превосходительству, и я жду Вашего ответа. Многие еще осталось недосказанным²⁹.

Генерал Мин ответил в соответствии с этикетом, что задержка письма вызвана «не тем, что я не ценю Нашего участия в том, что Вы мне написали, а уважением принципа, обозначенного в “Летописях весен и песней”»: министр одной отрасли не имеет права вести тайную переписку с представителем другой». В своем ответе маньчжурскому регенту он оспаривает упомянутый тезис:

Письмо, которое я имел честь от Вас получить, заставляет меня нарушить принципы, записанные Конфуцием, о наследовании трона. Я восхищен удачным применением этой цитаты, однако в своем сочинении Конфуций имел в виду только феодальных принцев, которые погибли от руки убийц... Мудрец не может отнести этот принцип к ситуации, когда законный правитель империи совершает самоубийство перед алтарем в знак почтения к божествам. В такой ситуации столь подобострастное буквальное следование принципу было бы проявлением жестокого безразличия к империи в целом и, естественно, привело бы нашу империю к ужасам анархии и гражданской войны³⁰.

Генерал не хотел сдаваться, и Янчжоу был захвачен маньчжурами, которые учинили в городе ужасную резню. Но, во всяком случае, все формальности были соблюдены. Маньчжурская династия, несмотря на то, что была иноземной, принимала китайские традиции.

ДИНАСТИЯ ЦИН (1644—1912)

Император Шуньчжи, которому было всего шесть лет, когда маньчжуры захватили Пекин и объявили его Сыном Неба, казалось, олицетворял собой всю варварскую природу захватчиков. Искусство его интересовало больше, чем государственные дела, ему удалось завоевать уважение и признание китайских ученых-художников: он рисовал потрясающие картины в том свободном импрессионистском стиле, который так любили китайцы. Согласно летописям, он умер в двадцать три года, в 1661 г., однако, по неофициальным источникам, в том году он отрекся от трона и стал буддистским монахом в монастыре неподалеку от Пекина. Как бы там ни было, во главе новой династии опять оказался ребенок, семилетний сын первого императора. Но, в отличие от Шуньчжи, его правление продлилось шестьдесят один год. Правитель Канси был, бесспорно, самым восприимчивым, цивилизованным и высокообразованным из всех правителей китайской империи.

Хорошей иллюстрацией его дипломатических способностей может послужить то, как он заручился поддержкой конфуцианцев. Многие из них, подобно своим предшественникам в период монгольской оккупации, считали, что сотрудничество с захватчиками унижает их достоинство. В 1678 г. Канси приказал собрать всех талантливых людей Китая и рекомендовать их в качестве кандидатов для прохождения государственных экзаменов. Из тех, кто в конце концов был рекомендован (сама рекомендация больше походила на приказ), некоторые заявили, что скорее покончат с собой, нежели согласятся, другим же удалось представить уважительные причины, чтобы не являться на экзамены. Большая часть из тех ста сорока трех кандидатов, которые все-таки явились на экзамен, была настроена весьма враждебно. Однако их отношение изменилось после того, как они узнали, что новый император собирается отобрать пятьдесят лучших

ученых для того, чтобы составить новую историю династии Мин. Верные этой династии, они просто не могли отказаться от такого предложения. Завершив поставленную задачу, они заняли высокие посты в правительстве. Естественно, что противостояние не могло продолжаться бесконечно, и спустя несколько лет китайские ученые уже занимали многочисленные правительственные посты.

Канси был достаточно умен и понимал, что иностранцы представляют потенциальную угрозу империи. В юности ему нравилось общаться с иезуитами. Их интеллектуальные способности и философский склад ума импонировали ему, а их научные знания были крайне необходимы китайцам. Были случаи, когда их календарь и предсказания затмений оказывались более точными, чем китайские и арабские, они также достигли высот в изготовлении оружия. Последнее особенно ценилось китайскими императорами, а когда об этом узнали в Риме, это вызвало всеобщее удивление. Канси очень тепло относился к иезуитам и в 1692 г. даже издал декрет в их защиту:

Мы серьезно обсудили вопрос о европейцах.

Они не вызывают волнений в провинциях, они не причиняют вреда никому... их доктрина не имеет ничего общего с доктринами еретических религиозных сект, и у них нет намерения подстрекать к восстаниям. Мы не будем чинить препятствий ни татарским ламам, ни китайским бонзам строить храмы... еще меньше у нас оснований чинить препятствия европейцам, которые учат только добрым законам, мы не возражаем против того, чтобы они строили свои церкви и публично проповедовали в них свою религию¹.

Последующие события изменили мнение императора. Он был особенно разочарован спором о ритуалах — дискуссией о ритуале поклонения духам предков, возникшей между Римом и миссионерами, суть которой сводилась к вопросу, присутствует ли в этих ритуалах нечестивое поклонение мертвым. В этом споре Канси поддержал иезуитов, написав Папе послание, в котором говорилось, что Риччи правильно трактует ритуалы, воспринимая их просто как выражение почтительности. В очередной папской булле сообщалось о том, что такое понимание ритуалов является неверным, и это по понятным

причинам разгневало императора. Недавно прибывшие из Франции миссионеры согласились с Римом, но они слишком мало знали о самом Китае и китайцах. Канси пишет об одном из них: «Мегро не просто невежествен в китайской литературе, он даже не знает самых простых иероглифов. Тем не менее он взялся говорить о ложности нравственных принципов Китая». Это и другие подобные разногласия в христианской церкви привели к тому, что император пересмотрел свое прежнее отношение к миссионерам: «В католической религии Общество Петра спорит с иезуитами, португальские иезуиты хотят, чтобы у них была своя церковь, в которую был бы допущен только их народ, того же хотят и французы. Это нарушает принципы религии»².

В 1703 г. император был встревожен, когда во время поездки по южным провинциям узнал, что по всей стране путешествуют миссионеры. Он принял решение, что в дальнейшем они должны находиться под более строгим контролем, сумев точно определить, что между миссионерами и купцами, религией и торговлей, существует некая неопределенность в статусе, которая 150 лет спустя привела к очередным проблемам. «Из-за того, что так много жителей Запада прибывает в Китай, было трудно определить, кто из них миссионер, а кто притворяется таковым», на самом деле являясь «бесполезными, жадными торговцами, всюду сующими свои носы, не заслуживающими права здесь находиться». «Я боюсь, — добавляет он, — что в будущем у Китая возникнут проблемы с различными западными странами. Таково мое предсказание»³.

На протяжении столетий арабских мореплавателей по-дружески принимали в китайских портах, мнение же китайцев о европейских торговцах было совсем другим. Первое знакомство китайцев с торговыми методами португальцев произошло в 1517 г., когда флотилия португальских кораблей, плывшая мимо берегов Китая из Макао, проигнорировала установленные китайцами правила, отказавшись сделать месячную остановку в устье реки и прибыла на якорную стоянку в Кантоне с развевающимися флагами и артиллерийским залпом. Впоследствии португальцы объяснили что этот залп был знаком приветствия, однако, несмотря на то, что, возможно, так и было, двусмысленность этого жеста шокировала китайцев. Смятение вызывало также и то, что купцы прибыли на военных кораблях (так происходило на протяжении всей истории европейской торговли в

Китае). Люди, которые покидали Лиссабон, Амстердам, Лондон, чтобы отправиться в Китай, на родине слыли искателями приключений, однако на другом конце света их считали пиратами. Кроме того, во многих случаях их поведение вполне оправдывало прозвище, которое им дали китайцы «заморские черти».

Англичане не появлялись в Китае в течение еще ста двадцати лет, их прибытие стало еще менее благоприятным событием. В 1636 г. Джон Уэддел прибыл из Дувра на шести кораблях с грамотой от Чарльза I, в которой содержалась просьба разрешить торговлю в Китае. Он проплыл по Жемчужной реке^[17] без разрешения китайцев, сойдя на берег, его матросы захватили форт, вынесли оттуда большое количество пушек, сменили китайский флаг на британский, сожгли несколько джонок, а потом и весь городок после того, как вывели оттуда свиней; затем был сожжен еще один форт. После захвата первого форта Уэддел послал записку местным чиновникам, в которой уверял, что «нашим единственным желанием было заслужить дружбу и право на свободную торговлю в стране», но после того, как англичанам не оказали, по его мнению, должного уважения и после неудачной попытки китайцев отконвоировать его корабли вниз по реке или же разоружить их, он решил, что они «нанесут такой урон китайцам, какой только возможен»⁴.

Китайцы не были против торговли как таковой, они лишь пытались ограничить сферу деятельности западных варваров пределами одного порта. В 1557 г. полуостров Макао был временно передан в аренду португальцам вместе с правом торговать в Кантоне один раз в году. Те, кто хотел торговать в центре страны, могли сделать это только после подношения даров императору. Древняя традиция подносить императору дары и получать за это вознаграждение была весьма удобным средством контроля торговли с кочевыми северными племенами. Множество караванов собиралось в разных местах у Великой китайской стены. Попадая в Пекин, купцы пользовались гостеприимством китайцев, и размещались в специальных резиденциях. Каждый представитель какого-либо отдаленного государства должен был преподнести дары императору, что формально делало правителя его государства вассалом Китая. Купцы могли, например, привезти лошадей, которых всегда недоставало в Китае, и получить в ответ щедрый подарок от императора — большое

количество шелка. Это была искренняя торговля, обмен необходимыми товарами потребления. Иногда кто-либо мог приехать с практически ничего не стоящими дарами, но он все равно получал вознаграждение (если им были привезены дары, то они, скорее всего, предназначались лично императору). Однако подобные отношения — ограниченная прибрежная торговля и подношение даров — были единственным видом торговли с иностранцами, который стремились поощрять китайцы. В то время они не нуждались в иных торговых отношениях.

Исторически сложилось так, что рядом с китайской империей не было соседей. Неоднократно империя включала в себя почти весь обитаемый субконтинент, в суровых же степях севера обитали только кочевники. Поэтому неудивительно, что китайцы считали свою страну центром цивилизации, окруженным варварами и вассальными народами. Теперь благодаря развитию европейского морского судоходства у китайцев появились соседи, которые в действительности были и за столетие до того, как китайцы признали этот факт. Их поведение мало чем могло заставить усомниться китайцев в том, что это не варвары, однако те утверждали, что они не вассалы Китая. Несмотря на огромные размеры китайской империи они ожидали, что будут обмениваться послами на правах независимых государств и надеялись, что смогут торговать здесь так же свободно как и в Европе. Китайцы были искренне удивлены их наивностью.

Самым известным случаем столкновения этих двух непримиримых позиций стал прием в Летнем дворце в 1793 г., устроенный внуком Канси, Цяньлуном, которому было тогда восемьдесят три года, в честь лорда Макартни, посла Георга III Английского.

В сентябре 1792 г. из Спитхеда отчалил военный корабль с 64 пушками на борту. Секретарем лорда Макартни был сэр Джордж Стаунтон, который ранее служил с ним в Индии, пажом посла был одиннадцатилетний сын сэра Джорджа. Их сопровождали двое врачей, два художника, учитель-немец юного Стаунтона, а также слуги, мастеровые, солдаты и музыканты. На другом корабле размещалась свита и подарки для императора: измерительные и оптические приборы, модель Солнечной системы, воздушный шар и огромное количество часов, которые считались важнейшими из подарков еще со времен Риччи. Когда в июле следующего года корабли причалили к берегу в устье реки Бэйхэ, где находился ближайший к Пекину порт,

китайцы не сомневались в том, что иностранцы прибыли с единственной целью — поднести дары императору. Содержимое обоих кораблей было погружено на величественные суда, которые Макартни упоминает как «яхты», и после традиционных обменов учтивыми приветствиями и череды празднеств, процессия отправилась вверх по реке и каналу в Пекин. На топ-мачте развевались красочные флаги с надписью: «Английский посол привез дары императору Китая», но Макартни, будучи истинным дипломатом, решил проигнорировать эти надписи, решив, что значение иероглифов все равно не будет ему разъяснено.

Прибыв в Пекин, они отправились на север в Летний дворец Чэндэ, располагавшийся за Великой стеной, где в то время пребывал император. Как Макартни писал впоследствии в своем дневнике, этот путь они проделали в «маленьком аккуратном английском дилижансе, который я привез с собой, запряженном четырьмя маленькими лошадьми ростом не более одиннадцати локтей; думаю, что это была первая вещь производства фабрики Лонгэйкра проехавшая по этой дороге». На протяжении всего пути двое сопровождавших его высокопоставленных чиновника, Ван и Чжоу, «периодически подсаживались ко мне в дилижанс и несказанно удивлялись и восхищались его легкости и скорости передвижения, упругости езды по неровным дорогам, его рессорами и приспособлением для подъема и опускания стекол, занавесок и ставней»⁵. Джорджа Стаунтона несли в паланкине, поскольку у него случился приступ подагры. Процессия останавливалась, чтобы осмотреть Великую китайскую стену. Ван и Чжоу не предполагали, что она может вызвать подобное восхищение, которое выказал Макартни («несомненно, это величайшее творение человеческих рук»), и так нетерпеливо понуждали его продолжить путь, что лорд решил, будто они заподозрили его в каких-то дурных умыслах относительно стены. В конце пути перед въездом в Чэндэ вся кавалькада выстроилась в великолепную процессию. Впереди ехали сотни чиновников верхом на лошадях, затем отряд английских драгунов, за которым шли пехотинцы с барабанами и маленькими флейтами, далее, в свою очередь, следовало множество придворных и музыкантов, облаченных в дорожные одежды золотого и зеленого цветов, и, наконец, сам посол и Джордж Стаунтон со своим сыном, которые ехали в «колеснице». Позже Макартни узнал, что император наблюдал

за процессией из расположенного на холме сада, и она ему очень понравилась.

Это произошло в воскресенье восьмого сентября, а прием у императора был назначен на субботу следующей недели. В это время Ван и Чжоу, готовящие гостей к приему, заговорили о церемонии «коуту» — земных поклонов императору, которая в течение всего последующего столетия символизировала различие в мировоззрении китайцев и европейцев. Слово «коуту» на литературном китайском языке означает «удары головой». Ритуал состоял в том, что любой входящий в зал к императору должен был трижды преклонить колени и простереться на земле, коснувшись лбом пола. Подобное раболепие не сочеталось с понятием о чести английского джентльмена, а в политическом отношении это было равносильно признанию, что его монарх является вассалом китайской короны. Ван и Чжоу пытались внушить иностранцам, что этот ритуал обязателен, при этом демонстрируя как просто его исполнить. Однако Макартни настаивал, что выполнит все эти указания чиновников лишь в том случае, если кто-нибудь равный ему сделает то же самое перед портретом Георга III. В качестве альтернативы он предложил продемонстрировать дань уважения императору так, как это было принято у него на родине, то есть преклонить колени и приложиться губами к его руке. Сама мысль об этом должна была сильно шокировать китайских чиновников, и к среде первой проведенной в Чэндэ недели было решено, что сэр Макартни должен будет просто встать на одно колено и склониться при встрече с императором.

В великий день встречи с императором Макартни и его сопровождающие были облачены в парадные одежды, которые они считали соответствующими «восточным идеям и традициям». На Макартни была «роскошная вышитая мантия с кружевным воротником, бриллиантовой застежкой и бриллиантовой звездой. Сэр Джордж Стаунтон также был облачен в роскошный вышитый бархат и, будучи доктором юридических наук Оксфордского университета, носил подобающее его статусу облачение из алого ниспадающего шелка». Их проводили в беседку, где они около часа дожидались приема, пока наконец не появился император Цяньлун, которого несли в открытом паланкине шестнадцать человек. «Когда его проносили, — пишет Макартни, мы отдали дань уважения, опустившись на одно колено, а

китайцы, как обычно, распростерлись на земле». Здесь случайно открывается одно любопытное обстоятельство: в своем дневнике Стаунтон-младший писал: «Мы встали на одно колено и склонили головы до земли»⁷. Однако последние слова позже были вычеркнуты. Тем не менее не столь важно, как низко опустил голову посол, главное то, что он не распростерся ниц.

Когда император занял место на троне, Макартни преподнес ему золотую шкатулку, украшенную бриллиантами, где находилось письмо, написанное Его Величеством. Его спутник преподнес императору «два изящных пистолета». В ответ они получили изделия из гравированного нефрита, чем были весьма разочарованы («они высоко ценятся в Китае, однако для меня не представляют никакой ценности»). Затем последовал пятичасовой праздник, во время которого демонстрировали свое искусство борцы, акробаты, канатоходцы и актеры. Один раз император позвал Макартни к себе, чтобы подать ему чашу подогретого вина, и поинтересоваться возрастом короля — не вызывает сомнений, что это был любимый вопрос активного восьмидесятилетнего человека, которого Макартни описывает как красивого пожилого джентльмена, всё еще бодрого и здорового, на вид не старше шестидесяти лет». Это дружелюбие со стороны императора могло быть многообещающим жестом, даже если бы обсуждение предложений короля Георга и не состоялось. Макартни заканчивает описание этого дня следующим образом:

Я увидел царя Соломона во всей его славе.

Я использую это выражение потому, что виденное мною напомнило мне детское кукольное представление с таким же названием, которое произвело на меня такое сильное впечатление, что я решил, будто это истинное отображение высочайшей степени человеческого величия и благодати⁸.

По прошествии трех недель, в течение которых не было предпринято более никаких существенных обсуждений, в покои Макартни торжественно внесли кресло, обитое желтым шелком. На сидении кресла лежало императорское письмо королю Георгу. Чиновники объяснили, что настало время посольству отправляться в обратный путь. Макартни написал письмо императору, в котором

перечислил те вопросы, которые не упоминались в письме короля и о которых Макартни даже не успел сообщить императору. Цель их визита заключалась в том, что англичане просили разрешения на открытие постоянного представительства Англии в Китае, разрешения на торговлю на всей территории Китая, а не только в Кантоне, разрешения построить магазин в Пекине, использовать мелкие ненаселенные острова в качестве базы, такой, как Макао, который китайцы сдали в аренду португальцам, и просили освобождения от некоторых налогов и обязательств, которые возлагались на иностранцев, торгующих на территории империи. Его письмо осталось без ответа. Десять дней спустя, плывя вниз по реке, сопровождаемый лодкой, груженной двумя коровами — китайцы заметили, что англичане очень любят чай с молоком, которое непросто достать в Китае, Макартни признался себе, что китайцы его озадачили: проявив невероятную вежливость и уважение, проигнорировала саму цель его визита. Он успокаивал себя: «Что касается простых людей, то они благосклонно относятся к запретным товарам. В порту, где мы остановились, мне показалось, что для них нет ничего более приятного, чем видеть наши корабли в их гавани»⁹. Вскоре так и будет.

Некоторые считали, что провал миссии Макартни связан с тем, что он отказался от выполнения *коутоу*, поэтому голландцы решили придерживаться другой линии поведения, когда направили в Китай своих послов несколько месяцев спустя. Позже они подсчитали, что за тридцать семь дней пребывания там они, желая получить соответствующее вознаграждение, преклонили колени не менее тридцати раз. Они простирались и перед табличкой с именем императора, и даже перед изюмом, посланным им монархом. Они так и не научились выполнять *коутоу* грациозно, и когда один из голландцев впервые преклонил колени, с него слетел парик. Пожилой Цяньлун разразился смехом. Голландцы покинули Пекин, добившись не большего, чем смог осуществить Макартни, но, в отличие от последнего, еще и с поправленным чувством собственного достоинства.

Горькая правда заключалась в том, что Китаю просто не нужны были европейские послы и торговцы — факт, который был ясно высказан императором в том самом письме королю Георгу III, которое получил Макартни:

Что касается вашей просьбы, о король, прислать к нам вашего соотечественника, чтобы он постоянно представлял вашу страну в Поднебесной, то это противоречит гармонии нашего государственного строя, поэтому мы не можем на это согласиться. Европейцы, которые желали служить в Поднебесной, и раньше приезжали в столицу. Однако после их прибытия на них надевали китайские одежды, им предоставляли строго определенное место жительства, и им не разрешалось возвращаться на родину. Достоинство и авторитет Небесной династии известны настолько широко, что бесчисленное количество правителей различных государств прибывают в Китай с ценными подарками. Мы ни в чем не нуждаемся, как мог заметить глава вашей делегации и сопровождающие его лица. Мы никогда не запасались странными или необычными вещами, и мы не нуждаемся в изделиях вашей страны¹⁰.

Последняя фраза указывает на сущность проблемы. Страсть англичан к китайскому чаю была настолько сильна, что английские купцы даже не заметили, как начали больше покупать в Китае, чем ввозить туда. Драгоценное английское серебро, которое являлось единственным приемлемым для китайцев обменным товаром, уходило в Китай. Макартни с надеждой отмечал, что император разрешил придворным носить шерстяные одежды в короткий период времени между облачением в летние шелковые халаты и в прошитые мехом парчовые зимние одеяния. Возможно, это стало бы поводом для открытия суконных фабрик по западному образцу, которые ждали своего часа. Однако вскоре англичане нашли тот товар, который обеспечил им торговлю с Китаем — опиум. Уже ко времени визита Макартни опиум составлял одну четверть от товаров, которые отправлялись на восток из Британской Индии, несмотря на то, что продажа наркотика уже довольно долго находилась в Китае под запретом.

История с опиумом — самая бесславная страница во всей истории империализма. Китайцы курили опиум на протяжении всего XVIII столетия, постепенно росло количество наркоманов, но процесс шел достаточно медленно. Однако активность иностранцев, в основном

англичан, способствовала тому, что курение опиума приобрело колоссальные масштабы и в начале XIX в. превратилось в национальную проблему. Количество ввозимого опиума каждые пять лет возрастало вдвое, поэтому вскоре отток серебра в Китай прекратился. Как и в случае любой нелегальной торговли, прибыли от продажи опиума были огромными, но большая их часть оседала в карманах высокопоставленных чиновников, отвечающих за уничтожение опиума, — обстоятельство, которое фактически свело на нет эффективность многочисленных императорских указов, запрещающих торговлю опиумом и его употребление.

«Кажется, опиумные сделки сами чем-то напоминают характер этого наркотика. Они (торговцы) получают расслабление сознания с тремя процентами комиссии на продаже и одним процентом на прибыли, и никаких безнадежных долгов!»¹¹—удовлетворенный комментарий молодого американца Вильяма Хантера, который присоединился к торговле в 1837 г. В его заметках о первом посещении Китая, зафиксирован беглый взгляд на торговлю опиумом: «“Роза” причалила в залив, где уже находились два английских корабля с опиумом и две китайские военные джонки, на последних развевались яркие флаги. Тут же от одной из них отчалила лодка и направилась к кораблю. В ней восседал чиновник, изящно расположившийся на сидении. Его пригласили на борт, угостили сигарами и вином, но чиновник захотел узнать, почему капитан бросил якорь в заливе, несмотря на запрет. Ему объяснили, что из-за встречных ветров и течений им необходимо было пополнить запасы питьевой воды. Чиновник достал “длинный красный свиток” и попросил своего секретаря зачитать его, чтоб напомнить ему текст. В нем говорилось, что Кантон был единственным портом, в котором разрешалось торговать иностранцам, но поскольку милость императора была безграничной, он разрешает кораблям, вынужденным причалить из-за встречных течений и ветров, пополнять запасы питья и еды. прежде чем продолжать путешествие. После того как формальности были соблюдены, всем китайцам, кроме личного секретаря чиновника, было приказано остаться в лодке. В каюте чиновник осведомился, сколько ящиков опиума было на борту, ему отвечали, что их было двести. Вино и сигары способствовали быстрым переговорам, чиновник был удовлетворен суммой, полученной при предыдущей операции

и согласился закрыть глаза на нас. Он вернулся в лодку, а китайские торговцы уже выстроились на берегу, чтобы заключить сделку».

Страны Запада были не менее лицемерны, чем сами китайские чиновники. Ост-Индская компания выращивала мак — огромные бенгальские и бухарские территории, заросшие высокими цветущими маками представляли собой потрясающее зрелище. Но для сохранения своего статуса кораблям компании и ее служащим запрещалось перевозить и продавать этот товар. Некоторые миссионеры, хотя большая их часть была против подобной торговли, курили опиум во имя Славы Господней. Одним из самых известных миссионеров-протестантов был Карл Фридрих Гутцлаф, друг Вильяма Хантера, которого тот описывает как «известного прусского миссионера, который вместо изучения Библии и научных трактатов работал толмачом при продаже опиума»¹². Гутцлаф сопровождал суда наиболее успешных компаний-контрабандистов, одна из которых была основана двумя предприимчивыми шотландцами Джардином и Мэтисоном. Джардин объяснял, что хотя многие и считают подобную торговлю аморальной, «крайне необходимо предоставить каждому судну возможность возместить затраты». Также он писал, что «чем успешней будет сделка, тем большую сумму денег ты получишь в свое распоряжение для продолжения миссии и ее успеха, в котором мы все глубоко заинтересованы»¹³.

В 1839 г. император отправил в Кантон своего инспектора, который позже стал известен всей Европе как комиссар Линь. Ему было поручено принять любые меры для того, чтобы остановить вредоносную торговлю, и он решил обратиться к монархам тех стран, которые поставляли опиум. Линь решил начать с американских торговцев, однако вскоре понял, что это довольно непросто, поскольку у них не было короля, которому подчинялась бы вся нация, а власть находилась в руках двадцати четырех сенаторов. К тому же, в этой игре куда более важной фигурой были англичане. Он объяснил императору: «В данный момент ими управляет молодая женщина. Однако мне сообщили, что именно она снаряжает корабли. Мне кажется, стоит начать с обращения к ней»¹⁴.

Письмо комиссара Линь Цзэсюя королеве Виктории стало одним из самых известных документов в истории отношений Китая с

западными державами. В его послании по-прежнему сквозит убеждение, что Англия — вассал Китая:

Короли вашей благородной страны из поколения в поколение всегда отличались вежливостью и смиренностью. Мы читали ваши даннические меморандумы... мы лично польщены тем, насколько благородные правители вашей страны глубоко понимают основные принципы Небесной благодати. Поэтому Поднебесная удвоила свое благосклонное расположение к вам. Прибыль от торговли устраивала всех в течение двух столетий — это тот источник, который принес вашей стране богатство.

Потом он переходит к сути дела, весьма реалистично оценивая лицемерную политику Англии:

Позвольте спросить, где же ваша совесть? Я слышал, что в вашей стране запрещено курение опиума, ведь вред его очевиден. Поскольку в вашей стране запрещено наносить вред нации, то уж вовсе вы не должны наносить вред другим странам, а тем более Китаю! Ведь из всего того, что продает Китай, нет ни одного товара, который бы не был полезен людям, все это полезно, когда его едят, используют в быту, перепродают. .. Возьмите хотя бы чай и ревень — ни одна страна не может прожить и дня без них. Если Китай прекратит продажу этих товаров, не обращая внимания на страдания других, то на кого тогда будут полагаться варвары, чтобы продлить свое существование?

Китайцы были удивлены, когда узнали, что без ежедневного потребления ревеня у европейцев случается запор. Далее Линь спрашивает у королевы, как она может позволить себе «продавать вредные для здоровья людей продукты, дабы насытить свою алчность», и заканчивает такими словами:

После того как Вы получили это напутствие, не могли бы Вы срочно ответить нам, разъяснив детали процесса прекращения торговли опиумом в Китае? Пожалуйста, не откладываете свой ответ¹⁵.

Насколько известно, письмо это потерялось по дороге, королева, которой было всего двадцать лет, так никогда его и не увидела (оно было отправлено из Кантона 18 января 1840 г.). Трудно поверить, что письмо Линя не вызвало бы как минимум минутного шока, прежде чем чиновники смогли бы объяснить королеве сложившуюся экономическую ситуацию.

Тем не менее Линь не ограничился написанием писем. Он заставил английских торговцев сдать ящики с опиумом, отдал распоряжение по их вскрытию и приказал сбросить их содержимое в море (предварительно извинившись перед духами моря за вынужденное загрязнение воды и увещевая их не вмешиваться, для их же блага). Десятки тысяч ящиков опиума были уничтожены. Такой беспрецедентный поступок комиссара Линя послужил поводом для военных действий со стороны англичан, которые решили отстаивать свои права.

Военные действия прерывались бесплодными переговорами и продолжались вплоть до 1842 г., когда британцы захватили важный связующий пункт между Великим каналом и Янцзы, что испугало императора и заставило его пойти на уступки. В результате был подписан Нанкинский договор, который стал первым в ряду так называемых «неравноправных договоров». Это соглашение подразумевало выполнение примерно тех же требований, что и в письме Макартни, сформулированных еще за пятьдесят лет до этого. Гонконг, таким образом, отошел англичанам в качестве торговой базы, пять главных китайский портов стали открытой зоной торговли — английские корабли могли беспрепятственно швартоваться в них с любым товаром на борту. В каждом из портов был свой консул и снижены тарифы. Китайцы надеялись, что «курение опиума постепенно прекратится», а англичане — на то, что китайцы выплатят шесть миллионов долларов в качестве компенсации за действия комиссара Линя. Существовал еще один пункт договора, добавленный год спустя, который, видимо, и послужил отправной точкой для

скачкообразного процесса укоренения западноевропейских держав в Китае. Англичане пользовались своим привилегированным положением, которое подразумевало, что любые соглашения, которые будут сделаны касательно других стран, автоматически и без дальнейших переговоров должны распространяться и на Англию.

В течение нескольких лет США и Франция добились тех же привилегий, что и Англия, а в 1856 г. Англия и Франция нашли повод, чтобы начать военные действия и захватить Пекин в 1860 г., полностью разрушив и разграбив Летний дворец императора, располагавшийся в нескольких милях к северо-западу от города. Когда военные действия прекратились, англичане поняли, что теперь они могут свободно передвигаться по всей стране, плавать по Янцзы на своих кораблях, отправлять послов к императорскому двору, основывать христианские миссии без разрешения властей, открыто торговать опиумом и при этом требовать возмещения за урон, который им причинили.

В следующие тридцать лет в Китай стекалось огромное количество торговцев и миссионеров, что продолжалось до 1895 г., когда началось военное вторжение других стран, а именно — война Китая с Японией за контроль над Кореей. Тот факт, что огромная империя была разгромлена маленьким островным государством, которое, как и Китай, не давно было тесно связано со своим феодальным прошлым, но сумело быстро и качественно перенять все технические новинки иностранцев, демонстрируя слабость маньчжурской династии. Так, японский военно-морской флот с легкостью топил старые китайские джонки. В результате началась недобросовестная борьба держав за возможный раздел Китая, мысль о котором становилась все более привлекательной. Европейцы требовали новых уступок от имперского правительства, каждое послабление, пожалованное шатким императорским двором одной из держав, моментально вызывало требования тех же уступок со стороны остальных. Зоны влияния того или иного государства были негласно очерчены на случай распада империи. Банкиры Британии, Англии, Франции, Германии и России выделяли огромные ссуды, чтобы Китай мог выплатить контрибуцию победившей его Японии.

На протяжении последующих шестнадцати лет, до того времени, когда императорская власть в Китае перестала существовать, иностранцев в стране было больше, чем когда-либо. Среди них были

туристы и даже солдаты, не говоря уж о торговцах и миссионерах. Эти люди, попав в Поднебесную благодаря варварским поступкам своих соотечественников, ужаснулись, обнаружив в жизни традиционного Китая несомненные признаки варварства, полагая это явным доказательством того, что европейцы были абсолютно правы, взявшись за цивилизацию Китая. Огромное количество писем с описанием отвратительной традиции бинтования ног отправлялось из Китая, а некий французский врач записал свои наблюдения после осмотра нескольких евнухов.

Действительно, для европейцев было удивительно, что некоторые формы средневековых изуверств просуществовали в Китае вплоть до начала XX в. Доктор Матиньон, издавший в 1899 г. свою книгу «Суеверия, преступления и беды в Китае (заметки по социальной биологии)» («*Superstition, Crime et Misère en Chine (Souvenirs de biologie sociale)*»), упоминал о том, что в семьях, живущих возле императорского дворца, существовала наследственная традиция оскотления и продажи сыновей в евнухи. Во время операции, после которой примерно четыре процента людей умирали в первую неделю от того, что моча разливалась в крови, пенис отсекали вместе с яичками. Дело в том, что любые, даже самые незначительные признаки мужского достоинства тут же исключали евнуха из списка придворных, наличие этих достоинств проверялось во время регулярных дворцовых осмотров. Даже незначительный кусочек кожи, оставшийся в паху у одного евнуха, вызвал такие сложности, что бедняга спрашивал у доктора Матиньона о возможности операции. Несмотря на все эти ужасы, желающих было много. Дело было в том, что многие юноши предпочитали роскошную жизнь во дворце нищенскому существованию за его пределами. Последним жутким штрихом в описании Матиньона было то, что одна из семей, живших возле дворца, хранила целую коллекцию отрезанных и заспиртованных половых органов. Они были позаимствованы у тех простаков, которые не потребовали их после операции. Их сдавали напрокат незапасливым евнухам, на случаи дворцовых шествий, на которых каждый из них должен был продемонстрировать свои достоинства, или же продавали семье умершего, поскольку считалось, что человек должен отойти в мир иной в целостности, в том виде, в каком он был рожден.

Бинтование стоп девушкам было менее древней традицией, чем осклопление, и просуществовала она не два или не три тысячелетия, а «всего лишь» одно. Считается, что этот обычай, история которого началась еще до прихода к власти династии Сун, происходит от моды придворных танцовщиц. Если это действительно так, то в этом заключается грустная ирония, поскольку сама традиция положила конец искусству танца в Китае — китайская империя была единственной страной Востока, не имеющей богатых традиций классического танца. Со временем ноги стали бинтоваться туже, а образ забинтованной стопы приобрел символический смысл и отменить эту традицию стало просто невозможно. Это был символ общественного статуса женщины — ведь дама, которая может вести праздную жизнь и самостоятельно передвигаться лишь на очень незначительные расстояния, естественно, не принадлежит к рабочему классу; она не могла далеко уйти от дома и была игрушкой, украшением мужского жилища (позже эта традиция распространилась на низшие классы общества, будто бы и не было этой первопричины). И конечно же, не одно столетие эти крохотные искалеченные ступни вызывали восторг мужчин, став чем-то вроде национального фетиша. Из-за того что женская ножка была постоянно сокрыта под бинтами, она стала символом чего-то интимного. На изображениях эротического характера художники династий Сун и Мин изображали обнаженными различные части женского тела, включая половые органы, но ни на одном из них женские стопы не были оголены. На самых откровенных из них могла быть изображена женщина, ослабляющая бинты на ногах. Некий иезуит XVIII в. написал о бинтовании ног: «Во время свадьбы жених и невеста не видят друг друга. Традиционно жениху присылали изображение стопы невесты, а не ее портрет, как это принято у нас в Европе. В этом плане их вкусы настолько извратились, что я знал даже одного врача, у которого общение с женой сводилось к тому, что он любовался ее ножками и ласкал ее стопы»¹⁶. Век спустя китайские христиане в исповедях признавались в нечистых помыслах по поводу женских ступней. Лорд Макартни написал об этой традиции: «Я никак не могу простить китайцам их традицию сдавливать женские пальчики, втискивать их в обувь младенческого размера, что лично я считаю адской пыткой»¹⁷.

Бинтование ног было действительно адской пыткой. Процедуру начинали проводить, когда ребенку исполнялось шесть лет: в подходящий день девочке мыли ноги и обрезали ногти, затем щедро припудривали ступни квасцами, четыре маленьких пальчика пригибали к пятке, и, наконец, бинтовали стопу тканью в два дюйма шириной и десять дюймов в длину. Через несколько дней бинты снимали, и через каждые две недели ножки обували в башмаки, длина которых была на десятую часть дюйма меньше, чем предыдущие. Девочку, которая тайком ослабляла бинты, избивали, если это обнаруживалось, однако те, кто ослаблял бинты, страдали еще больше от боли, которую испытывали, когда кровь приливала обратно к ступням. Нужно было не менее трех лет, чтоб достичь идеальной длины стопы в три дюйма. В последующие годы кожа на ногах уже не гнила так сильно, как это было вначале, однако на протяжении всей оставшейся жизни в каждую туфельку вкладывался маленький пакетик с благовониями, хоть и считалось, что даже самый ужасный запах был приятен для истинного ценителя.

На протяжении веков велась борьба за отмену нелепой традиции. В начале правления династии Цин маньчжуры попытались отменить бинтование ног в своих семьях, к чему сами маньчжурские женщины отнеслись с крайним негодованием — настолько сильно было влияние моды. Взамен они придумали для себя туфли с высоким деревянным каблучком, носки которых, соблазнительно выглядывая из-под юбки или штанины, создавали иллюзию модных «ножек-лотосов». Однако повлиять на китайцев и заставить их отказаться от традиции не могли даже императорские указы. Только в конце XIX в., когда началась борьба за естественный размер ступни, взгляды начали постепенно изменяться. Американские и европейские женщины также приложили к этому максимум усилий — это стало частью «крестового похода» женщин за эмансипацию и модернизацию Китая. В начале XX в. традиция, сохранявшаяся веками в императорском Китае, стала постепенно сходить на нет и была окончательно запрещена представителями тех сил, которые свергли династию Цин и положили конец двухтысячелетней власти императоров в Китае.

Однако иностранцы не были единственной силой, с которой боролась в последние годы своего правления династия Цин. Маньчжуры с самого начала придерживались китайских традиций

управления, руководствуясь в этом поддержкой китайского чиновничества, однако они стремились сохранить свою национальную идентичность и держать страну под контролем, выступая в роли оккупантов, подобно монголам. Им запрещалось брать в жены китайских женщин (маньчжуры составляли лишь 2% населения Китая, и без этого указа они без труда были бы ассимилированы китайцами), а китайцам запрещалось проживать на родине маньчжуров — Маньчжурию изолировали за символической границей в виде рва длиной в несколько сот миль, засаженного ивами, известного как Ивовый палисад. Военные силы также были в руках маньчжуров, а гражданская администрация была распределена между китайцами и маньчжурами. Кроме того, маньчжурам было запрещено заниматься торговлей или физическим трудом. Каждый мужчина обязан был быть солдатом в так называемых «знаменных войсках». Другую крайнюю позицию на социальной лестнице занимали родственники императора, количество которых постоянно увеличивалось — они вообще не занимали постов в правительстве и жили за счет государства.

Император Канси был настолько образован и обладал столь хорошими манерами, что он сумел склонить на свою сторону интеллигенцию, чего в свое время не удалось добиться монголам. Его правление продлилось шестьдесят один год, впоследствии этот рекорд побил его внук Цяньлун, который правил шестьдесят три года. Период стабильности, характеризующий их правление, продолжался вплоть до конца XVII в. Большинство маньчжурских семей, включая те, члены которых не занимали правительственных постов, получали государственное жалование на протяжении пяти поколений. Упадок маньчжурской династии совпал по времени с появлением новой угрозы, пришедшей из Европы.

Первое крупномасштабное восстание против династии, известное как тайпинское, было вызвано рядом объективных факторов, среди которых были и враждебность, которую китайцы испытывали по отношению к маньчжурам, и потеря престижа императора во время Опиумных войн, а также голод на юге и деятельность христианских миссионеров. Лидером восстания стал Хун Сюцюань, школьный учитель из деревни, случайно прочитавший христианскую брошюру. Ему удалось убедить своих соотечественников в том, что он якобы является младшим сыном Иисуса Христа и прибыл в Китай, для того

чтобы помочь его народу избавиться от маньчжуров. Он провозгласил себя «Небесным правителем» (*Тянь ван*) «Небесного государства великого благоденствия» (*Тайпин тяньго*). Пообещав народу, что все земли будут поровну разделены между населением, он привлек на свою сторону огромное количество крестьян, которые, объединившись, одержали несколько успешных побед над армией слабеющей династии и в 1853 г. заняли город Нанкин. Здесь Хун создал свой административный округ, подобно основателям династии Мин после изгнания ими монголов. Но даже после одиннадцати лет правления в Нанкине, он не смог захватить Пекин. Повстанцы предприняли попытку захватить Шанхай, что привело лишь к конфликту с европейцами, живущими в городе: их разгромила шанхайская армия во главе с «китайским» генералом Гордоном, впоследствии погибшем в Хартуме, который был направлен британской администрацией для подавления восстания. Хун покончил с собой (он давно уже позабыл об аскетическом образе жизни, возложив практики воздержания на своих последователей и устроив себе некое подобие императорской жизни, в частности, обзавелся гаремом небывалых размеров), а в 1864 г. маньчжурская династия отвоевала Нанкин. Восстание, которое сейчас принято рассматривать как предвестие двух последующих, которые в итоге привели к революции и установлению Республики, унесло жизни двадцати миллионов человек и не принесло желаемых результатов. Однако оно ясно дало понять, что династию Цин можно свергнуть.

Едва ли можно сказать, что правление Цинов было продлено вдовствующей императрицей, которая царствовала на протяжении последних пятидесяти лет существования династии, поскольку все ее деяния делали неминуемый конец династии лишь более очевидным. Цыси попала во дворец в 1851 г. шестнадцатилетней наложницей. К ее счастью, через пять лет она родила императору наследника. Когда мальчику было пять лет, его отец умер. В 1861 г., через несколько недель яростной борьбы, Цыси получила абсолютную власть, став сперва регентшей, а затем, в возрасте двадцати шести лет, и вдовствующей императрицей. Правление Цыси продолжалось вплоть до ее смерти в 1908 г.

Ее алчность и тщеславие могли сравниться лишь с ее нетерпимостью к реформам, хотя, как показывает опыт Японии 1868 г., реформы были, пожалуй, единственным путем спасения государства.

Ее эгоизм и недалёковидность хорошо иллюстрирует нижеследующий отрывок. Дело в том, что она очень хотела построить новый Летний дворец на месте того, который разрушили французы и англичане в 1868 г. Однако в ослабленной империи подобное предприятие было бы неоправданным расточительством. В указе 1888 г., где говорилось о строительстве нового дворца, это возражение учитывается:

Мы отдаем себе отчет в том, что правители Священной династии, администрация государства и правительство всегда заботились об интересах и нуждах общества и что распутство правителей предыдущих династий обходилось без выставления напоказ их мест отдыха, охоты и подобных развлечений. Средства на строительство дворца будут взяты из наших личных сбережений и не повлекут за собой никаких затрат или жертв со стороны государства¹⁸.

Как мы видим, Цыси предусмотрела неизбежную критику в ее адрес, однако ответом на эту критику была откровенная ложь: огромная сумма денег, предназначавшаяся на создание современного военно-морского флота, была истрачена Цыси на сооружение нового дворца на берегу озера. В качестве оправдания данных ею обещаний, на берегу этого озера была также построена военно-морская школа. В противном случае, единственным напоминанием о флоте был бы паровой катер, на котором маленький сын императрицы таскал на буксире лодочки придворных дам, а также мраморный павильон в виде колесного парохода «Миссиссиппи», построенный в середине озера, что было, пожалуй, самым причудливым капризом императрицы. Через несколько лет Япония разгромила военно-морской флот Китая, который Китаю так и не удалось модернизировать.

На протяжении XIX в. на всей территории империи вспыхивали восстания. Тайпинское восстание выделялось на их фоне лишь потому, что было наиболее крупным, а также потому, что было спровоцировано необычным христианским движением, а не традиционными китайскими тайными обществами. Общество белого лотоса, послужившее несколькими веками ранее средством для изгнания монголов и установления правления династии Мин, организовало еще одно крупное восстание в 1796 г. в надежде вновь восстановить на

троне наследников династии Мин. Много лет спустя боксерское восстание было организовано одним из ответвлений этого общества — *ихэтуанями*, что может переводиться как Отряды справедливости и согласия, они также известны как Общество боксеров.

Основной целью «боксерского восстания» были освобождение Китая от иностранцев. Изначальной целью этого движения было свержение с трона пришельцев. Однако возрастающее количество европейцев, ведущих себя так, будто именно они владели Китаем, обратило народный гнев в первую очередь на них, а также на еще более ненавистных китайцев-предателей. Одна из придворных клик решила, что боксеры, с их недисциплинированностью, могут оказаться полезными для государства, в результате чего их действия против христиан были поощрены императрицей. Европейские представительства, находившиеся в специальном квартале Пекина, были осаждены, что закончилось захватом города войсками, посланными для освобождения европейцев. Ровно сорок лет спустя после того, как британцы и французы захватили Пекин, европейские войска опять, вошли в город. Однако если в первом случае был разрушен только Летний дворец, то теперь был целиком разграблен Запретный город. Говорят, что даже жена британского посла прихватила оттуда кое-что для себя. Императрица вовремя сбежала из дворца, облачившись в простое голубое платье, в повозке, которой правил юный принц. Новый император (им стал ее болезненный племянник, поскольку ее собственный сын умер) ехал в такой же повозке позади нее. Стражники Летнего дворца вначале не признали в беглецах членов императорской семьи, но вскоре, признав, вынуждены были поторопиться с приготовлением чая. После того, как были отданы краткие распоряжения по сбору ее драгоценностей, которые она приказала отправить на север от Великой китайской стены, вдовствующая императрица отправилась в более безопасные отдаленные районы. Из всех дошедших до нее новостей, более всего ее ужаснуло то, что иностранцы захватили Летний дворец, покрыли стены надписями и даже полежали на ее кровати.

Императрица вернулась в Пекин через шестнадцать месяцев. В это время западные державы установили огромную контрибуцию, (которая выплачивалась Китаем вплоть до 1940 г.). Помимо этого, им удалось сделать один очень важный тактический ход. Когда они поняли, что

боксеры выступают против династии Цин, они предоставили помощь подавлению восстания. Это означало, что в случае казни или устранения самых видных пробоксерски настроенных врагов вдовствующей императрицы стало возможным ее возвращение в столицу. Во время ее церемониального возвращения в Пекин иностранцы выстроились в шеренгу. Проходя мимо них, она улыбнулась им и слегка поклонилась.

С этого момента ее политические взгляды сильно изменились. Цыси организовывала дружеские чайные церемонии для женщин из христианских миссий, вместе с ними позировала фотографам. Маньчжурская принцесса, чей отец был министром в Париже, прибыла ко двору в 1903 г., чтобы встретиться с императрицей. Ее специально попросили надеть французское платье, а ее описание этого эпизода наглядно демонстрирует, как западная не принужденность заменила строгие требования церемонии *коуту*:

Ее Величество поднялась с кресла, увидев нас, и пожала нам руки... У нее была обворожительная улыбка. Пока мы говорили с ней, мы заметили джентльмена, стоящего в отдалении, а чуть позже она сказала: «Позвольте мне представить Вам императора Гуансюя, но Вы должны называть его Ваньсуйе (десятитысячелетний повелитель), а меня зовите Лаоцзун (Великий предок)». Его Императорское Величество застенчиво пожал нам руки¹⁹.

Вот до такой степени Китай отошел от своих традиций.

Цыси начала проводить реформы, столь необходимые стране, — это были те же реформы, попытка проведения которых была осуществлена еще тем застенчивым императором в короткий период его правления в 1898 г. Тогда благонамеренные старания были прерваны Цыси, которая посадила его на трон в трехлетнем возрасте, а потом фактически заключила в тюрьму на острове, приказав казнить шестерых его советников. Через пять лет она заговорила его словами, выдавая идеи императора за свои собственные. Конфуцианская система экзаменов была отменена, были сделаны первые шаги по введению в систему образования современных наук. Правительственные sinecure прекратили свое существование. Телесные наказания также были

отменены. Было заключено соглашение с британскими торговцами о контроле продажи опиума. Были даже разговоры об установлении конституционной монархии, и группу ученых послали в Европу для изучения парламентской системы.

Образованные китайцы осознавали неизбежность реформ, но для проведения реформ им не нужна была угасающая маньчжурская династия — жестокая и деспотичная императрица сошла со сцены. В 1908 г. умер племянник императрицы, а она пережила его лишь на двадцать четыре часа. Однако к этому времени она уже успела объявить имя нового императора. Им должен был стать двухлетний принц, которого она посадила на трон, став регентшей.

В течение предшествующих пяти лет революционные группировки и тайные общества присоединились к республиканскому движению Сунь Ятсена, который надеялся разжечь отдельные очаги революции одновременно в разных частях Китая. Все произошло в точности по его плану. Восстание в Сычуани (направленное против строительства железной дороги), подхваченное восстанием солдат Учана в провинции Хубэй, привело к тому, что в октябре 1911 г. революционеры заняли самые важные пункты страны. Провинция за провинцией объявляли о своей независимости от маньчжурской династии, и 12 февраля 1912 г. было объявлено, что малолетний император отрекся от престола. В указе было сказано; «Стремления народа очевидны», и даже тогда эти слова были должным образом подтверждены авторитетом древности: «Форма китайского правительства должна быть конституционной республикой, чтобы удовлетворить желаниям каждого в пределах империи и действовать согласно с древними мудрецами, которые считали императорскую власть общественным наследием»²⁰.

На этом и подходит к концу самая продолжительная история империи в мире. С того момента, как Шихуанди впервые объединил китайские земли, прошло две тысячи сто тридцать три года. Его надежда на бесчисленное количество потомков-императоров не оправдалась, но количество правителей, которые сменили его на троне, было настолько близко к бесчисленному, насколько продолжительной была история Китая. Изучая ее, несложно потерять ощущение времени. Сравнение ее с двумя другими великими империями, возможно, может помочь оценить положение китайской империи в исторической перспективе. Римская империя возникла в эпоху правления династии

Хань, а погибла в период правления династии Тан. Британская империя была основана в начале правления династии Цин и лишь немного пережила ее.

За эти два тысячелетия Китай создал устойчивую, постепенно развивающуюся культуру, со своими собственными критериями оценки добродетелей и пороков. От учеников Конфуция до тех, кто сдавал экзамены по его учению в 1900 г., от самодержавия Шихуанди до Цыси, от гончарных изделий, найденных в ранних захоронениях, до фарфора, изготовленного в императорских печах Цзиндэчжэня, от надписей на гадальных костях до указа об отречении последнего императора — все это начало и конец истории имперского Китая, связанные сквозь тысячелетия, и подобные связи, даже между столетиями, непросто отыскать в истории других империй. История Китая не имеет аналогов в истории человечества.

Заключение

То, что последняя глава этой книги заканчивается 1912 г. так, как будто эта дата является определенным завершением длительного периода китайской культуры и истории, объясняется, во-первых, тем, что этот год знаменует собой конец того, что было предметом этой книги, во-вторых, беспорядки, пришедшиеся на первую половину XX в., и режим, установленный в стране в 1949 г., на первый взгляд кажутся кардинально отличающимися от чего бы то ни было в прошлом Китая. Однако не окажется ли это в долгосрочной перспективе недоразумением? Смогут ли глубоко укоренившиеся китайские традиции, как и прежде, создавать ощущение продолжения истории в совершенно иные времена? Возможно, будущие историки будут рассматривать период с 1912 г. до 1949 г. подобно всем другим бурным переходным этапам между двумя периодами стабильности, или, если говорить, в старой терминологии, — периодами династических правлений. Конечно, первый правитель, пришедший к власти после 1912 г., отвечал тем же характеристикам, что и предыдущие, так как обладал всеми традиционными атрибутами основателя новой династии. Этим правителем был Юань Шикай, генерал, которого маньчжуры призвали ко двору как единственно сильного человека, способного подавить революцию 1911 г. Следуя старой традиции, он попытался сосредоточить всю власть в своих руках. Он предложил императорской семье отречься от престола (предупреждая их об опасности сложившейся ситуации разговорами о судьбе Людовика XIV и его семьи). Затем как командующий наиболее сильными воинскими соединениями в стране он предложил Сунь Ятсену, в том случае, если последний выдвинет его на пост президента Республики, вместе работать на благо будущего Китая. Сунь, слабый в военном отношении и сверхдоверчивый в политическом, согласился на это предложение. Через несколько лет намерения Юаня стать новым императором Китая стали очевидными. Однако эти замыслы, которые в сложившейся ситуации имели мало шансов на успех, были перечеркнуты смертью Юань Шикая в 1916 г.

Далее последовал период хаоса, во время которого шла борьба милитаристов за господство над Китаем, пока в 1928 г. Пекин не был взят Чан Кайши, который оказался самой сильной личностью в националистической партии (Гоминьдан) Сунь Ятсена после смерти последнего в 1925 г. В Китае у власти снова было сильное правительство, хотя двадцатилетнее правление Чан Кайши нельзя назвать стабильным временем. Китай был в состоянии постоянной гражданской войны с коммунистами, во главе которых стоял Мао Цзэдун, чей административный аппарат прямо называли «фашистским во всех отношениях, кроме эффективности»¹. Эта борьба была прервана лишь тогда, когда возникла необходимость объединиться для отражения нападения японцев.

Стабильность пришла с окончательной победой Мао в 1949 г. Зачастую ведутся споры о том, можно ли считать, что новый Китай под его руководством отказался от жестко централизованной системы правления имперского прошлого, или же, наоборот, его политический курс стал естественным продолжением этих традиций. Конечно, принятие международной материалистической эгалитарной философии было совершенным отказом от всего того, что считалось святым в императорском Китае. Однако, с другой стороны, все обстояло не так просто. Конфуцианство — учение ортодоксальное в меньшей степени, чем марксизм, и, чтобы соответствовать условиям, созданным правящим режимом, так же как и при правлении большинства старых династий, необходимо постоянное совершенствование и продвижение по служебной лестнице. В этом отношении несложно заметить, что некое официальное лицо коммунистической партии является новой версией чиновника старых времен. Точно так же культ личности Мао (который сам он порицал) придал ему практически религиозный статус, сходный с тем, который раньше был у императора как Сына Неба. Пренебрегая ценностью человеческих жизней, Мао правил столь жестоко, что даже первый легистский император Шихуанди смог бы восхищаться им.

Период маоистского правления также включает в себя культурную революцию 1966—1969 гг., один из тех резких сдвигов в политике, которые периодически имели место и в истории различных династий. В это время происходила чистка наделенных чрезмерной властью последователей конфуцианства или нападки на слишком богатых

буддистов. Предоставление Мао в 1966 г. свободы действий «красным охранникам» — школьникам и студентам — терроризировать любых партийных функционеров, которые могли быть объявлены ревизионистами и «идущими по капиталистическому пути», было типичной безжалостной кампанией во внутривластной борьбе коммунистической иерархии. Тем не менее в культурной революции звучал эхом прокатившийся сквозь века мотив — страх того, что экзаменационная система предоставляет приоритет детям образованных людей, подрывая таким образом задачу системы быть открытой для всех.

Даже печально известные «митинги критики и борьбы» имели прецедент, хоть и менее экстремального характера, в период правления династии Сун. Жертвы таких митингов, окруженные разъяренными юнцами, размахивающими неумолимыми маленькими красными книжками, в которых были собраны мысли председателя Мао, должны были признать свои заблуждения и принять правильные взгляды (если только смерть не помешает этому). В XI в. критики реформ Ван Анши (см. стр. 168-185) жили в более спокойные времена, но, в целом, ситуация была схожей. Им были предоставлены «классы самокритики», где они должны были самостоятельно учиться с помощью чтения до тех пор пока не исправят собственных заблуждений.

Кроме того, жестокость «красных охранников» чем-то напоминает эпизод из еще более ранней истории, отраженный в поэме танской династии (цитированной на стр. 133-134). В ней Бо Цзюйи описывает жестокую кампанию против конфуцианцев, спровоцированную их постоянными врагами — дворцовыми евнухами. Поэт находится в доме чиновника старейшины деревни, когда солдаты врываются в дом. Они пьют его вино, едят его еду и срубают дерево в саду, которое хозяин посадил тридцать лет назад, а перед тем как уйти, советуют не жаловаться, так как у их генерала-евнуха есть высочайшее покровительство. Эта картина, рисующая старшего по возрасту и более образованного человека, который должен уступить, когда молодые хулиганы врываются к нему в дом, является типичнейшей ситуацией во время культурной революции.

Анонимность и безликость правителя и высоких официальных лиц, характеризующие имперскую историю страны, неприменимы к первым десятилетиям китайского коммунизма. Мао Цзэдун, Чжоу

Эньлай и Дэн Сяопин — одни из самых известных личностей в истории XX в. У них было общее геройское прошлое, так как все они были товарищами по Великому походу длиной в 6000 миль, который в 1934—1935 гг. помог коммунистической армии избежать окружения армией Чан Кайши на юго-востоке Китая и добраться до безопасных мест на северо западе провинции Шэньси. Там коммунисты пополнили свои силы для военной кампании, которую они в итоге выиграли несколькими годами позже. Тем не менее эти связи не помогли Дэну избежать отставки и унижений в период культурной революции. Его ошибка заключалась в том, что он отстаивал более либеральную экономическую политику, отличавшуюся от «смирительной рубашки» марксистских экономических догм.

В последние месяцы жизни Мао Китай захлестнул еще один новый всплеск крайнего радикализма и жестокости, организованный его женой, Цзян Цин, и тремя ее товарищами. Банда четырех была арестована в месяц смерти Мао, в сентябре 1976 г. Моментально произошел переход к более мягкой политике, и к 1977 г. Дэн Сяопин стал доминирующей фигурой в Китае, оставаясь в этом качестве вплоть до своей смерти. Однако введенный Дэном новый уровень экономической свободы привел к появлению надежд на политическую свободу и демократические реформы. Разочарование в этих надеждах в 1989 г. привело к двухмесячным демонстрациям на Тяньаньмэнь, центральной площади Пекина. К демонстрации, начатой студентами, вскоре присоединились представители и других слоев населения. Было подсчитано, что иногда на площадь выходило до миллиона людей. В ответ на этот кризис Дэн 20 мая ввел в городе военное положение. 3 июня он приказал армии очистить площадь. Когда танки покинули площадь, более 2500 убитых остались лежать на площади (одиноким студент, бросающий вызов танку, перед тем как быть раздавленным, стал неизменным символом XX века). Это событие раз и навсегда запятнало образ Китая в отношении соблюдения прав человека.

В 1993 г. Дэн выбрал своего приемника, Цзян Цзэминя, обеспечив в том же году его выборы в качестве председателя КНР. Цзян Цзэминь продолжил начатые Дэн Сяопином экономические реформы, дан зеленый свет высокоэффективной форме китайского капитализма, но в то же время проводя весьма жесткую внешнюю политику. Цзян Цзэминь точно так же выбрал и подготовил своего приемника, Ху

Цзиньтао, с тем чтобы он стал председателем КНР в конце второго срока Цзэмина в 2003 г.

Китайская политика вряд ли изменится под руководством Ху Цзиньтао в основном потому, что экономическая либерализация и жесткий политический контроль являются чрезвычайно эффективной социальной моделью. Трудность заключается в сохранении этой модели на протяжении длительного времени. Однако китайская традиция, после более чем двух тысячелетий правления императорских династий, тяготеет к высокодисциплинированному обществу, как на уровне семьи, так и на уровне более крупных социальных объединений. Обладая этим преимуществом и населением более чем в 1,2 биллиона в 2003 г., очевидно, что Китай станет одной из сверхдержав XXI в. Подобный поворот фортуны после перенесенных в XIX в. унижений действительно весьма приятен.

Список цитированной литературы

Данный список отнюдь не избранная библиография и не полный перечень всех тех книг, которые были использованы при работе над этой книгой. Это просто список тех работ — источников цитат, на которые я ссылаюсь в примечаниях.

Backhouse, E. & Bland, J. O. P. Annals and Memoirs of the Court of Beijing. London, 1914.

Bary, William T. de. Sources of Chinese Tradition. 2 vols. New York, 1964.

Bauer, Wolfgang & Franke, Herbert. The Golden Casket: Chinese Novellas of Two Millennia. London, 1965.

Bingham, Woodbridge. The Founding of the T'ang Dynasty. Baltimore, 1941.

Bodde, Derk. China's First Unifier. Hong Kong, 1967.

Bretschneider E. Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources. 2 vols. London, 1888.

Bush, Susan. The Chinese Literati on Painting (1037-1636). Cambridge, Mass., 1971.

Bushell, Stephen W. Description of Chinese Pottery and Porcelain, Oxford, 1910.

Cameron, Nigel. Barbarians and Mandarins, Thirteen Centuries of Western Travellers in China. New York, 1970.

Carter; Thomas P. The Invention of Printing in China and its Spread Westwards. New York, 1925.

Chen, Kenneth. Buddhism in China. Princeton, 1964.

Cheng Te-k'un. Archaeology in China. 3 vols. Cambridge, 1959-63.

Collis, Maurice. Foreign Mud, London, 1946.

Confucius, (1). The Analects, translated by Arthur Waley. London, 1938.

Confucius, (2). The Wisdom of Confucius, translated by Lin Yutang. London, 1958.

Creel, Herrlee Glessner, (1). The Birth of China, London, 1936.

Creel, H. G., (2). Confucius, the Man and the Myth. London, 1951.

Creel, H. G., (3). The Origins of Statecraft in China. Chicago, 1970.

Ennin's Diary: The Record of a Pilgrimage to China in Search of the Law, translated by Edwin O. Reischauer. New York, 1955.

Fairbank, John K., (ed). Chinese Thought and Institutions, Chicago, 1957.

Fitzgerald, C. P. The Birth of Communist China. Harmondsworth, 1967.

Garner; Sir Harry. Oriental Blue and White. London, 1970.

Gernet, Jacques. Daily Life in China on the Eve of the Mongol Invasion. London, 1962.

Gulik, R. H. van. Sexual Life in Ancient China, Leiden, 1961.

Han Fei Tzu. Basic Writings, translated by Burton Watson. New York, 1964.

Hsu, Francis L. K. Under the Ancestors' Shadow. New York, 1948.

Hsun Tzu. Basic Writings, translated by Burton Watson. New York, 1963.

Hunter, W. C. The «Fan Kwae» at Canton before Treaty Days. London, 1882.

I-Li, or Book of Etiquette and Ceremonial, translated by John Steele. 2 vols. London, 1917.

Jenyms, Soame. Later Chinese Porcelain. London, 1965.

Karlgren, Bernhard. Sound and Symbol in Chinese (revised ed.). Hong Kong, 1971.

Kracke, E. A. Civil Service in Early Song China. Cambridge, Mass., 1953.

Legge, James. The Chinese Classics. 5 vols. Hong Kong, 1861-7.

Li Po. The Works of Li Po, translated by Shigeyoshi Obata. New York, 1922.

Lin Yu tang, (1). The Chinese Theory of Art. London, 1967.

Lin Yutang, (2). The Gay Genius: The Life and Times of SuTungpo. London, 1948.

Liu, James T. C., (1). Ou-yang Hsiu. Stanford, 1967.

Liu, J. T. C., (2). Reform in Song China. Cambridge, Mass., 1959.

Liu Wu-chi. An Introduction to Chinese Literature. Bloomington, 1966.

Macartney, Lord. An Embassy to China: journal. Ed. J. L. Cranmer-Byng. London, 1962.

Malone, Carroll B. History of the Beijing Summer Palaces under the Ch'ing Dynasty. Urbana, 1934.

- Mo Tzu*. Basic Writings, translated by Burton Watson. New York, 1963.
- Mote, F. W.* The Poet Kao Ch'i. Princeton, 1962.
- Needham, Joseph.* Science and Civilisation in China. 4 vols. Cambridge, 1954-71.
- Pan Ku.* The History of the Former Han Dynasty, translated by Homer H. Dubs. 3 vols. Baltimore, 1938-55.
- Pel is si er, Roger:* The Awakening of China. London, 1967.
- Polo, Marco.* The Description of the World. Ed. A. C. Moule and Paul Pelliot. London, 1938.
- Reischauer, Edwin O.. & Fairbank, John K.* East Asia: The Great Tradition. London, 1960.
- Ricci, Matthew.* China in the Sixteenth Century: the journals of Matthew Ricci, translated by Louis J. Gallagher. New York, 1953.
- Ripa, Matteo.* Memoirs, selected and translated by F. Prandi. London, 1844.
- Shang.* The Book of Lord Shang, translated by J. J. L. Duyvendak. London, 1928.
- Sima Qian.* Records of the Grand Historian of China, translated by Burton Watson. 2 vols. New York, 1962.
- Siren, Osvald.* Chinese Painting: Leading Masters and Principles. 7 vols. London, 1956.
- Smith, D. Howard.* Confucius. London, 1973.
- Spence, Jonathan.* K'ang-Hsi, Emperor of China. New York, 1975.
- Stein, Aurel.* Serindia. 5 vols. Oxford, 1921.
- Te-ling, Princess.* Two Years in the Forbidden City. London, 1912.
- Teng Ssu-yu & Fairbank John K.* China's Response to the West. Cambridge, Mass., 1954.
- Ts'ien, Tsuen-hsuein.* Written on Bamboo and Silk. Chicago, 1962.
- Waley, Arthur;* (1). The Book of Songs. London, 1937.
- Waley, A.,* (2). Chinese Poems. London, 1946.
- Waley, A.,* (3). The Life and Times of Po Chu-i. London, 1949.
- Waley, A.,* (4). The Opium War through Chinese Eyes. London, 1958.
- Waley, A.,* (5). The Way and its Power. London, 1934.
- Waley, A.,* (6). Three Ways of Thought in Ancient China. London, 1939.
- Watson, Burton,* (1). Early Chinese Literature. New York, 1962.
- Watson, B.,* (2). Ssu-ma Ch'ien, Grand Historian of China. New York, 1958.

Watson, William. Ancient Chinese Bronzes. London, 1962.

Yule, Henry. Cathay and the Way Thither. 2 vol. London, 1866.

Примечания

Династия Шан

1. Cheng, Vol. II, xxi.
2. Ibid., 88.
3. Karlgren, 39.
4. Watson, B., (1), 14-15.
5. Creel (1), 208.
6. Watson, W., 101-3.
7. Creel (2), следующая после титульной страница.
8. О'Нэйлы в Ирландии, см.: Burke's Peerage, 1970,2025.
9. Legge, Vol. V, Part I, 310.
10. Needham, Vol. 1,70.
11. Cheng, Vol. 11,76.
12. Ibid., 231-2.

Династия Чжоу

1. Creel (1), 215-16
2. Cheng, Vol. III, 294.
3. Liu Wu-chi, 19.
4. Creel (3), 413.
5. Confucius (1), 173-4.
6. Smith, 49.
7. Confucius (1), 83.
8. Confucius (2), 256.
9. Ibid., 149.
10. Ibid., 146-7.
11. Hsun Tzu, 126.
12. Watson, B., (2), 24.
13. Waley (5), 68-9.

14. Mo Tzu, 127.
15. Ibid., 125.
16. Ibid., 111.
17. Needham, Vol. II, 167-8.
18. Waley (5), 151.
19. Ibid., 171.
20. Waley (6), 36.
21. Han Fei Tzu, 86.
22. Reischauer, 83.
23. Han Fei Tzu, 109.
24. Shang, 210.
25. Ibid., 2.
26. Bodde, 21.
27. Mo Tzu, 114.
28. Bodde, 34, прим. 1.
29. Han Fei Tzu, 111.
30. Bodde, 24.
31. Han Fei Tzu, 116.
32. Ibid., 17-18.
33. Bodde, 44.

Династия Хань

1. Watson, B., (2), 63-6.
2. Mo Tzu, 44.
3. Sima Qian, Vol. I, 206.
4. Ibid., 77.
5. Ibid., 270.
6. Ibid., 323.
7. См., например: Ibid., S21-2.
8. Ibid., 387.
9. Pan Ku, Vol. II, 367-70.
10. Sima Qian, Vol. 1, 264.
11. Bauer, 48.
12. Sima Qian, Vol. 1, 384.
13. Confucius (2), 93.

14. Hsun Tzu, 92.
- 15.1-Li, Vol. II, 109.
16. Ibid., 136.
17. Ibid., 117.
18. Ibid., 185.
19. Waley(1), 2J1.
20. Sima Qian, Vol. 1,456-7.
21. Waley (2), 86-7.
22. Ibid., 43.
23. Sima Qian, Vol. II, 266.
24. Ibid., 265.
25. Ibid., 264.
26. Ibid., 269.
27. Ibid., 477.
28. Ibid., 493,495.

Династия Тан

1. Ch'en, 171.
2. Stein, Vol. II, 809-25.
3. Ch'en, 199-200.
4. Bingham, 14.
5. Bodde, 44.
6. Li Po, 290.
7. Ibid., 71.
8. Liu Wu-chi, 73.
9. Waley (3), 58.
10. Ibid., 29. Из прекрасной биографии Бо Цзюйи, написанной Л. Уэли, я заимствовал всю информацию, относящуюся к дружбе поэта с Юань Чжэнем.
11. Ibid., 32.
12. Ibid., 34.
13. Gernet, 157.
14. Waley (3), 177.
15. Ibid., 186.
16. Ibid., 210.

17. Ibid., 212.
18. Ennin, 16.
19. Ibid., 352.
20. Ibid., 355.
21. Bary, Vol. I, 373.
22. Ennin, 382.
23. Ibid., 367-8.
24. Gulik, 126.
25. Ibid., 145.

Династия Сун

1. Kracke, 127.
2. Lin Yutang (2), 108.
3. Waley (3), 127-8.
4. Ibid., 149.
5. Siren, Vol. II, 29.
6. Bush, 25.
7. Liu, J. T. C, (1), 132.
8. Lin Yutang (1), 71.
9. Liu, J.T.C.,(1), 101.
10. Siren, Vol. II, 77.
11. Lin Yutang (1), 92.
12. Tsien, 138.
13. Gernet, 126.
14. Carter, 41.
15. Ibid., 50.
16. Bary, Vol. 1,417-18.
17. Liu, J.T.C.,(2), 49.
18. Gulik, 240. Все цитаты из Ли Цинчжао даются по книге:
Gulik,240-2.
19. Gernet, 236.

Династия Юань

1. Yule, Vol. II, 291-306.
2. Polo, 85.
- 3.1 bid., 204.
4. Ibid., 238-9.
5. Ibid., 239.
6. Gernet, 85,137.
7. Ibid., 237.
8. Siren, Vol. IV, 31.
9. Ricci, 305.

Династия Мин

1. Mote, 217.
2. Ibid., 216.
3. Reischauer, 314.
4. Gulik, 246-8.
5. Siren, Vol. IV, 148-9.
6. Ricci. 93, 167. 337.
7. Ibid., 20-1.
8. Ibid., 326.
9. Ibid., 327.
10. Ibid., 364.
11. Ibid., 571.
12. Ibid., 98.
13. Ibid., 335-6.
14. Ibid., 71.
15. Fairbank, 277.
16. Hsu, 139.
17. Bretschneider, Vol. II, 325.
18. Ricci, 27.
19. Karlgren, 20-1.
20. Waley (3), 174-5.
21. Polo, 208-9.
22. Ricci, 312.
23. Bushell, 181.
24. Jenyns, 13-14.

25. Oxford English Dictionary, s. v. China, 3b.
26. Garner, 5-6.
27. Reischauer, 315.
28. Spence, Section I.
29. Backhouse, 178.
30. Ibid., 181.

Династия Цин

1. Cameron, 248-9.
2. Spence, Section VI.
3. Ibid.
4. Cameron, 210-15.
5. Macartney, 106, 109.
6. Ibid., 122-3.
7. Cameron, 303.
8. Macartney, 123-4.
9. Ibid., 153.
10. Teng, 19.
11. Hunter, 72-3.
12. Ibid., 70.
13. Collis, 82.
14. Waley (4), 58.
15. Teng, 24-7.
16. Ripa, 58.
17. Macartney, 229.
18. Malone, 197.
19. Te-ling, 19-20.
20. Pélissier, 256.

Заключение

1. Fitzgerald, 106.

Научное издание

Бамбер Гасконе

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ДИНАСТИЙ КИТАЯ

Директор издательства *В. В. Чубарь*

Главный редактор *В. Ю. Трофимов*

Корректор *Н. Г. Исупова*

Верстка *М. В. Петрова*

Подписано в печать 09.11.09. Формат 60x90 1/32.

Усл. печ. л. 11. Гарнитура «Times*».

Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.

Тираж 2000 экз.

Заказ № 167.

ООО «Издательство „Евразия“» 199026, Санкт-Петербург, Средний пр., д. 86, пом. 106, тел. 320-57-74,

сайт www.eurasiabooks.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в в типографии ООО «ИПК „Бионт“ 199026, Санкт-Петербург, Средний пр. В. О., д. 86 тел. (812) 322-68-43.

Протяженная граница, давние торговые, экономические, политические и культурные связи способствовали тому, что интерес к Китаю со стороны России всегда был высоким. Предлагаемая вниманию читателя книга в доступной и популярной форме рассказывает об основных династиях Китая времен империй. Не углубляясь в детали и тонкости автор повествует о возникновении китайской цивилизации, об основных исторических событиях, приводивших к взлету и падению китайских империй, об участвовавших в этих событиях людях – политических деятелях или простых жителях Поднебесной, о некоторых выдающихся произведениях искусства и литературы.

ISBN 978-591852009-3

9 785918 520093

notes

Примечания

А. Уэйли (1889-1966) — известный английский китаевед и японист, переводчик и исследователь классической литературы этих стран Дальнего Востока. — Здесь и далее все постраничные примечания принадлежат редактору.

Занаду — райская долина в поэме С. Т. Колриджа (1772-1834) «Кубла Хан»; в переносном смысле земной рай, идиллически прекрасное место.

В оригинале игра слов: автор употребляет слово «china», означающее фарфор, фарфоровые изделия; в то же время «Китай» по-английски обозначается тем же словом, пишущимся с заглавной буквы — «China».

4

Пекинский синантроп (лат.).

BASIC English (British American Scientific International Commercial English) — международный искусственный язык на основе английского, предложенный в 1925 г. британским лингвистом Огденом. Для эффективного общения с помощью жестикуляции требуется небольшой словарь, включающий слова, обозначающие предметы, действия и направления, а также слова, выражающие степень и качество; 850 таких слов и составляют BASIC English.

Пер. с кит. А. А. Штукина.

Пер. с кит. А. А. Штукина.

Пер. с англ. Т. Гнедич.

Пер. с кит. Л. С. Переломова. Некоторые высказывания «Суждений и бесед» принадлежат ученикам Конфуция; процитированный здесь фрагмент принадлежит Ю-цзы.

Пер. с кит. Л. С. Переломова.

Пер. с кит. А. С. Мартынова. Ср. перевод В. М. Алексеева:
«Ловкий речь, умелая мина... Как мало у таких людей человеколюбия».

Пер. с кит. Е. А. Торчинова.

Пер. с кит. Е. А. Торчинова.

Существует несколько точек зрения на происхождение слова «China»; одна из них связывает его с названием государства и империи Цинь. Русское слово «Китай» произошло от этнонима «ки-данс» — народности, некогда населявшей северо-западные области этой страны.

Женское затворничество в мусульманских странах.

Пер. с кит. Л. З. Эйдлина.

Кит. Чжуцзян — река на юго-востоке Китая, левый рукав дельты р. Сицзян.